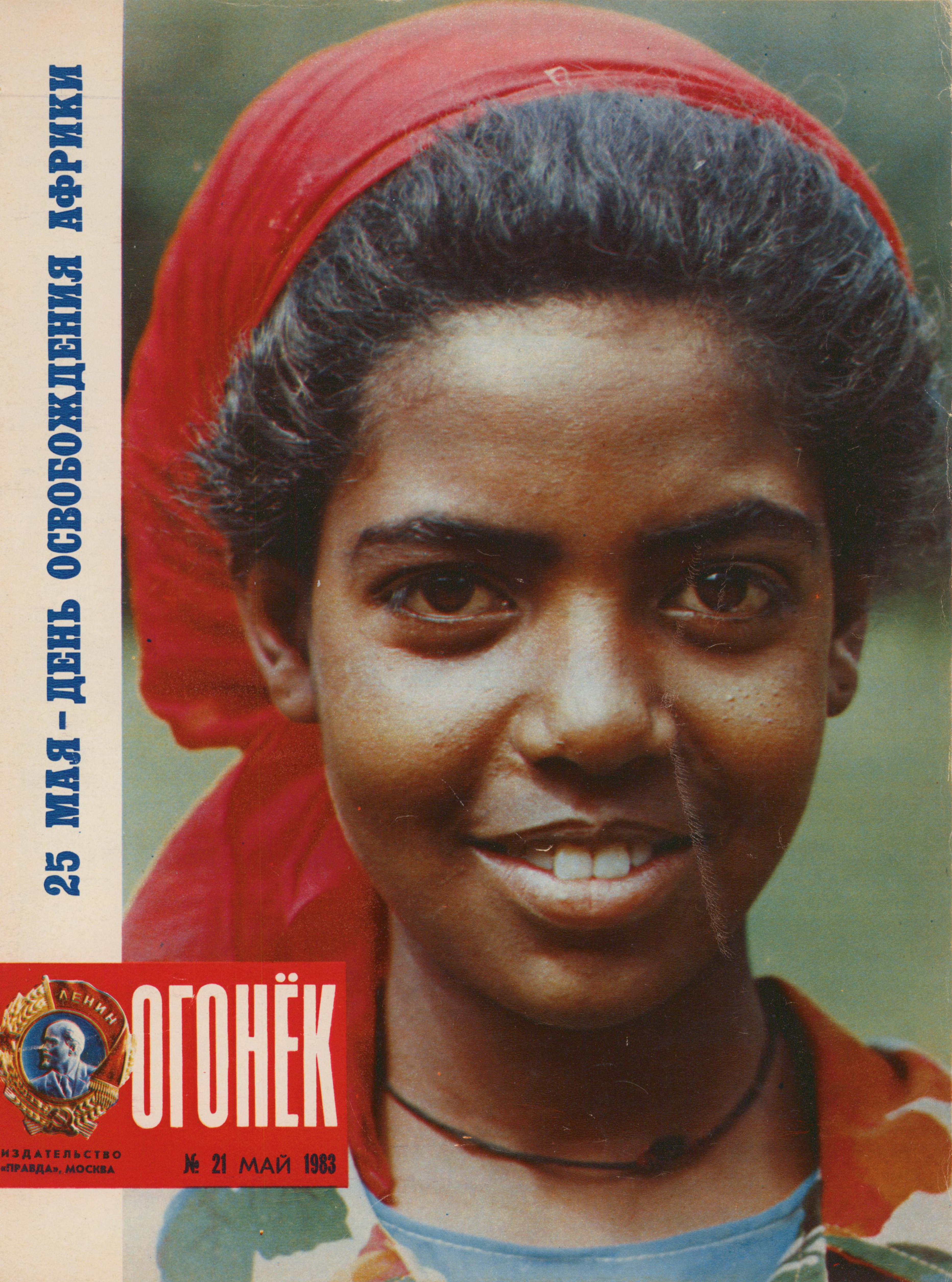

25 МАЯ - ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ АФРИКИ
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 21 МАЙ 1983

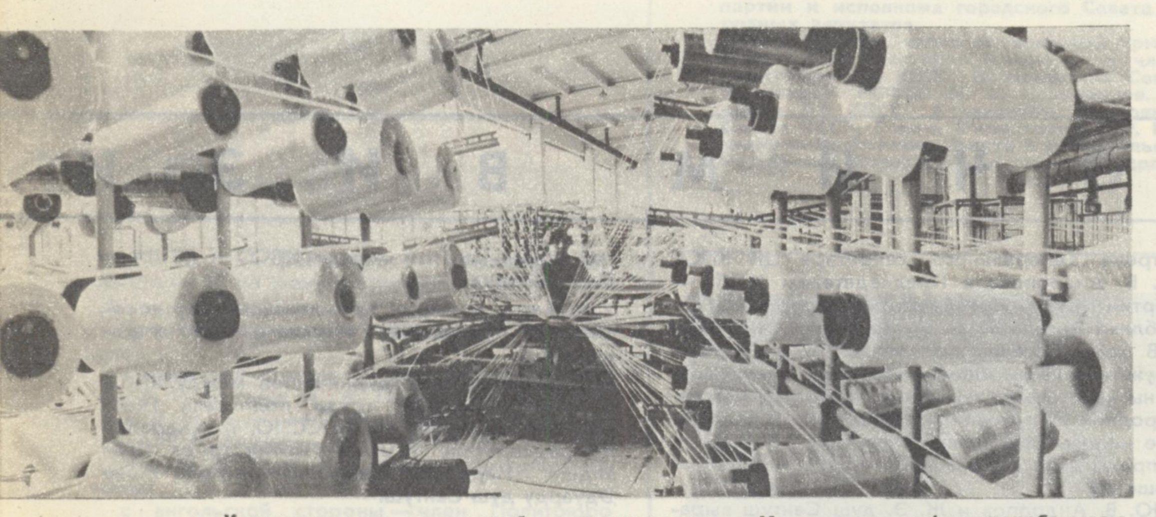

ФОТО
НЕДЕЛИ

Под девизом «Защитим мир» в Западном Берлине состоялась грандиозная манифестация, посвященная 38-й годовщине освобождения народов Европы от ига фашизма. Около 25 тысяч западноберлинцев заполнили открытый театр «Вальдбюне», чтобы заявить решительное «нет» агрессивным планам Вашингтона и НАТО, потребовать отказа от размещения в Западной Европе нового американского ядерного оружия средней дальности.

На снимке: участники антивоенного выступления.

Телефото АДН — ТАСС

Коллектив цеха по переработке полипропилена Московского нефтеперерабатывающего завода решил в этом году на сэкономленном сырье выпустить сверх плана 200 тысяч метров армированной пленки, используемой в сельском хозяйстве.

На снимке: один из участков завода

Фото Ю. Лизунова (ТАСС)

◀ Артековцы. Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Советские боксеры на первенстве Европы завоевали 8 золотых медалей (см. в номере материал «Восемь из восьми» на стр. 29).

Финальная встреча боксеров легчайшего веса Ю. Александрова (СССР), признанного лучшим боксером чемпионата, и С. Бузоли (Югославия).

Телефото ТАСС

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

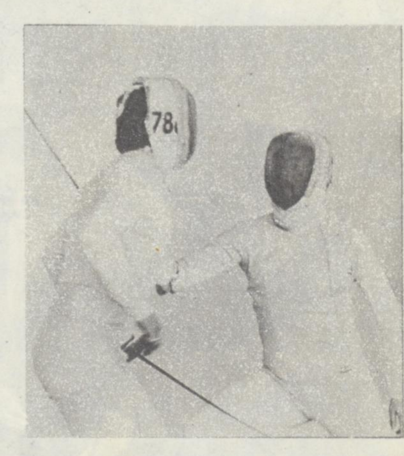
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 21 (2914)

21 МАЯ 1983

В НОМЕРЕ:

Во время встречи.

Фото В. Мусаэльяна, Э. Песова (ТАСС)

С РАБОЧИМ ВИЗИ

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства 16 мая в Москву с рабочим дружественным визитом прибыл Председатель МПЛА — Партии труда, Президент Народной Республики Ангола Жозе Эдуарду душ Сантуш.

На Внуковском аэродроме Ж. Э. душ Сантуша приветствовали член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, другие официальные лица.

Среди встречавших находился посол НРА в СССР Л. Д. П. де Каштру.

В тот же день в Кремле состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова с Председателем МПЛА — Партии труда, Президентом Народной Республики Ангола Жозе Эдуарду душ Сантушем.

В ходе беседы, прошедшей в атмосфере дружбы и взаимопонимания, были рассмотрены некоторые актуальные проблемы международной обстановки, и прежде всего положение на юге африканского континента, а также вопросы советско-ангольских двусторонних отношений.

Ю. В. Андропов и Ж. Э. душ Сантуш выразили удовлетворение неуклонным укреплением дружбы и всестороннего сотрудничества между СССР и Анголой на прочной основе Договора о дружбе и сотрудничестве и высказались за дальнейшее развитие связей и контактов во всех областях, в том числе путем расширения практики обмена мнениями и консультаций на разных уровнях.

Было подтверждено взаимное стремление и впредь продолжать обогащающий обе партии обмен опытом между КПСС и МПЛА — Партией труда.

16 мая в Большом Кремлевском дворце состоялось подписание советско-ангольских документов.

Соглашение о сотрудничестве между КПСС и МПЛА — Партией труда подписали Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов и Председатель МПЛА — Партии труда, Президент Народной Республики Ангола Жозе Эдуарду душ Сантуш.

Протокол о культурном и научном сотрудничестве между СССР и НРА на 1983—1984 годы подписали член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и член ЦК МПЛА — ПТ, министр иностранных дел НРА П. Жоржи.

План партийных связей между КПСС и МПЛА — Партией труда подписали кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК

Во время подписания.

Т О М

КПСС Б. Н. Пономарев и секретарь ЦК МПЛА — ПТ по международным связям А. Ван-Дунен (Мбинда).

При подписании документов присутствовали:

с советской стороны — товарищи Г. А. Алиев, В. В. Гришин, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков, другие официальные лица;

с ангольской стороны — член Политбюро ЦК МПЛА — ПТ, министр обороны П. М. Тонья (Педале), член Политбюро ЦК МПЛА — ПТ, генеральный секретарь Национального объединения трудящихся Анголы П. Лувуалу, член ЦК МПЛА — ПТ, министр планирования Л. ду Насименту, министр энергетики и министр нефтяной промышленности П. де Каштру Ван-Дунен (Лой), министр финансов, управляющий национальным банком А. Тейшейра де Матуш, другие официальные лица.

Фото А. Пахомова

ВЫСОКАЯ НАГРАДА ПРОКОПЬЕВСКУ

16 мая в Прокопьевске состоялось торжественное заседание городского комитета партии и исполкома городского Совета народных депутатов.

На заседании, тепло встреченный присутствующими, выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцев. От имени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, Президиума Верховного Совета и правительства Российской Федерации он горячо поздравил собравшихся, всех тружеников города и области с наградой Родины.

Под аплодисменты собравшихся М. С. Соломенцев прикрепил орден Трудового Красного Знамени к знамени города.

На снимке: кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцев прикрепляет орден Трудового Красного Знамени к знамени города.

Телефото А. Кузярина (ТАСС)

Нью-Йорк. В здании постоянного представительства СССР при ООН состоялось торжественное вручение ордена Дружбы народов Национальному председателю Коммунистической партии США Генри Уинстону.

На снимке: во время церемонии вручения высокой награды.

Телефото В. Мостовца (ТАСС)

Демонстрация солидарности с никарагуанским народом в Мехико.

Фото АП—ТАСС

СЕЙЧАС ГЛАВНОЕ—ЗАЩИТА РЕВОЛЮЦИИ

Бойцы Сандинистской народной армии ведут огонь по позициям сомосовцев.

Пятый месяц в северных департаментах Никарагуа идет необъявленная война. Пятый месяц тысячи сомосовцев, вооруженных, экипированных и обученных ЦРУ, пытаются вернуть на свободную никарагуанскую землю былые времена. Не смолкают в горах Хинотеги и Нуэва-Сеговии взрывы мин и гранат. Не утихает перестрелка в непроходимой сельве Северной Селаи. Стелются черные дымы горящих селений над долинами Чинандеги.

Дорого обходится никарагуанскому народу навязчивая идея президента Рейгана покончить с национально-освободительным движением в Центральной Америке. Только с начала этого года материальный ущерб от агрессии составил почти 600 миллионов долларов. Погибло пятьсот никарагуанцев и еще больше угнано в Гондурас. Взятый недавно в плен сомосовец признался, что инструкторы в тренировочных лагерях по ту сторону границы приказывали им уничтожать в первую очередь специалистов — врачей, техников, учителей, инженеров — и жечь прежде всего кооперативы и государственные хозяйства. Такими методами Центральное разведывательное управление США ведет военную и экономическую агрессию против народа Никарагуа.

Сегодня никарагуанцы уходят на фронт, выполняют на производстве нормы за погибших товарищей, откладывают в сторону книги и тетради и отправляются в районы недавних боев восстанавливать разрушенное врагом. Правда, есть и такие, что, воровато оглядываясь и пряча гаденькую ухмылку, спешат набить свои кладовые продуктами и ждут «освободителей». Но их немного.

В августе прошлого года банда сомосовцев напала на государственный автопарк в местечке Йияс, что на севере департамента Селая. Расправившись с малочисленной охраной, бандиты взорвали шестнадцать грузовиков. Новенькие «КрАЗы», только что полученные из Советского Союза, были превращены в груды металлолома.

Механики и шоферы, водившие раньше эти грузовики, решили восстановить машины. Три долгих месяца работали они одни в сельве, не расставаясь с карабинами, часто голодая. Сами, на примитивных станках, под навесом из пальмовых листьев, вытачивали детали. У них не было суббот и воскресений, не было нормированного рабочего дня. Они засыпали с наступлением темноты прямо в автомобильных кабинах, поднимались с первыми лучами солнца.

Сейчас все шестнадцать «КрАЗов» оглашают победным ревом девственные джунгли Селаи. «Что скрывать, не сладко нам пришлось в эти дни,— говорит Франсиско Треминьо, сорокалетний механик с широкими плечами штангиста и улыбчивым лицом.— Но мы знали, что сделать нужно, нужно для революции. И сделали. В революции у каждого свой фронт. У солдат — окопы, у нас — стройка. И там и здесь мы сражаемся за революцию. И победа необходима нам на всех фронтах».

...В городке Сомотильо, что в департаменте Чинандега, жара. Раскаленный добела солнечный шар неподвижно застыл над головой. В траншеях, обращенных брустверами на север, тихо. Все, кто мог, укрылись в блиндажах и в тени перекрытий, и лишь наблюдатели замерли на своих постах. В двух километрах отсюда — Гондурас, и каждую минуту оттуда может донестись хлопок минометного выстрела или морзянка пулеметных трасс. Подсаживаюсь к молодому парнишке в форме резервиста. Он сосредоточенно трет ветошью свой автомат и что-то насвистывает.

— Почему пошел добровольцем в резервный батальон?— удивленно повторяет он мой вопрос.— Чтобы защищать родину и революцию. Как же можно спокойно жить и заниматься своими делами, когда враг ломится через наши границы, убивает, насилует, грабит? Нет, компаньеро, вот покончим с агрессией, тогда и о личном подумаем. А сейчас главное — защита революции.

На восточном кладбище в Манагуа ряд недавно возникших холмиков. В изголовьях — сандинистский флажок. У одной из могил, спрятав в ладонях лицо, застыла девушка в траурном платье. Услышав шаги, она вздрагивает и поднимает на меня заплаканные, покрасневшие глаза.

— Кто он был для вас? Муж, отец, брат?

— Брат,— едва слышно шепчет она.— Младший брат. Странно: вот его не стало. Никогда не будет. Не верится. Помню его таким смешным, забавным карапузом, которому больше всего на свете нравилось дергать мамины бусы. И вот его нет.— Она вынимает из-за кромки рукава сложенный вчетверо белый листок и протягивает мне.— Его последнее письмо из Нуэва-Сеговии. Хотите прочесть?

«Здравствуйте, мама и ты, сестренка,— читаю я неровные, разбегающиеся строки.— Очень скучаю о вас, и друзьях, и о Манагуа. Но мой долг — быть здесь, в горах. Утешаю себя тем, что бандитам недолго осталось топтать нашу землю. Скоро мы их окончательно разобьем, вот тогда и увидимся. Приеду, и отправимся все вместе на озеро. Если вы не возражаете, пригласим и Алисию. Сестренка, она ведь твоя подружка, передай ей, что я часто ее вспоминаю. А она меня? Обо мне не беспокойтесь — здоров и весел. Ждите, ваш Альберто».

Письмо короткое, как жизнь Альберто, и чистое, как песня.

У никарагуанской революции сотни тысяч таких, как Франсиско, как тот парнишка в окопе, как Альберто.

Михаил БЕЛЯТ,
соб. корр. АПН
СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ОГОНЬКА»

Манагуа.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ

— Вот лезет та рука к народу —
Отнять свободу.
— По локоть отлетит рука!
— Наверняка!

Дм. Демин

ЗЕМЛЯ: ПАРТНЕРЫ И ПРОБЛЕМЫ

Николай БЫКОВ, Александр ЩЕРБАКОВ, специальные корреспонденты «Огонька»

строка из продовольственной программы

II

В Воронеже удивились: «Как, вы не знаете Батухтина?» Удивились, наверное, потому, что самито воронежцы, в каком бы районе ни жили, Михаила Владимировича Батухтина, председателя колхоза «Путь к коммунизму», знают. И знают давно. Мы тоже давно были наслышаны о делах этого колхоза и помнили, каков он, Михаил Владимирович: его фотография была когда-то на обложке «Огонька». Высокий, спортивного сложения немолодой человек на лыжах шел на читателя из глубины прекрасной березовой аллеи. Рядом внук, тоже на лыжах...

Этот экскурс в прошлое был необходим для характеристики человека, к которому мы тотчас поехали, как только об опыте колхоза «Путь к коммунизму» упомянули в разговоре. Мы знали и не знали Батухтина, человека в области авторитетного, многоопытного, чье слово в первую весну РАПО дорогого стоит.

И вот он — действительно высокий, спортивного лада, немолодой... И очень доброжелательный. Интеллигентный. Предупредительный. Откровенностью отвечает на откровенность. В доме библиотека, о каких нынче втайне грезят многие. Как бы эпиграфом к неизбежному разговору о новшествах в управлении процессами на селе предложил выписку из какой-то книги, лукавые и в то же время назидательные слова великого российского реформатора: «Все прожекты зело исправны быть должны, дабы казну зряшно не разорять и отечеству ущерба не чинить». Петр I. Посмеялись этому почти житейскому «семь раз отмерь...». Консерватизм крестьянина? Но какой же Михаил Владимирович консерватор! Хозяйство, которое он возглавил молодым еще, двадцать восемь лет назад, тем и отличается, что его экономика зиждется на «китах» поиска, прогресса, достижений науки и техники...

Родом Михаил Владимирович вятский, по образованию лесник, лес — его страсть и призвание. Тридцатитысячник — так его оформили в сентябре 1955 года, когда по призыву партии на село двинулся огромный отряд посланцев из городских учреждений и предприятий, а Михаил Владимирович — доброволец, только более нетерпеливый, недавний директор лесозащитной станции, он с февраля — на полгода раньше всеохватного порыва — председательствовал в Ямном, Рамонского района.

Но ближе к нашей теме: что за партнеры сосуществуют нынче на земле, в чем тут старые и новые проблемы?

— Земля — от нее все, — громко, страстно, еще и еще раз повторял Батухтин.— Мы живем и работаем в краю черноземов, а у нас в колхозе их отродясь не было. Ну, не обидно ли? Во всяком случае, такова исходная данность: супесь. А рядом — пойма. Вот из этого исходим. Ямное — село пригородное. География тоже «величина» постоянная, ее нельзя игнорировать. Чем местные крестьяне занимались испокон веку? Картофелем — на песке, овощами — на пойме. Молоко тоже дело естественное и заманчивое. Так, исходя из стародавних, не мною нащупанных деревенских традиций, стали укреплять экономику. Не самотек, а подчинение вековому крестьянскому опыту, его развитие, разработка жилы... От себя я добавил что? Лес. Без этого уж я никак не мог. Надо было беречь и пойму и супесь полей от эрозии. Сейчас в колхозе тысяча сто гектаров леса! Полезащитные полосы, аллеи...

У колхоза «Путь к коммунизму» устойчивые, достаточно высокие экономические показатели. Десять лет подряд колхозу вручают Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Десять лет...

У Батухтина особый дар предвидения. Он прирожденный экспериментатор, но из тех, кто исповедует власть земли, крепко стоит на ногах. Он давно опробовал все те рычаги экономики, которыми еще предстоит овладеть его партнерам по РАПО.

В колхозе отработана и действует цеховая структура управления. Сотрудничают четыре хозрасчетных цеха: механизации, растениеводства, животноводства, строительства. Причем цех механизации не обслуживает. Он сам производит продукцию. Это принципиально важная деталь отработанной Батухтиным модели. Возглавляет каждый цех главный специалист, например, цех механизации — заслуженный инженер РСФСР, он же секретарь колхозной партийной организации Виктор Антонович Зюзюков. Человек в районе да и в области не менее известный, чем сам Батухтин. Виктор Антонович — соавтор Батухтина по созданной модели экономичного хозяйства. И фанатик широкой, всепроникающей механизации. Механизаторы не только пашут, сеют, молотят — нет! Они, организованные в безнарядные звенья, сами выращивают картофель, кукурузу и другие кормовые культуры. На пойме другие специалисты: там овощеводы. В животноводстве — прогрессивная поточно-цеховая организация труда при двухсменке. Царит цикл: отел, раздой, основное производство молока, сухостойный период. Доярки, весь обслуживающий персонал — на месте. А коровы — в движении. Обезличка? Нет. Торжество промышленной технологии. Доярка доит, механизатор кормит. Ветеринар лечит, зоотехник занят селекцией. У каждой коровы паспорт (карточка). Обязательна контрольная дойка — за хвосты в этом колхозе давно не держатся вопреки окрикам тех, кто считает не тонны молока, а поголовье, каким бы оно ни было. В Ямном выбраковку «внедрили» давно.

— Я пятый раз учусь! — смеется Михаил Владимирович. Он имеет в виду свою приверженность науке. Пятый раз — на курсах повышения квалификации в Воронежском сельскохозяйственном институте...

— Я так понимаю РАПО, что это коллективное ведение районного земледелия. Прежде всего земледелия. РАПО — орган совещательный. Я так понимаю, что начальник РАПО как представитель Советской власти имеет больше прав перед любителями давать указания, он защитит интересы колхозов и совхозов. А робеть будет, тогда мы, члены совета РАПО, переизберем его, проголосуем за человека, который держит нашу сторону перед несельскохозяйственными партнерами. Мы теперь все с правом голоса и все товарищи по РАПО!..

А это значит, как мы поняли Батухтина, он получил возможность вмешиваться в дела нерентабельных соседей. И это так. Уже нынешней весной колхоз «Путь к коммунизму» взял четыреста гектаров земли в двух ближних колхозах, чтобы на чужих полях показать преимущества собственной технологии. Делом, показом, личным отношением к земле будет отныне учить тех, кто махнул рукой и на почву, и на урожаи, и на собственные беды. Михаил Владимирович не ждет скорых перемен. Хорошо скоро не бывает, но многое вызывает у него недоумение уже сейчас.

— Сыро еще, не все продумано. Положение о РАПО вызывает противоречивые мысли. В сознании кое-что не уложилось. Партнеры — новое слово. Кооперация — это более привычно. Ленинское слово. РАПО — шаг к кооперированию. Партнеры должны юридически быть связаны. Но пока у нас никаких взаимообязательств, кроме словесных заверений о «ненападении». А планирование? У каждого партнера по РАПО остался свой план, с в о й, — подчеркнул Батухтин. — Нет у РАПО и собственных средств. А музыку заказывает тот, у кого материально-техническая база, у кого фонды и лимиты! Дать все права объединению...

Пока нет ни положений, ни инструкций, ни нормативных актов, которые бы регулировали экономические и правовые взаимоотношения между партнерами. Может быть, только в РАПО Латвийской ССР и Эстонской ССР действительно налажена юридическая служба на селе, призванная защитить интересы хозяев земли.

Мы ждали этих вопросов от председателя колхоза. Точнее, мы ждали от него ответов на подобные н а ш и вопросы, но... С кем бы мы потом еще и в Лискинском и в Новоусманском районах ни говорили о проблемах РАПО, все отвечали вопросом на вопрос. Плохо верят практики, например, выгодам механического объединения, расчетным ценам как рычагам экономики. Почему? Да потому, что нынешние практики не имеют такой, простите, практики: «предприимчивость» долгие годы считалась синонимом «спекуляции». А главное, не все хозяйства возглавляют воодушевленные специалисты, готовые вести дело по-новому. Экскурсий у Батухтина бывает много, он сам и Зюзюков работают под боком, не таясь и на виду у отстающих не одну пятилетку, и все-таки соседский воз и ныне т а м, где-то в пределах достижений восьмой или девятой пятилеток.

Именно практические вопросы реализации Продовольственной программы рассмотрело недавнее совещание в Центральном Комитете КПСС первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии. Важно тенденции улучшения основных экономических показателей придать устойчивый характер. Известно, в сельском хозяйстве решения приняты крупные, весомые. Но сами по себе они «работать» не будут. Грамотное земледелие, эффективное использование наличной техники — с этого начинают те, кто при любых погодных условиях находит пути преодоления объективных и прочих трудностей. Все дело за инициативой на местах. Воронежцы в общем-то активно взялись за дело, а Воронежский обком партии всячески поддерживает первые шаги РАПО.

Прав Батухтин и в том, что не считает хилыми ведомственные перегородки. «Не нами плетень сплетен, который напрочь отделил от забот земных тех, кто с ложкой»... Хозяйств с низкой культурой земледелия все еще много, а почему? Заботой районных учреждений долгие годы было одно: взять, что есть, сегодня. А каким достанется поле детям, внукам, того планы не предусматривали. Никогда и ни у кого. Школьники знают о системе севооборотов, о пользе чистых паров, удобрений, новой техники и новых сортов. Но и посегодня все еще приходится призывать освоить «азбучные» севообороты, холить пары и многолетние травы — без них не сработают ни удобрения, ни полив, ни сорта, ни техника. Так вот и получается, что мало, очень мало таких хозяйств, как у Михаила Владимировича, где почти тридцать лет вся политика колхозников строится вокруг земли и почвозащитной системы. А у соседей? Вложения, усилия, призывы и благие пожелания заметной отдачи не дают. Рубль слабенький, техника вчерашнего дня, люди сбились в бригады по месту жительства, работают без четкой системы оплаты, кадры

Начало см. в № 19.

плохо обучены, а специалисты малопродуктивны и безыдейны. Не все такие. Совхоз «Лискинский» занимается откормом бычков, и ему никак нельзя без своих кормов. Нужда, а потом и выгода заставили тут получать по сорок три центнера кормовых единиц с гектара! А в среднем по району получают двадцать, годами же и того меньше. У колхоза «Высокий», Лискинского района, в банке миллионные накопления, а его соседи рады были, когда государство списало их долги. До индустриальных ли тут технологий? До партнерства ли? Тонко и уверенно ведут свое дело Михаил Владимирович Батухтин, Геннадий Николаевич Кудинов, директор «Лискинского», и директор «Масловского» Виктор Павлович Павленко, но ведь отныне речь идет об экономике районов! Советы РАПО с первых своих шагов уяснили, что передовики сильны механизаторами и механизацией. И вот с этой точки зрения такому партнеру, как «Сельхозтехника», цены бы не было, если бы... Если бы партнерство с ним было закреплено и юридически и фактически, то есть экономически.

Решающее значение имеет степень технической вооруженности полеводов. Хотя сегодня качество техники беспокоит больше, чем ее количество. Одна надежда, что дело иначе пойдет после принятия постановления о мерах по дальнейшему повышению технического уровня и качества машин и оборудования для сельского хозяйства... Ну, хорошо, улучшатся и производство и поставки. А что технику ждет в селе? Вопрос вопросов.

Не без предвзятости входили мы в стан «врагов» деревенских полеводов — кабинет управляющего Новоусманским отделением «Сельхозтехники». Навстречу поднялся совсем не страшный, милый, заметно усталый Александр Иванович Крикуненко. Непостижимым образом он догадался, что мы «на стороне» колхозов и «против» многогрешной «Сельхозтехники». Александр Иванович поспешил заверить нас, что с организацией РАПО он лично испытал облегчение. В принципе конфликтная ситуация на селе, в поле ликвидирована. Да, земле нужен один хозяин! А роль «Сельхозтехники» — обслуживание и никак не вымогательство. Александр Иванович объяснил:

— Промышленность, в частности сельскохозяйственное машиностроение, а также комбайностроители и тракторостроители, по существу, отгородились от селян, от их нужд и забот щитом «Сельхозтехники». Что получилось? Виновники бракодельства, авторы негодных машин и комбайнов — заводчане. А спрос с кого? С нас. Бьют нас, «Сельхозтехнику». Мало электродов? Мы виноваты. Нет металла? Мы. Заводской брак и все, что не пошло в машину, идет на запчасти. Кто виноват? Пришли шестерни из Омска, один зуб толще других. Кто виноват? Не «Сельхозтехника». Но претензии к нам...

Александр Иванович хорошо знает свое дело, его отделение одно из лучших в области.

— Я человек государственного воспитания, самодеятельность не по мне. И я считаю, что мало на селе квалифицированных механизаторов. К технике большинство трактористов относится не по-хозяйски, не как рабочий класс. В деревне перемалывают и машины и запчасти! И с этим надо кончать...

Мы заметили, что себестоимость ремонта в колхозе у такого хозяина, как Батухтин, вдвое ниже, чем в «Сельхозтехнике».

— Да, есть передовые колхозы. Примерно два таких из десяти. Пятая часть... Но более восьмидесяти процентов хозяйств нашего района нуждаются в техническом обслуживании со стороны государственных предприятий. Машина требует культуры, нежности. И знаний — инженерных. А нам из деревни гонят тракторы и комбайны с аварийным износом. Вот и ждем мы от партнеров по РАПО взаимопонимания. Любви не только к полю, но и к трактору...

Любовь — это хорошо. Особенно любовь взаимная. Мы ждали, когда же Александр Иванович расскажет о своей роли в кооперации РАПО. Он развел руками:

— Боюсь, что первые шаги районных объединений слишком робки, это полумеры. Словно бы весна весьма недружная. Поясню свои опасения. Я осознал, что отныне технический сервис — наш долг, наше предназначение. Но... Вы, конечно же, знаете, что все мои планы остались без корректировки. Старый принцип планирования и старая форма отчетности! Вот таблица. Вы видите, что в графе «ремонтная мастерская» проставлено: один миллион семьсот тысяч рублей. Это план. Это закон. Взять эту сумму я должен за ремонт колхозной техники. Наломают ли они на столько? Постараются не наломать. Что делать мне? Ремонтировать так, чтобы недалеко от мастерской отъехали?

И все же «Сельхозтехника» работает по-новому. Но вот парадокс. Заместитель Крикуненко, например, отныне заинтересован как можно меньше истратить деталей на заболевший трактор, а главный инженер — тот, напротив, аж криком кричит: «У меня свой план горит». Какой план? План мастерской, план ремонта. Он так велик, что даже если все машины района насильно отремонтировать, то и тогда мастерская может остаться к осени без работы и без премиальных. До сорока процентов плана новоусманская «Сельхозтехника» ищет на стороне! Ведь все начисления — премии, зарплата — зависят от плана реализации. Корень зла в том, что по-прежнему ремонтная мастерская идет в сводке ЦСУ по «промышленной группе». Очевидная безграмотность планировать ремонт сверху, тогда как надо бы снизу, заранее зная потребности села, каждой бригады.

— Мы теперь члены РАПО, но и в новом плане «Сельхозтехники» не тонны, не гектары или километры, а все те же рубли... Отделение, его рабочая сила могли бы участвовать и в полевых работах, например, сейчас, весной! Когда страда. Но выработка моих людей, рабочих не входит в мой план, в план «Сельхозтехники»...

Да, вживе болезненное противоречие: план ремонтной мастерской увеличили в 1983 году на пять процентов, увеличили механически, танцуя от пресловутого «достигнутого уровня», несмотря на реальные нужды партнеров по РАПО. А ведь исходить плановикам давно бы надо из земных интересов районного объединения. Чтобы меньше было видов и объема ремонта! Но мастерской и главному инженеру позарез надо, чтобы больше. Иначе ни тебе премии, ни тебе должности — уволят без выходного пособия за нарушение святая святых. Вот и царит в «Сельхозтехнике» до сих пор своекорыстная «специализация». Вместо того, чтобы строить свои отношения с колхозными механизаторами по принципу: «Чего изволите?» Даже новое положение о премировании (в зависимости от процента прироста к среднегодовому уровню за предшествующие пять лет) имеет сноску: «При выполнении всех других показателей». А другие показатели перекочевали из... старых форм отчетности. Кажется, проще бы платить за количество эталонных гектаров, то есть за работу трактора. Трактора, который на ходу, а не в мастерской «Сельхозтехники»!..

— Никакой ответственности село перед нами не несет,— сказал Александр Иванович.— Мы вроде бы партнеры, но заказчик всегда прав... Я с этим не согласен. Всегда прав покупатель, но «Сельхозтехника» не магазин, а промышленное предприятие... Задолженность некоторых колхозов государству растет. И это факт. Когда «Сельхозтехника» освободится от ведомственной подчиненности и осядет прочно на земле, пустит поглубже свои промышленные корни, вот тогда только интересы у нас с селянами станут общими...

Примирило предложение первого заместителя областного отделения «Сельхозтехники» Василия Алексеевича Яценко:

— Надо бы платить всем — и селянам-земледельцам и рабочему классу из сферы агросервиса — от валовой продукции района! Что РАПО потопало, то и полопало. Крепче и справедливее этой крестьянской привязки к земле, к полю, к валу производства быть не может. Это бы всех примирило. И хозяев земли и тех, кто обязан облегчать им работу.

Безусловно, признали Яценко и Крикуненко, селяне от РАПО ждут большей технологической гибкости, маневренности людьми и техникой. Бригадный подряд на техническом обслуживании — реальный и очень сильный рычаг. Новоусманское и особенно Верхнехавское отделения имеют в некоторых колхозах станции технического обслуживания (СТО), у них свои планы. И вот эти-то планы реально помогают РАПО. Такова их природа. Коллектив участка, или СТО, берется содержать колхозную технику так, как положено. И тут оплата идет не за часы ремонта, не за детали, а за эталонные гектары грядущей выработки, за экономию горючего и тех же деталей. Учитывается не рост «промышленной продукции» (который есть прямое разбазаривание средств), а конечный результат — продукция полей, которую вырастили с помощью техники, машин. Не сами тонны зерна, кормов, а эталонные гектары, давшие это зерно, корма. Бригада «Сельхозтехники», живущая в селе, в обслуживаемом колхозе, старается, чтобы гектаров было побольше и чтобы их вспашка, обработка, уход за ними обошлись дешевле, а машины не знали бы простоев.

Короче, принцип для РАПО один: получать должен тот, кто в поле. И на поле работает. А кто остался в ремонтной мастерской, кто за пультом диспетчерской, на нефтебазе, в кабинете «Сельхозтехники»? Им тоже жить надо. И тут так много привходящих моментов, не учтенных пока ни Положением о РАПО, ни ведомствами, которые медлят порывать со своими подчиненными, теперь объединившимися с земледельцами и животноводами. Источник оплаты труда и премирования должен переместиться в РАПО, поближе к земле. Из нее бьют родники!

А то, что земля и ее источники, ее родники прокормить могут, мы убедились еще и еще раз в Лискинском районе. Здесь, кроме неустанных поисков в защите земли, кормопроизводстве, техническом оснащении и промышленном откорме, кроме всего этого, еще и серьезно, успешно овладевают таким старым для деревенского бытия «новшеством», как бригадный подряд. Подряд — слово русское, старозаветное. Деревня сильна миром. Деревня часто работала артельно, мастера брали подряд, и тут уж уговор всегда был дороже денег. А что значит «подряд» в современном колхозе или совхозе? Прежде всего наличие земли, техники и коллектива единомышленников-исполнителей. Есть и другие условия, столь же обязательные, но без перечисленного нет никакого подряда. Приведем один пример. В колхозе имени Максима Горького, Лискинского района, кукурузного силоса на минувшую зиму запасли в два с лишним раза больше, чем планировалось. С избытком — до первой зеленки — хватило сенажа, сена. Запас этот от урожайности кормовых растений. Он помог зимой перевыполнить планы по мясу и молоку. В чем же дело? Виновник сытной зимовки — бригадный подряд. А «подрядчик» — бригадир Виктор Гаврилович Дедов. Виктор Гаврилович — прирожденный земледел, мастер на все руки, он и агроном, и механизатор, и вообще артельный человек. Его призвание — земля. Но и командир он толковый. Двадцать лет Дедов выращивает кормовые растения — нашел себя человек. Скирды, стога, траншеи с силосом и сенажом — его ума дело. Виктор Гаврилович технологию кормопроизводства довел, уж кажется, до совершенства. Звено за звеном, по всей технологической цепочке — самое тщательное следование науке и собственному опыту. А главное, связь между человеком дела и полем. Между рублем прямой оплаты и рублем дополнительным, за реальные урожаи кукурузы, люцерны, свеклы.

— Мало болеть душой, хотя и болеть, беспокоиться тоже надо,— считает Виктор Гаврилович.— Надо еще, чтобы интерес был заниматься именно кукурузой или чем другим. Как у Федора Чаплина.

Так же мастерски работают и человечно, ответственно ведут себя в бригаде, например, звеньевой Павел Борисов, механизаторы Иван Дроздов, Виктор Галкин, Иван Мизилин, Николай Шайкин. Отличный набор сотоварищей. Им дали землю — без малого пятьсот гектаров. К земле — нужные машины, инвентарь. Вот и кукуруза прет, что твой лес... Сами пашню готовят, сами сеют, сами убирают. Правда, бывали и конфликты. Например, однажды косить прислали прекрасного комбайнера, но не из их звена. Загудели. А бригадиру Виктору Гавриловичу объяснили: сами управимся. Кто сеял, тот и молотит — от веку так на селе. И Дедов вовремя сообразил, что мужики правы. Зачем им свое упускать?

В заключение надо сказать еще и такое. Очень, как оказалось, бригадир Дедов интересуется балльной системой оценки отдельных работ, принятой в рамонском колхозе «Путь к коммунизму». У Батухтина и Зюзюкина! Вот круг и замкнулся... Теперь, если нас в Воронеже спросят, знаем ли мы Батухтина, с радостью ответим «да». И не одного его! На земле воронежской живут умные, деятельные люди, их действительно волнуют судьбы русских черноземов, благосостояние тамошних сел, жизнь поля, которому так нужен грамотный, преданный хозяин.

Воронежская область.

СРАЖАЮЩЕЕСЯ ИСКУССТВО ПАЛЕСТИНЫ

Геннадий МУСАЕЛЯН

Об ужасах разыгравшейся в Бейруте трагедии сегодня говорит многое: зияющие пробоины в стенах домов, братские могилы и поникший стяг, рядом с которым лежат истлевшие венки со скорбными надписями на траурных лентах...

Трудно поверить, что можно вот так просто сидеть в Сабре, в скромной гостиной Исмаила Шаммута, руководителя Союза работников искусств Палестины, крупнейшего современного художника многострадального народа. Комната сплошь завешана картинами, этюдами, карандашными набросками. Здесь же — старинная одежда, деревянные фигурки кукол. На журнальном столике — чашки с чаем, непременным на Востоке компонентом любой беседы. У моего собеседника удивительно добрые и умные глаза, в которых словно застыли льдинки печали.

— Основных моих работ, полотен пятидесятых — шестидесятых годов, здесь нет, — рассказывает Исмаил. — Они были спрятаны во время войны. Наш район подвергался постоянным варварским налетам израильской авиации.

Шаммут достает несколько цветных литографий, сделанных с его картин. Старик, скорбно бредущий с истощенными малышами. Ребенок у сломанного стула на пепелище. Радостное голубое небо, цветущие деревья, женщины с детьми в ярких праздничных одеждах. Картина называется «Палестина: весна, которая была». Борьбой за свободу и счастье своего народа, верой в торжество справедливости и высокой романтикой пронизано все творчество Шаммута.

— «Палестина: весна, которая была»— одна из любимых моих картин,— говорит Исмаил.— К сожалению, ее больше нет. Она висела в Иерусалимском музее. Израильские коммандос расстреляли «Весну» из автоматов...

Я и моя жена Тамам, тоже художник,— продолжает Шаммут,— убеждены: искусство должно служить борющемуся народу. Этому мы целиком посвятили себя с первых шагов творческой жизни. Не подумайте, что нам чужды такие жанры, как пейзаж или натюрморт. В 1981 году, например, я был в ГДР и написал несколько таких полотен, сделал немало карандашных набросков. Но и когда я рисовал эти безмятежные виды, то своими картинами прежде всего хотел сказать: вот так, в мире, без войны должен жить человек! Эти работы впоследствии демонстрировались в том разрушенном здании, что находится по соседству (оно, точно мехи гармони, было сплющено взрывом американской экспериментальной бомбы). Жители Сабры дали ему поэтичное имя: Дом созидания. В нем располагался большой выставочный зал. Он открылся в 1980 году и принадлежал Союзу палестинских художников.

Свое новое искусство наши живописцы и графики начали формировать после трагических событий 1948 года. Тогда сотни тысяч моих соотечественников были насильно изгнаны с родной земли. Несмотря на тяжелейшие условия, нам удалось под знаменем ООП создать Союз художников с четырьмя его отделениями. А затем после долгой и напряженной борьбы мы открыли два выставочных зала: в оккупированном Рамаллахе и Бейруте. Но в 1980 году захватчики закрыли галерею в Рамаллахе. Они заявили, что якобы палестинские художники выставляют... подстрекательские картины.

Даже когда израильские солдаты вывезли все полотна, врагам не удалось заставить нас капитулировать. Мобилизовав все силы, мы создали обширную коллекцию палестинского искусства. Она экспонировалась на протяжении ряда лет в крупных выставочных залах мира. Сперва в 1978 году в столице ГДР — в известном «Пергамон музеуме», затем — в Будапеште, Варшаве, Праге, Лейпциге, Москве в 1980 году, Минске и Ленинграде в 1982-м. Эта выставка имела большой успех также в Мадриде, Лондоне, Париже, Франкфурте-на-Майне, Хельсинки, Белграде, Токио. Мы считаем ее самым большим творческим достижением.

Продолжал работать и наш выставочный зал в Бейруте. В нем демонстрировались картины живописцев из ГДР, Японии, Кубы. Готовилась и обширная советская экспозиция. Но в июне прошлого года израильские бандиты напали на Ливан. Хочу подчеркнуть: это была война не только против палестинцев и ливанцев, но и против нашей культуры, одной из древнейших на земле. Можно привести обширнейший список разграбленных исторических сокровищ, сожженных книг, взорванных учебных заведений. Причем ливанские события послужили поводом для вандализма сионистов и на оккупированном Западном берегу Иордана, в секторе Газа, Иерусалиме.

Войдя в Бейрут, захватчики похитили ценнейшие древние палестинские рукописи, уничтожили сотни живописных полотен. В южноливанских городах Тир и Сайда они разграбили памятники мусульманской культуры.

— Горькая судьба палестинцев,— медленно выговаривая слова, точно взвешивая каждое из них, говорит Шаммут,— яркий пример того, как решают национальную проблему империалисты и сионисты. Ведь в свое время в Палестине жил фактически один народ, исповедовавший три различные религии — христианство, ислам и иудаизм. Британские колонизаторы, проводя в жизнь политику «разделяй и властвуй», всячески стравливали эти три группы населения. Схожая картина наблюдается сегодня и в Ливане.

Невосполнимую потерю,— с болью произносит Исмаил,— понесла наша коллекция произведений искусства и ремесел, которая приводила в восторг людей многих стран. Экспозиция хранилась в штаб-квартире ООП на улице Мазра. Коммандос захватили это здание и в течение пяти дней грабили его. Украдено около 1200 экспонатов, в том числе национальные костюмы, которым насчитывалось сотни лет, куклы, изделия искусных гончаров, картины. Был вывезен и наш кино- и фотоархив. Мы предпринимаем все возможное, чтобы вернуть эти ценности. Наши представители связались с ЮНЕСКО и передали ей полный список похищенных экспонатов. Это часть общечеловеческого культурного наследия, и оно принадлежит всем людям. Одновременно начато создание новой выставки. Хочу сказать: мы не сдадимся, как бы ни зверствовали и ни бесчинствовали агрессоры.

— Что вам пришлось пережить во время резни в Сабре, устроенной израильскими захватчиками и их подручными из бандитских отрядов предателя Хаддада?

— Поверьте, не могу говорить об этом, мне больно... Знаете, несколько лет назад я смотрел один итальянский фильм. Кажется, он назывался "Десятая жертва». Это была страшная история о том, как в некоем западном обществе будущего время от времени объявляются «дни свободного убийства». Тогда мне подумалось, что это просто болезненный вымысел режиссера. Но зверства в Сабре показали, что и действительность может быть столь же чудовищной.

Мною еще не написана картина об этом фашистском преступлении. Здесь нужен особый подход, особые краски...

Исмаил подводит меня к одному из своих полотен: в нем засели осколки бомбы...

И, как бы отрешаясь от горьких воспоминаний, Шаммут меняет тему разговора, рассказывает о поездках в СССР, где был в последний раз вместе с коллегами в 1980 году.

— Тогда мы подписали соглашение о сотрудничестве с Союзом художников СССР и пригласили нескольких ваших живописцев приехать к нам с творческим визитом: побывать в наших лагерях, познакомиться с теми, кто борется за счастье народа.

— Исмаил, поэт Моин Бсису как-то рассказывал мне, что вас упорно пытались сманить на Запад, мол, вы же окончили академии в Каире и Риме, ваши картины высоко ценятся...

— Это путь не для меня. Да и не сладка жизнь художника в развитых капиталистических странах. В Западном Берлине поселился известный палестинский живописец Ибрагим Газнаа. Чтобы как-то свести концы с концами, он работает санитаром в больнице. И лишь жалкие крохи времени выкраивает для любимой работы. Приведу еще пример. В Мадриде нашел приют после вынужденных скитаний Ахмад аль Джибаль. Он добился успеха и работает заведующим отделом декораций на испанском телевидении. Это хороший пост с солидным окладом. Но сколько горечи я слышал в его словах, когда он говорил о том, что вынужден отдавать силы в общем-то чуждому для него делу. К сожалению, у нас нет своего телевидения, как нет сейчас и своей земли...

На Западе много говорят о свободе творчества. Но так ли это? Художник в капиталистических странах зависит от множества факторов: господствующей буржуазной идеологии и морали, вкусов владельцев галерей, меценатов... Чтобы прожить, необходимо писать картины для продажи. А это отнюдь не стимулирует подлинное творчество. В социалистическом обществе такого не существует, здесь художнику гарантировано настоящее и будущее.

Я прощаюсь с Шаммутом, и гостеприимный хозяин выходит проводить меня. Темнота уже лежит над городом.

— Наступит светлый день и для нашего народа,— пожимая мне руку, говорит Шаммут.— Как бы долог и горек ни был путь к нему. Каждый настоящий художник должен быть устремлен к этому прекрасному будущему и бороться за его скорейший приход.

Бейрут — Москва.

И. Шаммут. ФАТИМА.

И. Шаммут. ПЕРЕБИТОЕ КРЫЛО.

Люди — ваше богатство

СССР глазами друзей

Без малого полвека назад, 11 мая 1935 года, из Праги выехал легковой автомобиль с откидным верхом и номерным знаком Р-313. В машине марки «Аэро», выпускаемой чехословацким заводом, ехали двое: автогонщик Богумил Турек и журналист Вацлав Кениг. «Аэровка» пересекла границу в районе Бреста и проехала по дорогам Российской Федерации, Украины, Кавказа. Турек и Кениг назвали свое путешествие «Ралли в неизвестное».

Вацлав Кениг, корреспондент Чехословацкого телеграфного агентства, великолепно владел русским языком, был знатоком и переводчиком русской и советской литературы. Когда гитлеровцы оккупировали Чехословакию, Кениг погиб в застенках гестапо. Весь его архив, в том числе записи о путешествии по Советскому Союзу, пропал. Кто-то анонимно переслал Туреку шесть страниц из записной книжки Кенига — заметки о путешествии по СССР. Турек хранил их до конца жизни как память о своем друге.

Второй путешественник, Богумил Турек, был известен не только в Чехословакии. Великолепного мото- и автогонщика видели на многих знаменитых гоночных трассах Европы. В память о нем остались плакаты и медали, призы и дипломы, лавровые венки и редкий фотоархив.

Путешествие по Стране Советов стало для Кенига и Турека откровением. В буржуазной Чехословакии все связанное с «красной Россией» презиралось и проклиналось. И все-таки люди узнали правду о стране, полной жизненной энергии, дерзких мечтаний. «Незабываемо все, что встретилось в пути. Это были первые основы дружбы Советов с нашей страной...» — записал тогда Турек в своем дневнике.

Спустя сорок пять лет трое журналистов из Братиславы: Надя Шнейдерова, Мирослав Тулейя и Ян Блажей — на автомобилях «Шкода» и «Жигули» проехали десять тысяч километров по СССР. Своими глазами они увидели, как далеко шагнула страна, как осуществились мечты советских людей, тех, с которыми когда-то встречались их соотечественники, экипаж «аэровки» — Турек и Кениг.

Один из участников экспедиции, Мирослав Тулейя,— трижды лауреат премии имени Юлиуса Фучика. Впервые он получил ее в 1975 году, за опубликованные в журнале «Свет социализму» (орган Союза чехословацко-советской дружбы) репортажи о советском Дальнем Востоке. За фотографию со строительства Байкало-Амурской магистрали Тулейя удостоен серебряной медали на фотоконкурсе «Интерпресс» на Кубе. В качестве корреспондента журнала «Свет социализму» Мирослав объездил всю нашу страну.

Мирослав ТУЛЕЙЯ, чехословацкий журналист

Когда я впервые приехал в Москву, мне казалось странным, что все выглядит очень знакомым. Потом я догадался, что Москву, советских людей, метро, Третьяковку, Красную площадь, русский черный хлеб — все это я знаю по рассказам моей учительницы русского языка Ирены Лактовичовой. Я думаю, что это именно она пробудила во мне такой интерес к Советскому Союзу.

У меня в кабинете висит карта СССР. Стоит мне взглянуть на нее, как глаза мои машинально отыскивают Чукотку, и тут же я перевожу взгляд на часы, потому что на Чукотке ровно на полсуток больше, чем у нас в Братиславе... Я пытаюсь представить себе, что сейчас делают мои чукотские друзья — оленевод Томчилло или поэтесса Антонина Кымытваль.

В классе я сидел на «Камчатке», потому что был одним из самых высоких мальчиков. На уроках географии я настолько заинтересовался советским Дальним Востоком, что начал собирать литературу о нем. Самой уникальной книгой в моей коллекции, вероятно, является изданный в 1912 году своеобразный очерк о Приморском крае. Автор вместе с четырнадцатью членами экипажа на военном корабле «Шилка» обогнул Камчатку и Чукотку. Край этот приворожил меня, и я решил, что должен увидеть его собственными глазами. Я был там дважды. Летом в тундре неописуемая красота. Я никогда не думал, что там растет столько цветов и обитает столько живых существ! Но еще величественнее тундра зимой. Я бы даже сказал: кому не удалось побывать здесь зимой, тот вообще в тундре не бывал. В Анадыре было минус сорок, когда мы в полутьме полярной ночи летели на вертолете в оленеводческую бригаду Григория Аканто. Поднялась пурга, и двадцать корреспондентов вынуждены были разместиться в ярангах, предназначенных для семи человек. Фотоаппараты и кинокамеры вышли из строя, пальцы у нас совершенно окоченели.

— Кто замерз, пусть наденет кухлянку, глотнет водки и закусит оленьим мясом,— сказал Аканто.— В тундре и на море одинаково верна эскимосская поговорка: «Нетерпеливый человек в байдаре не только сам погибнет, но и других утопит».

К мясу нам подали соль и хлеб, хотя ни того, ни другого сами чукчи обычно не употребляют. Хозяйка заварила крепкий чай. Все в яранге дышало теплом, доброжелательностью. Теплу этому нет цены. Ведь на Чукотке так мало людей, как если бы в пятимиллионной Словакии жили всего шесть тысяч человек!

«А люди здесь излучают тепло и свет: в наших краях невозможно иначе. Я думаю, других таких не было и нет: здесь каждая встреча равносильна удаче». Я нашел эти строки в книге Антонины Кымытваль «Слушай музыку». Позже я лично познакомился с поэтессой и ее семьей. Так же, как и с Юрием Рытхэу.

Жители Чукотки напомнили мне моих земляков. В Восточной Словакии, где я родился, люди тоже очень гостеприимны. Там, на Дукле, вместе воевали советские и чехословацкие солдаты. Там каждая деревушка — живая иллюстрация нашей дружбы. На Чукотке я почти на каждом крупном аэродроме встречал посадочный радар «Тесла». Ну и, конечно же, наши «чебурашки»— так добродушно называют советские пилоты самолет Л-410. Наши «Татры» перевозят грузы для Колымы и Чукотки. А наши турбины в Билибине вращают генераторы первой атомной электростанции за Полярным кругом. Это удивительное ощущение — видеть, что труд чехословацких рабочих и конструкторов служит нашим друзьям на далекой Чукотке.

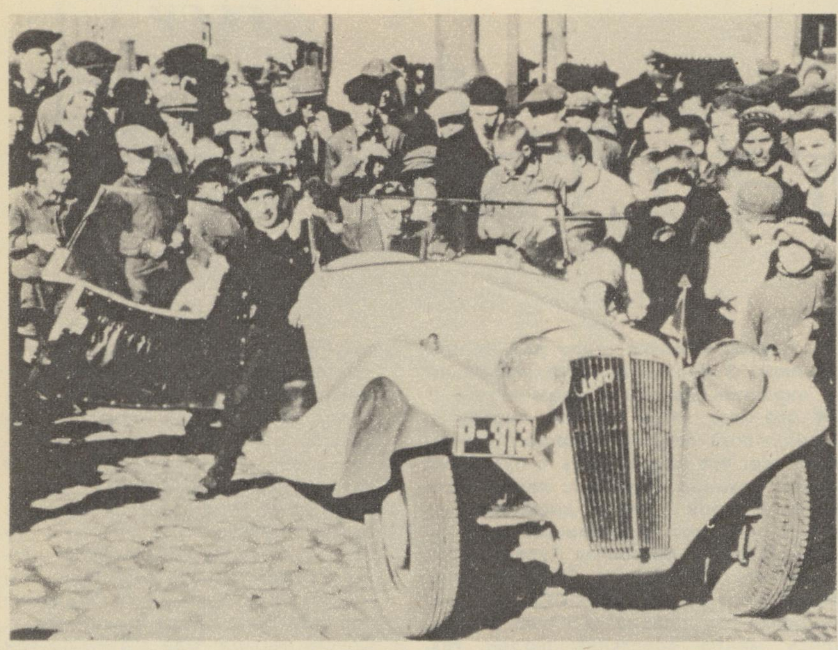
За серию репортажей о Дальнем Востоке мне была присуждена первая премия на конкурсе Союза чехословацко-советской дружбы. Я написал критический репортаж о нехватке запасных частей для «Татр», которые работают на Колымской трассе. Эти машины работают практически беспрерывно, меняются на них только водители — члены одной бригады. А многие «Татры» из-за копеечных запчастей простаивали. Мой репортаж послужил толчком к решению этой проблемы. Был использован опыт автомобильного завода имени Лихачева.

Я люблю возвращаться туда, где бывал прежде. Как пример могу привести БАМ. В семьдесят шестом году из Тынды до Нерюнгри мы тряслись в «газике». Я разбил лоб, объектив и разодрал куртку. Спустя четыре года я ехал по той же самой трассе в мягком вагоне. На месте деревянных бараков стояли новые города. Еще четыре года назад здесь обо всем говорили в будущем времени: «Направо будет мост, налево столовая, а вот тут станция...» В то время в Тынде было лишь два кирпичных дома. Сейчас это настоящий город. Тогда мы летели вертолетом над тайгой, сейчас через нее проложены железные дороги, так что можно доехать до Братиславы...

Дважды побывал я и в Якутске. В Нерюнгри я снова встретился с очаровательной Саимой Каримовой. Я назвал ее (думаю, она на меня за это не сердится) «угольной королевой». Она открыла сказочные месторождения якутского угля, которые сделались основой развития Южно-Якутского территориально-промышленного комплекса. Звездочка Героя Социалистического Труда у нее на груди сияет, как драгоценное украшение.

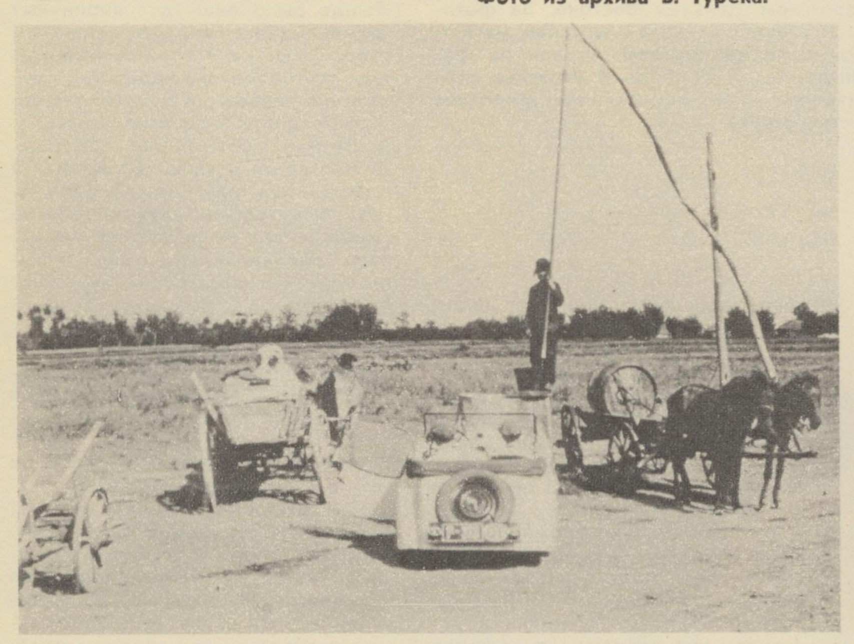
Якутия очень много дает для понимания советской действительности. В старые времена эти края называли «тюрьмой без решеток». Сегодня Якутия — автономная республика, куда можно добраться самолетом из Москвы за какие-нибудь семь часов. Мне довелось присутствовать на народном празднике в деревне. Я обратил внимание, как модно одеты все присутствующие, как хорошо был устроен стол на лоне природы и как все искренне и от души веселились. Я встречался со многими учеными — одни из них изучают вечную мерзлоту, другие ищут полезные ископаемые, третьи занимаются космофизическими исследованиями. Я встречал там рабочих самых различных национальностей — грузин, украинцев, русских, азербайджанцев. И все они — как одна семья.

Если бы меня спросили, в какую точку Советского Союза мне хотелось бы вернуться, я бы ответил: к людям. Сент-Экзюпери сказал, что единственная роскошь на свете — это роскошь человеческого общения. Карта Советского Союза для меня — это прежде всего люди. Я благодарю свою журналистскую судьбу за встречу с такими людьми, как академик Николай Шило, инженер БАМа

Богумил Турек и Вацлав Кениг во время путешествия по Советскому Союзу. 1935 год.

В то время телега и лошадь были в деревне единственным видом транспорта.

Фото из архива Б. Турека.

Виктор Астахов, как ленинградская работница Валентина Андреева и коммунист-ветеран Александр Мефодьевич Верховых...

Что я больше всего ценю в советских людях? Широту души и доброту. Любовь к миру. В советском обществе дети — привилегированный класс, им уступают место в троллейбусе и трамвае. Но самое драгоценное для любого советского человека — мир.

Я завидую космонавтам, которые видят карту нашей планеты в натуре. Когда я брал интервью у космонавта Георгия Гречко, он показал мне великолепные фотографии, выполненные с «Салюта-6». Такой превосходной «карты» не создаст и самый лучший картографический институт! И в то же время, когда я смотрю на карту мира, во мне растет тревога: целые государства и континенты сразу же исчезли бы с лица Земли, начнись ядерная война. Но, к счастью, есть страна, которую люди недаром называют бастионом мира. Это Советский Союз.

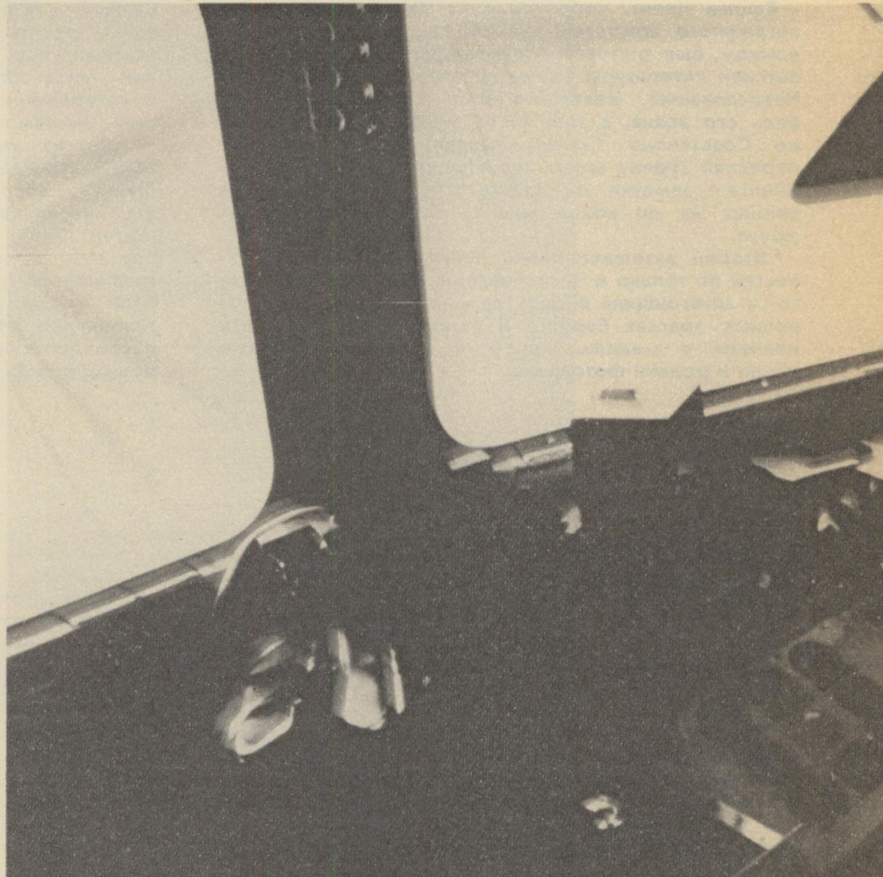
Закончить свое признание в любви мне хочется словами Богумила Турека, которые он произнес почти полвека назад, выступая по московскому радио:

«Самым ярким впечатлением были и останутся встречи с вами, советскими людьми, гражданами страны с большим будущим. Мы встретили людей с открытым сердцем и восторженным энтузиазмом. Я хочу сказать вам: ваша страна и народ имеют в Чехословакии много друзей. Их будет еще больше... Ведь и нам и вам хочется одного: мира, взаимопонимания и дружбы...»

Перевела со словацкого **Н. ВАСИЛЬЕВА.**

Братислава.

И бригадиру нужен перекур.

Поезд идет из Беркакита в Тынду.

Строитель БАМа.

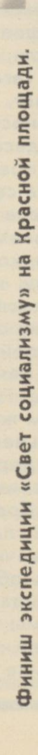
Билибино. В детском саду.

Фото Мирослава Тулейи.

Разведчица новых месторождений.

Финиш экспедиции «Свет социализму» на Красной площади.

Матери моей Марии Афанасьевне посвящаю.

Мария

ПОЭМА

Иван САВЕЛЬЕВ

Есть женщины в русских селеньях...
Н. А. Некрасов

ВСТУПЛЕНИЕ

Родимый дом! Опять с тобой свиданье.
Освободясь от всех забот и дел,
На гжатском, на гагаринском вокзале,
Где пассажиры суетно сновали,
В тоскливом, неуютном ожиданье
Я отрешенно на скамье сидел.
Был полумрак. Знакомый шум вокзальный.
Пытался кто-то на скамье прилечь...
Я задремал и вдруг, очнувшись, замер,
Услышав неожиданную речь:
— Вот ты, сосед, про старость
да про старость...
А я тебе про молодость скажу,—
Внезапно в разговор мужской вмешалась
Соседка, что красиво улыбалась:
— Хоть ты и недоверчив, я гляжу.—
Она устало руку положила
На чемодан и продолжала вновь:
— ...О том еще мне мама говорила,
А матери поведала свекровь.
— Ну, если уж поведано свекровью...—
Сказал сосед, с бородкой мужичок:
— Ха-ха-ха-ха!..
— Но это все присловье...—
Она, вздохнув, поправила платок
И речь свою спокойно повела,
Иронии мужской не замечая:
— Под Вязьмой эта женщина жила,
Жила и оставалась молодая...
— Уж так-то молодой и оставалась?..—
Он высказал сомнение свое.
— Да, молодой,
Коль время не касалось
Души ее, лица и глаз ее.
— Мы сказочки подобные слыхали.
Но почему?
Раз начала — ответь!..
— А потому, что дети не давали
Ей — слышишь, недоверчивый? —
Стареть.—
Она волос дотронулась рукою,
Как будто ею тронула слова:
— Что яблони, скажи, питает корень?
— Земля...— сказал.
— А крона? А листва?..—
И я соседку слушал с интересом,
Все пристальней присматриваясь к ней.
— Лес молод тем,
Что молодой подлесок
Есть у него...
Вот так и у людей.—
Уже другие рядом примостились.
И каждый быть поближе к ней хотел...
И молодо глаза ее светились,
И голос удивительно теплел.
Она, казалось, сквозь людей смотрела
В такую даль, что ей одной видна.
— Так, значит... говоришь, и не старела?
— Да, не старела,— молвила она.—
И паренек в очках — солидно:
— Странно...
Хотя наука... гены... впрочем, нет...
— Да что наука, если тут обманом,
Легендой пахнет! — заключил сосед.
А я смотрел в глаза ее живые —
И мне другие виделись глаза...
И я сказал:
— Ее зовут Марией,
Она живет в деревне Чаруса.—
И, словно по команде, говор замер.
И прекратилась рядом толкотня.
И люди с изумленными глазами
Уже смотрели молча на меня.
И кто-то подошел и тронул даже
Мое плечо: мол, расскажи о ней...
А я молчал.
Да разве же расскажешь
О Родине?
О Матери моей?..
И вышел...
И, как будто бы просеянный
Небесным ситом,
Дождик моросил.
Представил я, как Юрий Алексеевич
Не раз с вокзала
К матери спешил.
И шел, толпой студентов окруженный,
По улице, до камешка родной...
И звездного его комбинезона
Касался каждый трепетной рукой.
И я шагнул в толпу...
И в домик строгий
Мы все вошли...
Был очень ранний час...
И Анна Тимофеевна в дорогу,
Как мать Земли, благословляла нас.
...За сильною гагаринской спиною
Вставал рассвет.
На стройки юность шла.
— Вы тоже здесь!..—
Я вздрогнул: предо мною
Рассказчица та самая была.
Она едва успела отдышаться —
Идут года к иному рубежу...
— А я всегда, когда бываю в Гжатске,
Найдя минутку, к Юре прихожу...—
Сказала так, как будто был ей сыном
И матерью ему она была.
И краешек своей косынки синей
Она к глазам печально поднесла.
А солнце над Гагарином вставало
И било светом женщине в глаза,—
В ней все сильнее сходство проступало
С Марией из деревни Чаруса.
Морщины незаметней становились,
И вздрагивал бровей ее излом.
И все сильней глаза ее светились
Марии неизбывчивым огнем.
Но объяснишь обычным сходством разве
Всю эту неожиданную связь?
Иль тем, что мы таинственною связью —
Незримой связью — связаны, родясь?
Не этим же, мне думалось, не этим...
А, видно, тем, что на века вперед
Отчизна-мать свой свет бессмертный детям
Невидимо в крови передает.
Не потому ль столетия трудились,
Сражались насмерть с тьмою и враждой,
Чтобы однажды в людях воплотились
Твои черты и дух свободный твой.
Душа твоя, бессмертная Россия,
Судьба твоя — приют людской Мечты.
И в женщине по имени Мария
Мне все понятней становилась ты.
И понял я:
Куда ни посмотри я,—
К твоим истокам все пути ведут...
Вот почему историю Марии
Тебе, читатель, отдаю на суд.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Не годы — по сердцу столетья крутые...
А может, ты вправду бессмертна, Мария?
Терпенье и чувств неземная крылатость —
Не в том ли твое и бессмертье и святость?
О, горький твой, Марья-терпение, опыт!
Воронки — в глазах. И — окопы, окопы...
И — словно из времени грозного эхо:
«Бессмертна!» — солдаты кричат
с барельефов.
И травы столетий несущимся ветром
Под небом огромным выводят:
«Бессмертна!..»
Ты память и время отводишь рукою —
И стынет в глазах твоих небо другое.
Оно с самолета на сердце обрушилось...
«А наши-то как там?..»—подумала с ужасом.
А небо горело, сливаясь с землею.
Ты Витю — меньшо́го — прикрыла собою.
«Не дам!..» — нависающей «раме» кричала.
А та все страшней и страшней нависала,
Как будто вминала вас в землю собою.
Ты слышала: сердце стучало земное.
А рядом — услышано всею равниной —
Стучало сердечко пугливое сына.
В согласье с твоим учащенно стучало.
И вдруг замолчало оно. Замолчало.
И это молчанье — ты словно проснулась —
Такой тишиной для тебя обернулось,
Что ты не слыхала — столетье минуло —
Ни взрывов, ни «рамы» свирепого гула.
Ты встала — и двигаться не было мочи,
К груди прижимая холодный комочек.
«Зачем не меня?!.» — ты, лишенная речи,
Беззвучно шептала у этой же речки,
Где травы столетий разбуженным ветром
Над русской равниной выводят:
«Бессмертна!..»

. . . .

— Зачем не я?! — Но голос твой
Застыл внутри, лишенный силы.
Висела «рама» над тобой
И очередью строчила.
И смертная ее строка
Ложилась рядом —
Справа, слева...
И пули пели у виска
Холодным, гибельным напевом.
Ты поднимала к небу взор:
— Убей!..—
И задыхалась в плаче.

Но был в пять метров коридор
Тебе убийцей обозначен.
Он видел каждый метр земли
И бил прицельно в метры эти,
И пулями, что смерть несли,
Тебя он отсекал от смерти.
Он круг очерчивал,
Грозя
В небытие тебя отправить...
И ты увидела глаза
Того, кто спрутом этим правил.
И взгляд, что цепок и остер,
Вдруг обнажил
Его уродство,—
Две линзы, бьющие в упор
Не светом —
Чувством превосходства.
И ты, сыночка своего
Прижав к груди,
Проголосила:
— О, господи, ужель его,
Убийцу, женщина родила?!—
Ты боль и страх превозмогла,
Закрыла взгляд сыночка синий...
И выпрямилась
И пошла
По мертвой, выжженной равнине.
Огнем и пеплом пахла рожь.
Простор безлюден первобытно...
А «рама» следом: «Не уйдешь!
Безумица, ты беззащитна!..»
И, накреняя над землей
Крыло
С крестом багрово-черным,
Она смеялась над тобой
Утробно голосом моторным.
И было не видать ни зги,
Лишь трубы в черноте торчали...
И чудилось: твои шаги
Все континенты услыхали
И видели, сквозь боль и страх
К тебе протягивая руки,
Как ты идешь равниной русской
С ребенком мертвым на руках...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Как Днепра весенняя вода,
Протекли сквозь жизнь твою года...
Ты идешь дорогой полевой.
Пахнут травы медом и росой.
Ты идешь к погосту за селом —
На свиданье с мужем и сынком.
Спят они на берегу Днепра.
В дымке Партизанская гора.
Рядом — за оградой — сын с отцом
Под звездою красной и крестом.
По реке по Времени — года...
Сын отца не видел никогда.
На скамейке — как их сон глубок! —
Развязала ты свой узелок.
К поминанью в нем — яички, квас.
«Принесла печеньице для вас...»
И одно невидяще взяла
И к губам безмолвно поднесла,
Молча — со слезами пополам —
Положила в изголовье к вам.
«Ты любил печеньице, сынок...» —
Подкатил, дыханье сбив, комок.
И, уже почти лишившись сил:
«Ты, отец, гостинцы приносил...»
И как будто бы тебе в ответ
Шелест заструился по листве.
От вершины — вниз, к тебе, к тебе...
И застыл у глаз твоих в мольбе.
И уже сидевшая едва
Различила первые слова:
«Как живешь? Как небо над землей?
Как там Петя, сын последний мой?»
«Мы-то, ненаглядный, ничего,
А тебе вот, Миша, каково
Столько лет в сырой земле лежать?..»
«Ничего,— он успокоил,— мать.
Знаю — счастье жить среди людей.
Но лежу-то я в земле своей.
Надо мной березы шелестят...
А друзья в чужой земле лежат.
Лучшие из лучших не пришли —
На полях Европы полегли.
Ничего, Мария, только б знать,
Что не будем больше воевать,
Что родной порог не скроет дым,
Что не будет больше Хиросим...
А иначе...— голос твердым был,—
Мертвые восстанем из могил!..»
Заскрипела утлая скамья.
«Боже мой, да что же это я?!
Говорю уже сама с собой...»
Ветер скорбно шелестел листвой,
Пух летел, и сыпалась пыльца
На могилы сына и отца.
И лазурью теплой — вечна жизнь! —
Проливалась на березы высь.
Беспечально плыли облака.
Пели птицы в дебрях ивняка.
Солнце смело поднималось вверх...
Жизнь текла — бессмертная навек.
И такая встреча
Сердце лечит...
Попрощалась с мужем и сынком.
Сняв обувку,
Зашагала легче —
Ты ходить привыкла босиком.
Вот и гладь днепровская блеснула...
И за Партизанскою горой
С большака ты в сторону свернула
И пошла знакомою тропой.
Как легко ты по траве ступала!
Рядом солнце, улыбаясь, шло...
Но внезапно холодом металла
Всю тебя — до сердца — обожгло.
И в мгновенье ноги подкосились...
Отступив на полшага назад,
Увидала
С длинной
Темно-синей
Боевой головкою снаряд.
Под высоким, летним солнцем круто
Он, цветами окружен, торчал.
Детище обласканное Круппа,
Он тебя, казалось, поджидал.
Он торчал,
Как будто рос над миром
Из земли,
Опасно невредим,
По бокам как бы оплывший жиром,
Схожий тем с хозяином своим.
И дохнуло порохом и гарью
На тебя под небом тишины.
И, как эхо, через годы:
«Марья...» —
Голос командира с той войны.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сотрясает землю канонада.
Линия окопов у Днепра...
Ты живешь среди бойцов отряда,
Совесть партизанского отряда,
Повар Маша. Мама. И сестра.
Все ты, Марья, делать успеваешь:
Партизан накормишь, обстираешь.
И надеждой, пусть и самой малой,
Наводя в грядущее мосты,
Как могла,
Подругу утешала:
«Твой вернется...» — говорила ты.
«Твой вернется...»
А сама ночами
Под озябшей кровлею берез
Задыхалась горькими слезами
Так, что плакать не хватало слез.
А потом, бесшумная, вставала,
Подходила к нарам
И рукой
Бережно сыночка укрывала
И шептала: «Спи, мой золотой...»
И ему землянка стала домом.
В Чарусу отрезаны пути...
Старший сын!
Сыночек...
А старшому
Не было еще и десяти.
И тепло окатывало душу...
Не сводила глаз с его лица.
Довоенный. Первенец. Митюша.
«Весь он,— улыбалась ты,— в отца...»
...Стылый блеск осеннего восхода.
Только-только рассочилась мгла.
В дальнее Настахино болото
Ты за клюквой в полумраке шла.
Солнце нерешительно всходило,
И казалось: упадет вот-вот...
Чертово!
Оно таким и было —
Гибельным средь гибельных болот.
Но зато богатое издревле:
Клюквы здесь — и взвод не оберет...
И шумели
На ветру деревья,
Словно отпевали наперед.
И протяжно, в землю,
Филин ухал,
И кусты метались, как враги...
Ты на мох ступила — было сухо.
И тонули мягко сапоги.
Клюква, клюква...
Ты кладешь в корзину
Ягоды, горящие огнем.
Их морозцем прихватил зазимок —
Обжигают пальцы холодком.
А над топью
Солнце тускло светит,
Кочки, словно каски, впереди...
Клюква, клюква...
Раненым и детям
Так необходимая...
Иди!
Пригодился с детства
Этот опыт:
Через жижу — с кочки до другой...
Но обрушился внезапно грохот,
И земля качнулась под тобой.
Зарево багряное вставало
Над расположеньем партизан...
Ты, забыв про ягоды, стояла,
И к глазам придвинулся туман.
— Митенька!..—
Ты всей душою к сыну
Устремилась с возгласом немым,
Погружаясь
медленно
в трясину —
В топь и жижу
С холодом сырым.
«Вот и все»,— в сознании мелькнуло.
И, с трясиной ослабев в борьбе,
Руку осторожную тянула
К бугорку, к березке на бугре.
И береза гнулась вниз устало —
И стекали ветви, как ручьи,
А тебе казалось—подавала
Руки обнаженные свои...
Зарево в глазах твоих стояло...
Напрямик —
По чаще и кустам,—
Падая,
Ты к лагерю бежала —
Сердце разрывалось пополам.
«Будь навек ты проклята, война!..»
Тишина стояла. Тишина.
Тихо-тихо. Шорохи слышны.
Тихо так, как было до войны.
Раздвигая пред собой кусты,
На поляну выбежала ты.
Пахло дымом, порохом, огнем.
Осмотрелась с ужасом кругом.
У землянки высился завал.
Кто-то призывающе стонал.
И лежали мертвые тела.
«Худо...» — с содроганьем поняла.
И к землянке бросилась бегом.
— Марья! — услыхала ты с трудом.
Обернулась — бледный и седой
Командир стоял перед тобой.
— Немцы... был налет...— проговорил,
И глаза отвел, и опустил.
И куда их деть, уже не знал...
— Что с Митюшей? —..
Командир молчал.
В том молчанье страшный был ответ.
И тогда ты выкрикнула: — Нет!..
Митенька!..— И свет закрыла мгла...

И кроваво клюква потекла,
По траве, пожухлой и сухой,
Огненною хлынула рекой;
Та река все ширилась, росла —
Из души твоей она текла.
По земле — за горизонт — дугой
Перекидывалась, как огонь.

Захватила все материки —
Не было конца у той реки.
Потечет она через года —
Митеньки не будет никогда!
Через время — прямо, не в обход —
Памятью народной потечет.
И в пути мучительном своем
Обелиском станет и крестом.
Ну а в землю вечную уйдет —
Горькою полынью прорастет.
Миллионы сгубленных имен.

Каждый стебель кровью напоен.
Кровью женщин, стариков, детей...
Кровью Мити. Мог бы — и моей.
Сколько ты еще ни проживешь —
На могилу сына не придешь.
Нет ее! Он стал уже землей
И травою жесткою лесной.
Нет ее! Воронка. Да вода...
Митеньки не будет никогда.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ты устала — годы ведь! — в дороге.
Летний день неспешно догорал...
Средних лет военный на пороге —
На погонах три звезды — стоял.
Чемодан походный. Плащ-накидка.
Ненадолго — видно по всему...
Увидала!.. И — бегом в калитку.
— Петенька!..— и бросилась к нему.
Вы стояли — сто веков минуло.
Глаз не отводили от лица.
— Мой сыночек...— к кителю прильнула.
— Я вот...— еле слышно,— от отца...—
И на миг от сына отстранилась,
Словно бы не веря
Встрече с ним:
— Заходи, сынок...— засуетилась.—
Господи, да что же мы стоим?!.—
Он входил,
Твой сын, последний самый,
Строен, статен и в плечах широк.
Обернулся — и через порог:
Долгожданное:
— Ну, здравствуй, мама! —
Высшее земли творящей чудо —
Мать и сын!
Два сердца. Два тепла.
Говорите!
Я мешать не буду,
Посижу спокойно у стола.
Слово за слово...
Любое — в радость,
Если двое близких за столом,
Если тянутся
Друг к другу взгляды,
Кровным переполнены теплом.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мать и сын, вы за столом сидели,
А с портрета старого на вас
Молодо, доверчиво глядели,
Излучая свет, две пары глаз.
— Это вы с отцом?..
— Конечно, Петя...
Это мы...—
И в памяти твоей
Время четырех десятилетий
Побежало вереницей дней.
Ты глядишь — и стены раздвигаются,
И опять, полету чувств сродни,
Молодые годы возвращаются —
Никогда не кончатся они.
Годы, годы, голубые льдины
Речки, уходящей в небосклон...
В белый скаток вы вдвоем холстину
Скатывали с Мишей
С двух сторон.
Отбеленный на знобящих росах,
Холст катился под твоей рукой,
Сотканный на бабушкиных кроснах
Мастерицей первою, тобой.
Солнце быстро таяло в тумане.
Луг блестел. И руки жгла роса.
Где-то рядом прозвучало: — Маня...—
И с глазами встретились глаза.
— Миша, ты?! — И засмущалась, встала,
Заливаясь краскою стыда...
Что в его глазах ты прочитала?
Что в твоих увидел он тогда?
Вы, завороженные, молчали,
Будто слов не ведали уста.
И у ног — притихшие — лежали
Свернутые трубочки холста.
Солнце быстро к западу клонилось,
Чтобы ваших чувств не испугать.
— Насмешил... два свертка получилось..
— Можно и в один перекатать,—
Он тебе решительно ответил,
И в одно мгновенье — чудеса! —
Под уклон, аж тронул платье ветер,
Белая скатилась полоса...
Небо, подожженное закатом,
Падало сплошно на росу...
Подойдя к тебе с тяжелым скатком,
Он кивнул:
— Я, Маня, поднесу...—
И, как будто давнее итожа,
У гумна остановясь, сказал:
— Так вот, Маня, наши судьбы тоже
Можно бы в одну...— и замолчал.
Он исчез, как исчезает ветер,—
Лишь качнулась за гумном трава...
И тебе казалось: все на свете
Слышали признания слова.
И еще казалось: с новой силой
Их разносит ветер по лугам.
Вдруг и ты сказала: — Миша... милый...—
Удивляясь собственным словам.

И еще ты, Марья, удивлялась,
Странного предчувствия полна,
Как тепло на сердце поднималась
Неизвестная досель волна.

Ты сама не ведала, наверно,
Ты еще невидящей была,—
Что судьба к тебе любовью первой
Повернулась —
Самой чистой, верной,
Словно вправду с неба снизошла.

Чувство, чувство!
Для его полета
Бьется сердце, целый мир любя...
Как же спорилась в руках работа,
Как же сердце пело у тебя!
Ты пряла,
Ткала,
Луга косила,
Расстилала по лугам холсты,
Удивлялась: «Как же жизнь красива!..»
А она —
От чувства красоты;
От того —
Своя у сердца память! —
Что судьбой не каждому дано,
Что горит — не старится с годами,
Если было истинным оно.
«Боже мой, когда же это было?..» —
Миша с фото на тебя глядел.
...То Захар,
Соперник Михаила,
В день венчанья их запечатлел.
Свадьба!
Да и первая к тому же.
Как Захар тогда ему сказал:
— Уступаю...— чару оземь,— друже,
Только вот не знаю,
Чем ты взял?..—
Чем он взял?
Да кто об этом скажет?
Нет ответа на такой вопрос.
...Тень Захара тою ночью ляжет
У теней тоскующих берез.
...С Мишей вы на фото довоенном.
Ты глядишь, и слышится опять:
«Маня, Мань... — к тебе взывают стены. —
Я живой! Мне рано умирать...»
Он живой!
И чудится — за дверью
Кто-то ходит, говоря: открой...
Он живой!
Захару ты не веришь,
Что без ног пришел с войны домой.
Это он:
— Ты богова невеста,—
Под хмельком с тележки говорил.—
Из такого пекла... из-под Бреста
Ни один еще не приходил.
Слышишь, Марья?..— Голова хмельная
Говорила медленно:
— Постой...—
На свое угрюмо напирая: —
Я хоть и безногий, но живой!..—
И глядел в тоске нечеловечьей
На тебя,
Цигарку смяв в горсти.
И тряслись в рыданье пьяном плечи:
— Я... подлец! Прости меня! Прости...
— Что ты? Что ты? — говорила тихо. —
Это все от водки... ах, беда...—
А сама: «Когда же это лихо
Кончится? И кончится ль когда?..»
Не кончалось лихо. Не кончалось —
Ведь с войной не кончилась беда.
Ты в хомут, двужильная, впрягалась.
Начиналась новая страда.
Женщины Отчизны, мирной ранью
На земле, уже полуживой,
Начиналось новое страданье
В хомуте работы ломовой.
Вижу вас — и задыхаюсь болью,
По-собачьи хочется завыть,—
Тот хомут, пропахший потом-солью,
Мне уже до смерти не забыть.
Вот она, под небом журавлиным,
Волглая весенняя земля...
Тащат плуг Настасья и Полина,
С ними рядом — Марья, Катя, Зина...
А за плугом мальчик — это я.
По ногам кирзою бьют упруго
Взрослые, большие сапоги...
Я едва держусь за ручки плуга.
А в глазах —
Круги,
Круги,
Круги...
Солнца круг пылает на восходе.
Тишина.
И в утренней тиши
Поле, что устало от безродья,
Криком задыхается:
«Паши...»
Поле, поле!
Пуповиной сына
Связан я с тобою до конца...
Тащат плуг Мария и Полина —
Слышу, как заходятся сердца.
У Днепра с рассветной синевою
Черная сольется полоса.
И меня пронзают за спиною
Страшные Захаровы глаза.
Он сидит один, вчерашний пахарь,
От земли тележкой отделен.
И земли сырой щемящий запах,
Задыхаясь,
В грудь вбирает он.
Это все, что для него осталось,
Это все и, значит, ничего...
И с землей вся женская усталость
На плечи обрушилась его.
Придавила, словно стебель слабый,—
Не вздохнуть и слова не сказать.
И тогда он крикнул:
— Хватит, бабы...—
Голосом сорвавшимся:—... пахать!..
...Под косынкой волосы льняные
Схвачены кутишкою-жгутом.
— Что сидим-то?..
Заводи, Мария...
— Ох, устала, девки... заведем.—
И запела...
Как же ты запела!
Словно не пахала до того.
Да не пела — в молодость глядела,
Видя только Мишу одного:
«Хорош-пригож да мальчик зародился,
Э-э-э-ой,
Да холостой
Парень мало гулял.
Холостой парень мало гулял.
Ой, поневолюшке мальчик женился,
Э-э-ой,
Да нелюбую себе жену брал...»
И подруги песню подхватили...
А Захар уже сидел едва,—
Ведь его пощечинами били
Старой песни горькие слова.
Запевала — душу разрывая:
«Э-э-э-ой,
Задумала моя милая,
Э-э-э-ой,
Да в лес по ягоды девка пошла.
Э-э-э-ой,
Да в лесу ягод девка не нашла.
Э-э-э-ой,
Да занимала девку темна ночь,
Девку темна ночь да занимала,
Еще застигала,
Э-э-э-ой,
Да со любезным с Мишею вдвоем.
Э-э-э-ой.
Сядь-ка, сядь-ка со мной, Миша, рядом,
Э-э-э-ой,
Да мы поделим горе пополам.
Горе пополам,
Да кому — горе,
А мне, младе, вдвое,
Но мы привыкли в большом горе жить...»
— Все, — сказала, — девки...—
И привстала,
Поднялась...
Но, сделав только шаг,
Как Захаров голос услыхала:
— Посмотри-ка, Марья, на большак!..—
Обернулась — солнце било светом,
А под солнцем
От грузовика
Шел солдат...
— Да это ж... девки... это...—
И навстречу бросилась, легка.
— Мишенька!.. Живой!—
Зашлась в рыданье
И смотрела:
Он ли это был...
— Маня, что ты?! — повторял он.
— Маня...
Радоваться надо,— говорил.

Окончание следует.

Полюби свой долг

среди книг

Надо ли напоминать, что творческая жизнь Георгия Маркова с первых же его юношеских писательских строк была полностью и навсегда отдана Сибири — родному краю, многим замечательным людям, которые становились бесстрашными помощниками революционеров, борцами ленинской партии.

Сейчас Марков знакомит нас с Сибирью нынешней, энергично устремленной к веку грядущему. И представляется закономерным, что по-прежнему верный своей главной теме художник снова вводит читателя в мир «впередсмотрящих» людей — коммунистов, стремясь в их чертах запечатлеть разум, честь и совесть нашей эпохи.

Наиболее заметным предстает среди них Антон Соболев, молодой руководитель Синегорского обкома партии.

Уже в первой части нового произведения, в самом начале знакомства с Соболевым, мы встретили человека разностороннего, талантливого и обаятельного; пожалуй, совсем не простого, несмотря на всю его открытость, доступность и жизнелюбие. Сейчас — во второй части первой книги романа «Грядущему веку» — видим Антона внутренне повзрослевшим, окрепшим в решениях, хотя нисколько не растерял он своей искренности, постоянного внимания к окружающему миру. Эти черты ведь и заставляют полюбить, а не только уважать героя... С неподдельным интересом всматриваемся мы в его нелегкую — далеко не всякому доступную — партийную работу, которая не знает, да и не может знать ни «нормативов», ни завершенности. Напротив, как бы на глазах она ширится и разрастается, становится безграничной, ежедневно, а то и ежечасно выдвигая перед поглощенным ею человеком все новые и новые вопросы, задачи, проблемы... Но это и неудивительно, поскольку она, эта партийная работа, и есть сама жизнь, движущаяся в ее главных направлениях, ее различных, насущных, беспрерывно возникающих требованиях.

Думается, именно здесь счастливо находит Георгий Марков нечто заветное, главное для литературы и искусства. Находит открытие человеком, героем самого себя — своей главной, заветной сущности. И что наиболее важно — открытие типических черт в человеке современном, сегодняшнем...

Многие сибиряки, герои Маркова, большевики-ленинцы и их безотказные сподвижники, помощники прошли в прежних книгах писателя длинный и нелегкий путь. Многие из них поразили нас и запомнились великолепной душевной способностью жертвовать собой, сохранять честь и достоинство в сложных и тяжких, порою страшных условиях дореволюционной Сибири... Запомнились редким умением отстаивать и развивать жизненно важные открытия, доказывать правоту дела... Марков целеустремлен особенно, когда рассказывает о борьбе коммунистов за изучение и сохранение великолепной природы Сибири, ее затаенных богатств.

Острый писательский взгляд, привлекательные, правдивые образы героев последовательно, от романа к роману, отражают глубинную сущность многих явлений народной жизни... Искусство и действительность тесно слиты уже в ранних произведениях Маркова, где он показывает еще и то, что сама история деятельного освоения сибирской земли неотрывно связана с историей возникновения партийных организаций края и во многом зависит именно от их внимания, их усилий.

Коммунисты **сегодняшней** Сибири, и особенно образ Антона Соболева, секретаря Синегорского обкома партии, постепенно раскрываемый перед нами писателем, живо и естественно выражают силу связей с народом, какою обладает партия, ее доверенные лица, ее практические работники.

Разумеется, Антону не всегда легко. Писатель отнюдь не скрывает многих трудностей героя от своего читателя. Чего стоят хотя бы те заботы, с которыми настоятельно обращается к Соболеву геолог Софронников — пытливый искатель сокровищ сибирской земли, до конца преданный своему делу и глубоко презирающий, как он говорит, «имущественное обрастание»... Софронникова волнуют процессы сложнейших, порою таинственных, еще никем не изученных взаимосвязей природы, и особенно Земли и Солнца; такие процессы, разгадка которых сделает и людей более прозорливыми, и их землю более сильной. Он, как и многие прежние, ранние герои Маркова, только еще более целеустремленно и эрудированно, современно, отстаивает свои позиции. И самой убежденностью своею привлекает Антона Соболева. Делает секретаря обкома неравнодушным, увлеченным и заинтересованным соратником.

Рядом с Антоном встает и еще один человек незаурядный, коренной сибиряк, Спиридон Сорокин... «Старик до того умен, до того все понимает, что диву даешься»,— с восторгом рассказывает Антону молодая его жена Лена... Она агроном. И она поддерживает Сорокина, твердо решившего, что нельзя колхозный дом и двор оставлять без теленка, без овощей, без меда, без зернышка... «Одно дело рабочий, а другое дело крестьянин». Даже и сейчас, когда строки Продовольственной программы партии узаконили эти народные думы, все равно удивляешься точной жизненной хватке героев. Недаром, разговаривая с женой, Соболев усмехается про себя и думает: «Только одну дискуссию в обкоме провел, теперь дома попал на другую и, пожалуй, еще более сложную...»

Дискуссии, творческие споры, горячий дружеский обмен мнениями ради постижения истины закономерно делают и ведущий образ Соболева и образы окружающих его людей крупными, содержательными. Они насыщены живой и острой мыслью. Упорно решаемые ими задачи доказательны. Герои как бы нам предлагают присоединиться к их раздумьям. И ты, читатель, принимаешь партийную, деловую и серьезную точку зрения, поскольку убеждаешься в ее истинности и правоте.

Интересными представляются те содержательные страницы романа, где Соболев беседует с писателем-сибиряком Угрюмовым-Вьюжным.

Щедро, душевно, на равных, без «руководящих» ноток и ничем не обижая собеседника, по-товарищески разбирает секретарь обкома достоинства и недостатки рукописи, которую Угрюмов-Вьюжный посвятил Синегорью, своей родной земле... Соболев ясно видит, что рукопись еще далека от совершенства, но задумана серьезно. И много уже сказано в ней полезного, нужного, хотя выражено это полезное автором еще не очень отчетливо. Образам, видит Антон, не хватает яркости, убедительности, но сами-то образы, сама рукопись, обсуждаемая в обкоме,— все это опять-таки вплотную связано с партийной работой края... А значит, органично и необходимо вплетается в ведущую тему романа Георгия Маркова.

Невольно и мы тоже включаемся в эту беседу, которую Соболев ведет в тоне дружественном и доверительном, хотя требований своих нисколько не смягчает и не сглаживает. Антон впрямую говорит автору рукописи о главном, доказывая ему, что он скупится на раскрытие человеческих чувств, когда пишет о своих современниках. О коммунистах.

«У нас в стране, в нашей партии многие тысячи партийных работников. Для многих людей это не только должность, пост, но и профессия, более того, призвание, веление души и сердца». Эти слова сказаны Антоном как бы и о себе самом — горячо и убежденно. Но несогласен Угрюмов-Вьюжин. Упорно отстаивает свою точку зрения, упрямится:

«— Разные они... секретари райкомов...

— Согласен. Разные. Но из всех разных я бы на вашем месте взял самых лучших...

— Почему лучших, Антон Васильич?

— А потому, что вы пишете образ не только человека, а образ времени, сказать точнее, образ эпохи. И сам вы не только сын этой эпохи, а ее творец, причем сознательный, убежденный творец. Следовательно, вы не просто регистратор событий и нравов, вы пристрастный летописец своих дней... А ведь все лучшее вашего времени воплощено в лучших людях, в ваших современниках. Не правда ли?

— Я взял среднего... Не худшего и не лучшего, Антон Васильич, среднего!

— Вот тут-то вы и несете потери как мыслитель и художник. Взяв среднего, вы невольно упростили свою художественную задачу. На протяжении всей второй книги вы только о том и думаете, как уравновесить хорошее и плохое, положительное и отрицательное»...

Спор, как видим, идет весьма принципиальный. И затрагивает вопросы, важные для творческой жизни не одной только Сибири. Это наши общие, сегодняшние проблемы. Наша общая жизнь. И, думается, точно и умно раскрывает Антон Соболев главную ошибку пришедшего к нему писателя, ошибку, которая непременно потянет суть образов назад. Она мельчит и снижает образы, мешая выявлению большой, главной правды жизни. Иначе говоря, губит саму идею! Не может образ «среднего» человека, лишенный автором внутреннего огня, зажечь нашу читательскую душу, вызвать живой отклик: мы останемся холодны и безразличны.

Постигает эту истину и верит в нее не только Антон Соболев. Прежде всего ее отлично знает Георгий Марков. Поэтому-то писатель и вкладывает в свою новую книгу, в человеческое содержание ведущих образов столько собственного горячего интереса, столько подлинного знания главных проблем Сибири... Именно поэтому достоверный образ героя буквально на глазах укрупняется и растет, обретает все большую человеческую привлекательность. И — масштабность... Соболева воспринимаешь как типического представителя эпохи, партийного деятеля, отдающего себя людям не только «по долгу службы», но и по-человечески—от всей души...

Большой русский писатель Гончаров замечал, что, «не полюбивши долга, нельзя его исполнить».

Дни Антона Соболева целиком отданы долгу. Жизнь его насыщена делом, которое нужно народу: живым делом партии. Поэтому-то и герой предстает таким живым— настоящим, невыдуманным. И главное — он гармоничен, как всегда гармоничны люди открытой души.

Быть может, в дальнейшем у него могут встретиться не только друзья, но и враги. Жизнь не проста. И, наверное, читатель уже сейчас, заранее, желает герою одержать победу.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Г. Марков. Грядущему веку. «Знамя» № 12, 1982.

25 МАЯ — ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ АФРИКИ

Единство, нужное как воздух

Сергей КУЛИК

Фото автора

Память сохранила тот день, вернее, вечер — 25 мая 1963 года. Засыпала Аддис-Абеба, гасли витрины и уличные фонари. Казалось, в огромном городе на холмах жил лишь один дом, высвеченный прожекторами из бархатной темноты тропиков. В нем было светло, громкоголосо, празднично: это бился пульс новой, независимой Африки. Чуть позже великий поэт освободительной борьбы и первый президент Народной Республики Ангола Агостиньо Нето прочитал мне свои стихи:

В этом доме — ночью
День Африки единой зачинался.

Тогда, впервые в истории собравшись вместе, лидеры всех независимых государств континента создали Организацию африканского единства (ОАЕ). Тогда же была одобрена хартия этой организации. Она торжественно провозглашала основными целями ОАЕ борьбу за мир и лучшую жизнь для народов Африки, за укрепление их солидарности и проведение политики неприсоединения, за уничтожение всех видов колониализма на континенте. Хартия призывала также к развитию всестороннего политического и экономического сотрудничества между странами Африки, к защите их суверенитета и территориальной целостности, к взаимному отказу от вмешательства во внутренние дела друг друга.

С тех пор 25 мая ежегодно, вот уже в двадцатый раз, отмечается как День освобождения Африки, день солидарности с ее народами, борющимися против империализма, неоколониализма и расизма, за политическую и экономическую независимость. В этот же день начинается и ежегодно проводимая Неделя солидарности с борьбой народов юга Африки.

Многих борцов за африканскую свободу, закладывавших в эфиопской столице фундамент африканского единства, уже нет в живых. Но как живо и актуально звучат и сегодня их слова! Привезенная тогда из Аддис-Абебы грампластинка донесла до наших дней страстный голос одного из главных поборников панафриканизма, Кваме Нкрумы: «Быть вместе, действовать сообща, рука об руку выступая против общего империалистического врага, для нас так же необходимо, как дышать воздухом». Раскатистый бас Гамаль Абдель Насера: «Разобщенность всегда была нашей слабостью... Мы сможем освоить наши богатства, поставить их на службу нашим народам лишь в том случае, если общему фронту западных монополий противопоставим общий фронт африканских экономических интересов». Проходившее под непрерывные аплодисменты выступление главы гвинейского государства Секу Туре: «Африканское единство — одна из главных предпосылок построения Африки подлинно независимой, Африки, свободной от эксплуатации человека человеком». Речитатив танзанийца Джулиуса Ньерере, перемежавшего свое выступление по-английски напевными фразами на суахили: «Еще совсем недавно на нашем континенте было всего три независимые страны. Теперь под Хартией ОАЕ поставили свои подписи главы тридцати одного суверенного государства. Отныне наша единая семья будет расти год от года».

Сегодня на континенте — уже пятьдесят независимых государств и ни одной «классической» колонии. Ликвидация колониальных владений стала событием исторического значения, коренным образом изменившим политическую карту Африки да и сам ее облик. Разорвав оковы чужеземного гнета, Африка расправила могучие плечи, заговорила во весь голос. На пути независимости немало сделано для укрепления государственности, самоутверждения личности африканца, расцвета самобытной культуры и искусства, повышения авторитета африканских государств на международной арене.

Политический портрет Африки неоднороден. Есть здесь и монархии, и республики буржуазного типа, и военные режимы, и страны, избравшие прогрессивный путь развития. Однако каковы бы ни были различия в режимах африканских стран, перед всеми стоит острейшая проблема: как в кратчайшие сроки покончить с бедностью и отсталостью, с засильем в их экономике монополий США и стран Общего рынка. Поэтому вслед за политическим освобождением страны континента решительно идут и к освобождению экономическому. ОАЕ разработаны монровийская стратегия экономического развития Африки и лагосский план действий по осуществлению этой стратегии к 2000 году. Их принятие ознаменовало начало нового этапа нелегкой борьбы за создание национальной экономики, развитие базовых отраслей промышленности, сельского хозяйства, транспорта и связи.

В одних странах эти проблемы унаследованы от колониальных времен. В других вновь приобретены как следствие зависимости от мирового капиталистического рынка, а то и собственных просчетов в планировании. В третьих порождены агрессивностью расистов, дезорганизующих хозяйственную деятельность в «прифронтовых государствах».

Наиболее серьезная ситуация складывается с продовольствием. Нетрудно понять, кому выгодно подобное положение вещей. Ведь дело не только в том, что западные банки, предоставляя африканским странам ссуды под кабальные проценты, а транснациональные компании, продавая им продовольствие по взвинченным ценам, получают огромные прибыли. Дело и в том, что поставки продуктов питания в государства, находящиеся на грани голода, превращены Западом в средство грубейшего политического нажима. Особенно свойственно это Вашингтону. «Продовольствие — наше оружие,— признал бывший министр сельского хозяйства США Э. Батц.— В случае переговоров продовольствие относится к числу главных орудий нашего арсенала». Именно под поставки продовольствия Сомали, Судану и Кении, жестоко пострадавшим от засухи, Соединенные Штаты выторговали себе право на создание военных баз в этих странах.

Второй вид «помощи», выгодной исключительно Вашингтону, но находящейся в вопиющем противоречии с национальными интересами тех, кому она американцами предоставляется, это «помощь» военная. По вине Соединенных Штатов, навязывающих Африке гонку вооружений и вооружающих расистов, вынуждены тратить на нужды обороны значительные средства те независимые государства, которые в первую очередь заинтересованы в развитии мирных производительных отраслей экономики. Военные бюджеты стран к югу от Сахары подскочили до 15 с лишним миллиардов долларов в 1982 году по сравнению с 2 миллиардами десятилетие назад. «Поставляя оружие в Африку, мы убиваем даже не двух, а сразу трех зайцев,— поведал журналистам в одном из своих недавних телеинтервью министр обороны США К. Уайнбергер.— Во-первых, мы обеспечиваем рынок и доходы американским компаниям. Во-вторых, вооружая прозападные правительства, мы заставляем соседние марксистские режимы поневоле отвлекаться от их экспериментов. И в-третьих, именно в тех странах, куда идет большая часть американского оружия, экономические и политические позиции США оказываются наиболее прочными».

«Прочность» подобных позиций США, однако, находится в обратной пропорции с подлинными национальными интересами тех стран, куда внедряется Пентагон. Наглядным примером тому может служить Заир. Государство это, издавна привлекавшее Соединенные Штаты своими несметными природными богатствами, числится среди главных получателей американской военной и финансовой «помощи».

И вот ее плачевные результаты. Пентагон и ЦРУ бесконтрольно используют военные объекты Заира для организации террористических акций против соседних независимых государств. Под видом «контроля за эффективным использованием» американской «помощи», а также кредитов, предоставленных Киншасе подконтрольным Уолл-стриту Международным валютным фондом (МВФ), «советни-

Школьница из Браззавиля * Разработка крупнейших в мире месторождений редкоземельных металлов в Мозамбике.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Поет знаменитая южноафриканская певица Мариам Макеба * На строительстве новой ГЭС на Мадагаскаре * Бойцы Народной армии Анголы.

ки» и «эксперты» МВФ взяли под свой контроль не только все ключевые отрасли заирской экономики, но и командные высоты в правительственных учреждениях. По требованию фонда закрыт ряд государственных предприятий, которые могли бы стать основой укрепления национальной экономики. Девальвирована привязанная к доллару заирская валюта, в результате чего покупательная способность населения снизилась вдвое. В стране растет безработица, уровень инфляции за последние три года превысил 300 процентов.

Так обстоят дела не только в Заире, но и во всех других странах, руководители которых еще не осознали: американский неоколониализм — это последняя попытка империализма сохранить свое господство в Африке. Долгое время за «витрину капиталистического развития» в западной части континента выдавали Берег Слоновой Кости, в восточной — Кению. Сейчас даже западная пропаганда не скрывает: дела в этих «образцовых странах неоколониализма» идут из ряда вон плохо. В первой из них львиная доля национального дохода — более 60 процентов — присваивается иностранным капиталом. Темпы роста экономики Берега Слоновой Кости в 1982 году снизились до нуля, а в текущем году, даже по официальным прогнозам, «будут еще хуже». В Кении, где за годы независимости обосновались 125 американских фирм и компаний, по признанию найробийской «Санди нейшн», финансово-экономическое положение ухудшается день ото дня. «Главная цель этих фирм — завладеть кенийским рынком и прорваться на рынки соседних стран в ущерб кенийским предпринимателям,— пишет эта газета.— Американцы — это партнеры, от которых лучше держаться подальше».

Верно сказано! Ведь американские компании и западные транснациональные корпорации навязывают странам континента капиталистическое разделение труда, то есть, по сути, систему узаконенного грабежа. Именно в этом главная причина тех трудностей, которые переживают сегодня страны Африки, оставшиеся в орбите капитализма. «Факты неопровержимо говорят, что каких бы «вариантов» ни придерживались развивающиеся государства капиталистической ориентации, достигнутые ими результаты не могут служить реальной основой для укрепления экономической самостоятельности и проведения демократических преобразований,— констатирует алжирская «Эль-Муджахид».— Капиталистический путь развития в конце концов приводит их лишь к дальнейшему закабалению иностранным капиталом».

— Где же выход?— спрашивает эта влиятельная газета.— Единственная альтернатива нищете, эксплуатации, бесправию в Африке — это путь социалистической ориентации.

Это вывод, подсказанный самой африканской действительностью, проверенный и подтвержденный практикой строительства новой жизни. Ибо задачи построения справедливого общества, улучшения материальных условий жизни, ограничения всевластия иностранного капитала наиболее успешно решаются государствами социалистической ориентации. Их пример притягателен, их число постоянно возрастает: Алжир, Ангола, Бенин, Гвинея, Конго, Мадагаскар, Мозамбик, Сейшелы, Танзания, Эфиопия и другие. Сегодня на долю этих маяков Африки, показывающих путь другим странам и народам, уже приходится 30 процентов территории и почти 25 процентов населения континента.

Что может противопоставить этим странам, их боевым будням и свершениям любая «капиталистическая витрина» в Африке? Разве что блеск витрин принадлежащих западным фирмам магазинов, где торгуют заграничной мишурой. На ее импорт тратят последнюю валюту из скудеющей государственной казны, но покупают ее, как и в прежние колониальные времена, все больше иностранцы. Да, я знаю, я сам видел: на прилавках универмагов Абиджана, Найроби и Киншасы куда больше товаров, чем в Луанде, Мапуту или даже Алжире. Но в Заире, как мы уже знаем, под диктовку из Вашингтона закрывают предприятия. А в Алжире с 1971 года построено более четырехсот промышленных объектов и начато строительство еще пятисот. Создание прочного госсектора, обеспечивающего ныне 90 процентов валового национального продукта, позволило стране приступить к глубочайшим социальным преобразованиям.

Первомай в этом году совпал в Африке с важным событием — завершением работы IV съезда Партии Фрелимо. Однако знакомства с выступлениями его делегатов достаточно, чтобы понять: Мозамбик — страна отнюдь не «беспроблемная», скорее наоборот. Народная республика находится на переднем крае борьбы с ЮАР. Непрекращающиеся агрессивные вылазки расистов плюс террористическая деятельность финансируемых Преторией банд контрреволюции дезорганизовали экономическую жизнь на большей части территории этой страны и только в 1983 году обошлись ей в 200 миллионов долларов. Не пощадила Мозамбик и засуха.

— Мы избрали путь построения в Мозамбике основ социалистического общества, потому что уверены: только этот путь ведет к подлинной свободе и справедливости,— говорил в беседе со мной Председатель Партии Фрелимо, президент НРМ С. Машел.— Единственно научным мировоззрением, выражающим интересы трудящихся масс, мы считаем марксизм-ленинизм. Вооружившись этой революционной теорией, наша партия направляет народ по пути строительства в стране общества, свободного от эксплуатации человека человеком. На этом пути мы имеем надежных союзников в лице стран социалистического содружества, в первую очередь СССР. Все, что делается в Мозамбике с помощью Советского Союза, имеет огромное экономическое и политическое значение...

— У Москвы в Африке свои интересы. Советский Союз преследует там свои цели,— порой можно услышать от западного собеседника или прочитать в иной африканской газете, контрольный пакет акций которой все еще принадлежит Лондону или Парижу. Но ведь мы не скрываем этих целей, а гордимся ими. Страна победившего социализма заинтересованно содействует прогрессивным процессам в экономике и политике освободившихся стран, мы стремимся укреплять союз между мировой системой социализма и национально-освободительным движением, взаимопонимание между народами. Из Москвы на весь мир было заявлено: Советский Союз хотел бы видеть Африку такой, как этого хотят сами африканцы,— мирной, независимой, процветающей!

Успехи африканских стран и народов, несомненно, были бы еще более значительными, если бы международный империализм не пытался вернуть утраченные им в Африке позиции, расправиться с неугодными ему прогрессивными режимами, дезорганизовать экономику государств, осуществляющих преобразования своей экономики в национальных интересах. Между тем именно эти неблаговидные цели наряду со сближением с расистской ЮАР стали главными составляющими африканской политики США.

Эту политику вернее было бы назвать антиафриканской. Провозгласив главного врага всех африканских народов — режим апартеида в Претории — своим союзником и привилегированным партнером, рейгановская администрация в одних случаях сообща с ЮАР, в других — опираясь лишь на ЦРУ, объявила подлинную тотальную войну прогрессивным силам континента. Ничего, кроме фиаско и постоянных разоблачений, этот курс Вашингтону не принес да и принести не может. Однако в Белом доме его придерживаются с маниакальным упорством.

Наиболее дорогую цену пришлось заплатить Соединенным Штатам за их ангольскую авантюру и попытки «увязать» предоставление независимости Намибии с выводом кубинских войск из НРА. Как была вынуждена признать «Нью-Йорк таймс», «уже один тот факт, что США оказались в одном антиангольском лагере с юаровскими агрессорами и бандитами УНИТА, доказал всему нынешнему поколению африканцев: с Америкой им не по пути». Что же касается пресловутой «увязки», то та же «Нью-Йорк таймс» писала: «Вне зависимости от политических убеждений все в Африке считают, что вопрос о кубинцах в Анголе не имеет ни малейшего отношения к Намибии. Выдумав его, Вашингтон лишь затягивает уход ЮАР из этой страны, давая расистам время расправляться со СВАПО. Именно это в наибольшей степени способствует сейчас небывалому росту антиамериканских настроений во всей Африке».

В Мозамбике совместные подрывные операции спецслужб США и ЮАР привели к скандальному выдворению из Мапуту ряда американских дипломатов, оказавшихся агентами ЦРУ. В соседней Замбии их коллеги приложили руку к разжиганию антиправительственных волнений среди рабочих «медного пояса». В Зимбабве лица с американскими паспортами фигурировали на процессе над участниками антиправительственного заговора. На Мадагаскаре заговорщики, приехавшие из США и ЮАР, создали на мыловаренном заводе «Савонри тропикаль» склад взрывчатки, которой собирались заминировать президентский дворец и дома «излишне левых» членов Верховного революционного совета. Нити провалившейся пиратской акции против прогрессивного режима Сейшел, осуществлявшейся белыми наемниками, ведут в Преторию, а оттуда — в Вашингтон.

В прошлом году, манипулируя своими африканскими союзниками, словно пешками, неоколониалистским кругам удавалось дважды срывать открытие XIX ассамблеи ОАЕ. В этом году Вашингтон не преминул подложить под созыв ассамблеи да и африканское единство в целом серию новых мин замедленного действия. Одна из них — попытка Вашингтона реанимировать военный конфликт в районе Африканского Рога, подтолкнуть шовинистические круги Сомали к новой братоубийственной агрессии против Социалистической Эфиопии, в столице которой должна проходить XIX ассамблея ОАЕ. Другая мина — принятое под нажимом Белого дома решение Заира восстановить дипломатические отношения с Израилем. Этот шаг Киншасы, нарушающий постановление ОАЕ по одному из наиболее важных и принципиальных вопросов не только африканского единства, но и афро-арабской солидарности, уже вызвал очень резкую критику в столицах стран Африки и Ближнего Востока. Теперь в Вашингтоне ожидают, что «обиженный» этой критикой Заир не пошлет в Аддис-Абебу свою делегацию, что его примеру последует еще кое-кто из прозападных стран, в результате чего в Аддис-Абебе не соберется необходимого кворума. Если же этого не произойдет, то, как надеются в Вашингтоне, прорыв Заиром дипломатической блокады Израиля в Африке станет на сессии одним из тех вопросов, который отодвинет на задний план обсуждение и осуждение неблаговидных дел самих американцев против африканских стран.

Сценарий этот, однако, вряд ли удастся разыграть, потому что сегодня в Африке отлично осознают, откуда исходит подлинная угроза ОАЕ. «Так называемый кризис Организации африканского единства — это не более чем происки международного империализма»,— заявил президент Народной Республики Бенин М. Кереку. «За 20 лет своего существования ОАЕ сыграла важную роль в решении задач африканского развития, отражении попыток иностранного вмешательства во внутренние дела народов континента,— пишет газета «Эфиопиан геральд».— Ее решительные действия не раз способствовали защите суверенитета и территориальной целостности государств — членов ОАЕ. В социально-экономической области ОАЕ неизменно проводит курс на развитие регионального сотрудничества и межафриканской торговли, координирует борьбу государств Африки за установление нового, справедливого экономического порядка. Силы империализма и реакции преднамеренно порождают и раздувают разногласия, имеющиеся между членами ОАЕ по некоторым вопросам, с тем, чтобы парализовать деятельность этой организации. Народы континента должны сорвать эти опасные планы».

Так что в Вашингтоне явно торопятся с похоронами ОАЕ. Исторические объективные условия, приведшие к созданию ОАЕ, отнюдь не исчезли. Напротив, как отметил президент Замбии К. Каунда, в нынешних условиях, когда империалисты и расисты ужесточают свою агрессивную политику, единство требуется африканцам как никогда прежде. В интересах Африки не раскол, а сплоченность ОАЕ.

На страже независимости Зимбабве * Как и миллионам эфиопских крестьян, революция дала ей землю * Кенийская столица Найроби по праву слывет одним из красивейших городов Африки * Ни одно торжество в Кении не обходится без выступлений танцоров эмбу * Рыбак с озера Рудольф * Базар в танзанийском городе Аруша.

Марк БАРИНОВ

Эгоизм

на житейских перекрестках

«Здравствуйте, дорогая редакция! Обращаюсь к вам с просьбой о защите и справедливости. Меня зовут Валя, фамилия Воробьева. Мне скоро будет 18 лет, из них пять лет живу в поселке Холмики... области... района. Мать моя — дочь фронтовика, отдавшего жизнь за наше светлое будущее. У нее стенокардия, а у моего папы — два порока сердца. Я сама долго болела легкими, пока мы не переехали в Холмики. Здесь прекрасный воздух, чудесная погода. Тут я перестала болеть.

У нас в семье еще трое маленьких детей — моих младших братьев двенадцати, четырех лет и семи месяцев. Живем мы все шестеро на 15 метрах жилой площади, и хотя я просила выделить мне комнатку (а пустующие квартиры здесь есть), так и не допросилась.

Я окончила школу с двумя «4», остальные «5». Но работаю у нас в санатории «Холмики» подсобной рабочей на кухне, так как мне не доверяют большего. Да и за эту работу мне приходится выслушивать кучу гадостей. Не могу даже написать всего, что приходится мне выслушивать от Марии Михайловны Ивановой. Ей 65 лет, она член КПСС, по ее словам, уже 45 лет. Работает у нас секретарем-машинисткой, избрана председателем народного контроля. А главный врач все делает по ее указке, а еще депутат, который обязан защищать интересы трудящихся!

Я работаю в санатории семь месяцев и семь месяцев терплю такое обращение. Она устроила мне да и всей моей семье настоящую травлю. Сначала была всячески против того, что главврач берет меня на работу, потом устроила скандал, что хочу как несовершеннолетняя взять отпуск летом. А потом даже пыталась выселить нас из Холмиков. Дело дошло до прокурора, до суда. Только суд нас и защитил.

Пишу вам потому, что уже отчаялась получить помощь от местных властей. Очень прошу — опубликуйте это письмо. С уважением Валентина Воробьева».

Вот такое письмо. Не то что публиковать, спасать надо девушку! А тут еще телеграмма вслед за письмом: «...Убедительно просим прислать корреспондента. Семья Воробьевых».

Еду!

Рассказ об этой поездке начну с середины, ибо нет необходимости «распутывать интригу», «вести читателя по всем ступеням расследования». Хотя расследование было проведено. Три дня мы напряженно работали вместе с Петром Ивановичем Федюхиным, председателем партийной комиссии райкома, бывшим журналистом, спокойным, немногословным человеком, отличающимся невероятной работоспособностью.

Так вот, скажу сразу, что письмо оказалось ложным. А продолжить, как принято в этих случаях — «факты, изложенные в письме, не подтвердились», не могу. Более того — факты подтвердились. Как такое может быть? Очень просто. Подобные письма-жалобы пишутся следующим образом. Сначала выстраивается весь ряд фактов в логической и хронологической связи, потом какая-то часть фактов (нежелательных для автора письма) убирается. Остальные (желательные) сдвигаются в плотное повествование, и письмо, убедительное и яркое, готово. Неправды нет, просто сказана не вся правда. А полуправда, как известно, нередко хуже прямой лжи. Но опять же не такая уж простая эта простота. Потому что если бы этот фокус был проделан умышленно, оценка ему была бы одна: бесчестность, непорядочность, а тут... Впрочем, с окончательной оценкой не будем торопиться.

Мы начали с самого простого — стали искать ответ на вопрос, который невольно возник еще при первом прочтении письма: а за что же так преследовали девушку? И сразу стали появляться выпавшие из ее повествования факты.

— Да, Валя всегда была умной и способной, училась старательно и хорошо. Красивая девушка. Но очень не любили ее ребята в школе. Держалась высокомерно, была убеждена в исключительном своем превосходстве над сверстниками. От общественной работы старалась держаться подальше. Словом, проявила себя эгоистом в полной мере.

— А как боролась школьная общественность с этим качеством Валиного характера?

— Я вряд ли могу сейчас сказать что-либо конкретное, но боюсь, что мало, несистемно, ненастойчиво.

(Из беседы с бывшей школьной учительницей Вали.)

— Плохо работала Валя. Кухня в медицинском учреждении — место, требующее исключительной чистоты, а у нее все заросло грязью. Но вот свои права знала преотлично: отбудет, а вернее, пробездельничает положенные ей как несовершеннолетней четыре рабочих часа на кухне, а там хоть трава не расти, все бросает и демонстративно уходит домой.

— Но она считает, что способна на большее, чем работа на кухне подсобной рабочей.

— Чтобы на что-то претендовать, надо доказать, что к любой работе относишься добросовестно.

— Но разве не в трудовом коллективе следует прививать молодому человеку основные трудовые навыки?

— Добросовестность и трудолюбие — качества, которые надо прививать еще с младенчества, во всяком случае, в семье и в школе. А когда такой откровенный эгоист появляется в производственном коллективе, он вызывает всеобщее резко отрицательное отношение, и уж тут о воспитании говорить трудно. Вот поэтому я и не хотел принимать ее на работу во второй раз.

— Как во второй?!

— Об этом лучше поговорите с женщинами...

(Из беседы с главным врачом санатория.)

— Да, я уговорила главврача принять Валю на работу во второй раз. Мало ли каких глупостей не наделает человек по молодости...

— Вы о ее плохой работе?

— Нет, о ее втором замужестве.

— О чем?!

— А вы не знали? Первый раз она вроде в Ленинград замуж выходила, но скоро вернулась. А во второй раз на Кавказ, да тоже и месяца не прошло, как назад объявилась.

— Несовершеннолетняя?

— Так ведь у нас и гражданский брак разрешается. Вот только комнату отдельную ей дать не смогли — не положено несовершеннолетним отдельное жилье. А вот в третий раз она по всем правилам, через загс, выходила. Справку о беременности представила, исполком ей и снизил срок разрешения на замужество. Ведь ей не было восемнадцати.

— Так она замужем? И ребенок у нее?

— Не замужем, и ребенка никакого нет. Мама справку где-то «добыла». А с третьим мужем так же быстро покончила, как и с двумя предыдущими.

— И сколько же времени ей потребовалось для этих трех «заходов»?

— Меньше двух лет.

— Так для чего же этот брачный галоп? Что, женихи особенные были или любовь такая сногсшибательная?

— Думаю, ни то, ни другое. В первом случае позарилась на Ленинград, а там работать ей на фабрике предложили да еще учиться в ПТУ, вот и сбежала. Ну, а южанин поначалу пыль в глаза пускал, вроде такой восточный принц. А когда приехали к нему, там простая рабочая семья, семеро детишек мал мала... Ну, а третий — свой был, из соседнего района, лечился у нас в санатории. Свадьба, подарки были, все «как у людей», а когда увидела, что тоже родители там небогатые, даже и недели с ним не прожила. Сразу после свадьбы в отпуск укатила одна. Это как раз тогда, летом, как несовершеннолетняя, с помощью прокурора. Ну и сами понимаете, какое тут у всех возмущение вызвала подобная чехарда.

— А Мария Михайловна? На нее больше всех жалуется Валя.

— Мария Михайловна, можно сказать, жизнь отдала санаторию. Работала она и главным бухгалтером и сестрой, а когда возраст подошел, вышла на пенсию, сказала: не могу без работы, дайте любую. Вот и работает секретарем-машинисткой. И болеет за все, что происходит у нас. И, конечно же, не могла пройти мимо Валиных выкрутасов. Ну, а про «гадости», которые так оскорбили Валю, можно сказать одно: подобные люди хорошо слышат и помнят, что им говорят, а как, каким тоном, какими оскорблениями они отвечают — это они сразу же забывают. Если бы вы знали, как все рады, что Воробьевы от нас из Холмиков уезжают!

(Из беседы с секретарем партийной организации, диетсестрой санатория.)

Да, они действительно уезжают. Глава семьи поступил инженером в недалекий колхоз, который сразу предоставил семье просторный трехкомнатный дом с усадьбой. И, конечно же, нелегко маме на новом месте с хозяйством, с тремя мальчишками. Но ведь она не одна, рядом взрослая Валя... Если бы! Валя именно уже взрослая, родители ей больше не нужны...

— Она пришла ко мне месяц назад и попросила помочь устроиться на работу здесь, в райцентре. У нас было место секретаря в райсельхозуправлении. Я похлопотала, ее приняли.

Она ведь ушла из школы из восьмого класса, когда с родителями переехала в Холмики. Потом училась в вечерней... Я ничего не знаю про эти два года в ее жизни.

— Они были достаточно бурными...

— Про характер ее в школе я уже говорила. А вот теперь кое на что обратила внимание. Пришла она ко мне на днях и просила «сделать» ей справку о том, что работала в школьной производственной бригаде. Ей нужен

трудовой стаж в сельском хозяйстве: хочет поступать в вуз. Я не стала ее выгонять, просто объяснила, что справок «не делаю». А вчера случайно услышала разговор двух сотрудниц сельхозуправления: груба, заносчива новая секретарша, самомнение у нее выше крыши... Словом, какая была она в детстве, такой и осталась.

(Из беседы с секретарем исполкома районного Совета народных депутатов, бывшей Валиной учительницей.)

И, наконец, разговор с самой Валей. Перед нами молодая статная женщина. Не поверишь, что ей нет и восемнадцати. Оживленная, веселая, разговорчивая.

— Слава богу, с этим ужасом в Холмиках покончено... Мужья? Да какие они мужья — барахло!..

...А мне здесь уже комнату в райцентре дали. Буду готовиться в институт. Вот только стаж надо... — Тень заботы легла на ее чистый лоб.

— А если просто пойти в колхоз и заработать себе этот стаж?

— «Просто», «на ферму»?! — Тон ее, выражение лица при этом были такие, будто перед ней слабоумные.

— Только брать, брать, брать! От людей, от общества, от государства. Никаких нравственных ограничений.

— И еще одна особенность: побыстрее перебирать варианты. Как с этими мужьями: не подходит — в сторону, другой не годится — вон его... По принципу: попробовать — выбросить.

— Звериная психология какая-то...

— Не скажите — у зверей инстинкт эгоизма уравновешивается чувством коллективизма стаи.

— А в общем, перед нами пример, подтверждающий необходимость борьбы за человека в каждом человеке. Или проще — воспитательной работы.

(Из наших вечерних бесед с Петром Ивановичем.)

И все же нам (если можно так выразиться) повезло. Мы не только «реконструировали» письмо Вали, не только увидели, какая она на самом деле, но и узнали, почему она такой стала. И в какой-то мере получили ответ на нередкий сегодня вопрос: отчего это случаются среди нашей молодежи такие холодные себялюбцы?

— Знаю, хорошо знаю Воробьевых! Немало занималась трудоустройством Натальи Николаевны — Воробьевой-мамы.

— Но ведь Валя жалуется в письме, что не реагируют на их просьбы и жалобы?

— Это теперь жалуется. И не Валя, а ее мама. Правильно. Сначала я им много помогала. И тогда была хорошей. А потом перестала помогать. И стала такой плохой, что на меня жалуются.

Лет пять тому назад Воробьевы приехали сюда из Прибалтики. Наталья Николаевна с помощью райкома и райисполкома начала свои трудоустройства.

— Их было много?

— Места работы она меняла поразительно быстро и за три года сменила довольно много. Я помню: машиносчетная станция. Мы «сгоряча» рекомендовали ее туда заведующей. Года не прошло, поняли — не справилась. Потом — горгаз. Потом — птицефабрика. Дальше уж не помню. Отовсюду она уходила обиженная, оставляя тоже обиженных ею людей. И шли письма, жалобы, просьбы — в райком, в исполком, в редакцию. Уж что-что, а говорить, писать проникновенные письма — это она умеет. Словом, уехали они в Холмики. Ей там предложили должность главного бухгалтера. Прошло меньше года — проверка. Комиссия установила полную профнепригодность. Отстранили от должности. И опять склоки, жалобы, письма... Главврач у них там молодой, сгоряча приказал освободить служебную жилплощадь. Воробьева — в суд. Суд постановил: жилья не лишать, трудоустроить. Предлагали санитаркой, сестрой — отказалась категорически, еще и высмеяла: мол, низко же вы меня цените! А тут райпо предложило принять магазин в Холмиках. Согласилась, приняла. А через полгода опять недостача, ревизия, увольнение. И все сначала... Вот тут-то я и отказалась дальше «устраивать ее жизнь» и сразу из подруги стала «бабой-ягой». А потом началась Валина эпопея...

— Как же вы расцениваете всю эту историю Воробьевой-мамы?

— Не только я — люди вокруг все видят и понимают. Оценка простая и точная: амбиции высокие, образование низкое; стремление побольше взять, поменьше отдать; очень неплохо знает свои права гражданина и совсем «не помнит» обязанности. И еще — совершенно непоколебимая вера в собственную исключительность, ставящую ее на недосягаемую высоту по отношению ко «всем остальным».

— Чем вы объясните такой стремительный калейдоскоп должностей, специальностей, мест работы?

— Думала об этом. По-моему, это своеобразный метод «тыка». Авось да выпадет крупный выигрыш!

— Но ведь от такого, с позволения сказать, метода страдает все, к чему прикасается подобный «исследователь», страдает общество!

— Об этом эгоисты никогда не задумываются.

(Из беседы с инструктором РК КПСС.)

Состоялось у нас интервью и с Натальей Николаевной Воробьевой. Ничего нового она нам не сказала. «Разоблачала», жаловалась, горячилась. А сгоряча разоблачила и себя. Рефреном всего нашего разговора проходила ее мысль о том, как высоко стоят они, Воробьевы, над окружающей их «толпой». Преследующей, не понимающей их — борцов за личное благополучие. Сделали мы еще одно нерадостное наблюдение. Двенадцатилетний Веня, который учится в пятом классе (неплохо учится), уже находится под мощным воздействием семейного эгоизма. «Ведь он у нас такой умненький, такой способный, а «они» так же преследуют его, как прежде преследовали в школе Валю».

Вот так и культивируется эгоизм в этой семье. А о воспитании в детях коллективизма там не думают. Но ведь коллективизм — это качество, которому учат все старшие всех малышей. И на суше, и в воде, и в воздухе. И у нас, у людей, в нормальном, то есть в социалистическом, обществе старшие, родители в первейшую очередь должны, обязаны воспитывать детей в понимании того, что жить, строить планы, добиваться успехов возможно только с коллективом, с людьми, а не против коллектива, не противопоставляя себя людям. Я уже не говорю о второй ступени воспитания, о том, что в этом двуединстве интересы коллектива должны стоять на первом месте. Воробьевым бы хоть начальную ступень осознать, осилить...

Я не назвал ни область, ни район, где разыгралась эта не очень радостная история, доказывающая еще одну нехитрую истину, что эгоист и для «собственного употребления» тоже не подарок. Изменил и имена главных действующих лиц. Потому что они начали новый жизненный виток в новом коллективе. Быть может, поймут?

Кстати — заметили? — я не назвал еще одного члена этой семьи — отца. Все говорили нам: «Ну, там все ясно — у них всему голова мать». А вот мне думается, неверно это. Те же люди совершенно однозначно давали оценку и ему: «Это работник!» Значит, держится семья, не потонула до сих пор в море недоброжелательности не письмами, кляузами, жалобами, амбициями мамы, а скромностью и трудолюбием отца.

И последнее замечание, «под занавес». Сколько же стоит эгоизм таких людей нам, обществу? Учреждениям райцентра, санаторию в Холмиках, где прошлись дамы Воробьевы, Валиным «мужьям», нервам и здоровью сослуживцев? А сколько человеко-часов затратили многочисленные инстанции на все разбирательства и на бесцельную в конце концов помощь?

Очень дорого обходится эгоист обществу. Не жулик, не обманщик (ведь, с точки зрения Вали и ее мамы, их действия абсолютно правильны и логичны!), а как велик ущерб от такого «невинного» себялюбца!

БОЛЬШАЯ СТИРКА

Как известно, услугами прачечных пользуются далеко не все, а те, кто пользуется, ограничиваются сдачей лишь постельного белья, предпочитая остальное стирать дома. Причины такой настороженности разные: и стирают не всегда хорошо, и порвать могут, и потерять. Да, случается и такое.

Между тем объем работы прачечных с годами растет, эти предприятия оснащаются новой техникой, многие коллективы по четкости и аккуратности в работе выходят на уровень передовых промышленных предприятий.

Одно из таких предприятий — Киевская фабрика-прачечная № 2. Это вполне современное производство, где каждый день, можно сказать, большая стирка. За две рабочих смены здесь моют, сушат, отглаживают, а частично и ароматизируют двадцать тонн белья. И все эти процессы, наиболее трудоемкие в домашних условиях, тут вполне отлажены и не доставляют особых хлопот. Сложности в другом: в течение дня надо несколько раз принять и передать, сверив по номеркам, а потом по квитанциям, сто тысяч единиц изделий! И не потерять, не перепутать.

Построенная пять лет назад с размахом и на вполне современном уровне, фабрика долгое время не могла набрать и половины проектной мощности. Настоящее становление началось с приходом нового директора. Вообще-то Анатолий Николаевич Сурин ни сном ни духом не представлял себя в этой новой и совсем незнакомой ему должности. Он руководил цехом на крупном машиностроительном заводе. Но начальник городского управления бытового обслуживания Ю. Ф. Савченко, сам в прошлом машиностроитель, уговорил его. И не ошибся.

Вступив в должность, Анатолий Николаевич начал не с «железок», хоть это было ему ближе, а с людей, с создания коллектива. Он понимал, что разгильдяй на производстве куда бо́льшее зло, чем даже пустующее рабочее место. Коллектив поддержал его. Освободившись от 20—30 случайных людей, фабрика стала работать более четко, с большей загрузкой.

Теперь можно было активнее заниматься строительными недоделками и промахами проектировщиков, подумать о лучшей организации труда. Основное производство решено было разделить на два потока, поставив во главе каждого опытных бригадиров.

Организация труда по потокам решила многие проблемы: сведены до минимума внутрисменные простои, повысилась коллективная ответственность и, что весьма существенно, заработки людей. Работа на единый наряд позволяет в течение смены переставлять людей по мере необходимости с одной операции на другую.

Сейчас на фабрике подобрался дружный коллектив, практически сведена на нет текучесть кадров. В прошлом году, например, при подведении ежемесячных итогов коллектив шесть раз выходил на первое место среди родственных предприятий.

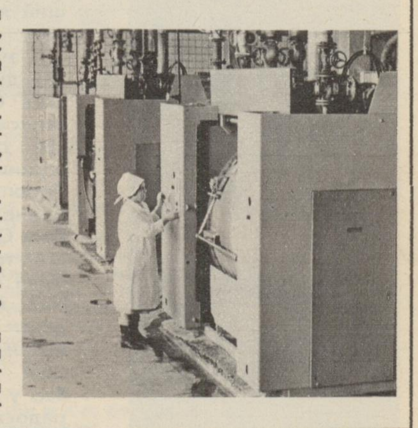
— За счет сокращения сроков выполнения заказов, — говорит Анатолий Николаевич, — и упрощения складских операций мы высвободили довольно большую цеховую площадь, есть у нас и резервные малые машины. В результате думаем об организации заказов на дому. Скажем, по вашему телефонному звонку приезжает наш экспедитор, забирает заказ. Все, что вы сдадите, в тот же день будет обработано отдельно, на малой машине, минуя все склады и операции по внутренней приемке-передаче, и в тот же день возвратится вымытым, выглаженным, надушенным.

Бывший металлист стал опытным специалистом службы быта, увлеченным своим делом. Я слушал его и жалел, что эта фабрика далековато от моего дома.

С. КАЛИНИЧЕВ,
собкор «Огонька»

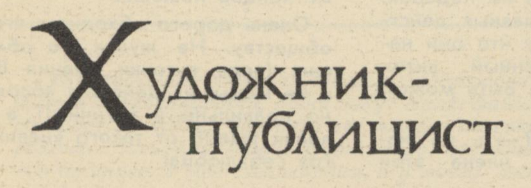
На снимке: в стиральном цехе.

Фото Ю. Мосенжника

как вас обслуживают?

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ САРВАРА АЗИМОВА

Литература рано вошла в жизнь С. Азимова. Он воспитывался в семье выдающегося мастера слова Хамида Алимджана и посвятил исследованию его творчества монографию, над которой работал много лет. В 1948 году в печати появились первые литературоведческие и критические статьи молодого выпускника Среднеазиатского государственного университета имени В. И. Ленина. В них С. Азимов выступил вдумчивым исследователем актуальных проблем культурной и общественной жизни республики, темпераментным публицистом.

Острой публицистичностью проникнуты художественные произведения С. Азимова — рассказы, повести, пьесы, неразрывно связанные с традициями национальной культуры и отличающиеся принципиальным, партийным подходом к освещению сложного исторического и современного материала.

Публицистико-философская драма — так можно определить пьесы Сарвара Азимова, новый жанр узбекской драматургии. Пьесы «Я вижу звезды», «Кровавый мираж», «Драма века», «Айша», киноповести «Листок из блокнота», «Сыны Отечества» несут раздумья писателя над судьбами планеты, пафос созидания социалистического общества. Четкая классовая позиция автора, политическая глубина органично сочетаются в этих произведениях с образностью и поэтической метафоричностью.

Из гущи современной жизни пришли также герои прозы С. Азимова. Читателям полюбились его многочисленные поэтические рассказы. Они отражают надежды и чаяния земляков писателя, исполнены духом братства и общности советских людей. В них звучит одна из центральных тем творчества Сарвара Азимова — тема интернациональной солидарности в борьбе за мир и дружбу между народами.

Этой важнейшей задаче неизменно подчинена вся многообразная общественная деятельность С. Азимова, возглавлявшего советскую делегацию на III конференции писателей стран Азии и Африки в Бейруте и являющегося ныне председателем Советского комитета по связям с писателями стран Азии и Африки.

Поистине удивительна неутомимость Сарвара Азимова, коммуниста, ученого, государственного и общественного деятеля, писателя, необычайно широк круг его общественных обязанностей и интересов. Вот вехи его пути: министр иностранных дел Узбекистана, посол СССР в Ливане и Пакистане, делегат двух сессий Генеральной Ассамблеи ООН и конференции ЮНЕСКО в Париже... Член ЦК Коммунистической партии Узбекистана, депутат Верховного Совета республики, заслуженный деятель науки Узбекской ССР, доктор филологических наук, Сарвар Алимджанович как бы олицетворяет собой невиданное культурное развитие за годы Советской власти некогда отсталой национальной окраины царской России.

С гордостью говорил С. Азимов на VII съезде писателей СССР о немалом вкладе узбекских литераторов в построение на их родине зрелого социалистического общества.

Дальнейшему расцвету родной литературы Сарвар Азимов отдает много сил на посту первого секретаря правления Союза писателей Узбекистана, который он занимает с 1980 года. Сюда, в здание Союза писателей на ташкентской улице имени Пушкина, приходят к Сарвару Алимджановичу со своими заботами и творческими планами коллеги по перу, зная, что найдут дружескую поддержку и участие.

Видный писатель, ученый и общественный деятель в гуще жизни, в неустанной работе. А значит, впереди у него — новые свершения.

О. ЮСЕФОВ

Воскресный день. Студенты отдыхали. Многолюдно было в кафе на втором этаже общежития. Какой только речи не услышишь здесь: ведь в Московском университете учатся кубинцы, индийцы, немцы, болгары, венгры и еще представители многих других стран. Но это не мешает юношам и девушкам быстро находить общий язык, становиться друзьями.

В этот день многих привлекла дискотека. Настроение у всех было хорошее, звучали записи популярных ансамблей, все спешили включиться в шумный круговорот веселья. Торопясь в зал, я обратил внимание на группу молодых арабов. Они молча окружили своего товарища, на его глазах были слезы. Я узнал его. Это был Манжит, ливанский студент. Мы дружили с ним, он помогал мне учить французский язык, я ему — русский. Все у нас любят этого жизнерадостного, приветливого человека. «Наверное, что-то случилось, если он так расстроен»,— тут же подумал я.

— Что с тобой, Манжит?

Мой друг пытается справиться с собой — за него отвечает другой ливанец:

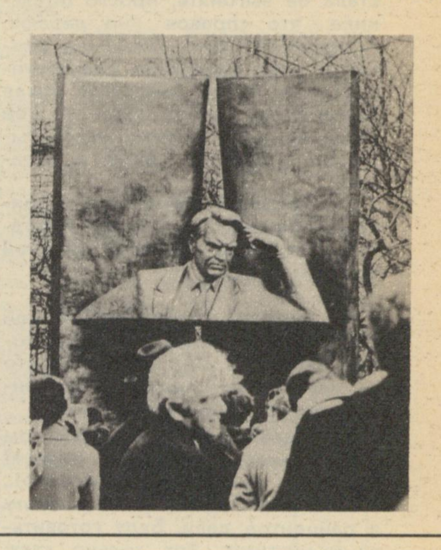
— Сегодня у нас в Ливане отмечают день матери, все поздравляют своих матерей. А ему некого поздравить — мама и две сестры погибли... Летом прошлого года, когда израильские оккупанты бомбили Бейрут...

Я сидел рядом со своим ливанским товарищем. По-дружески гладил его по плечу, говорил ему по-русски слова утешения. В это мгновение я думал о том, как ненавижу эту войну, гремевшую за несколько тысяч километров от наших границ, ненавижу тех, по чьим приказам сыпались бомбы на мирный квартал, где жили родные Манжита. Нет, чужого горя не бывает!

О. ГУРАШ,
слушатель подготовительного отделения МГУ

СПЕКТР

ГЛАВНОМУ ТЕОРЕТИ

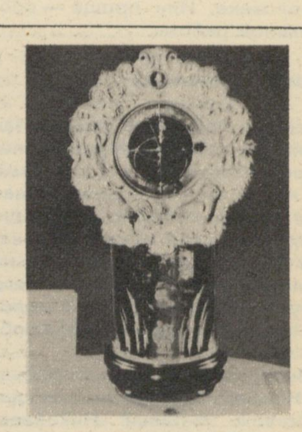

Димитровградский научно-исследовательский институт атомных реакторов имени В. И. Ленина — один из крупнейших атомных центров СССР.

Сейчас физики Димитровграда в совместной исследовательской работе со специалистами ГДР и ЧССР провели важные эксперименты, результаты которых лягут в основу создания атомных электростанций с реакторами на быстрых нейтронах. На установке БОР-60 уже успешно прошли испытания конструкции парогенераторов типа «натрий — вода», выработаны рекомендации для безопасной эксплуатации таких АЭС.

На снимке: операторы Вячеслав Бердяев и Петр Бабенко готовят оборудование для эксперимента.

Фото Ю. Белозерова (ТАСС)

А ГДЕ СЕЙЧАС ЛУНА?

На этот вопрос, прозвучавший из уст ребенка, способен дать вразумительный ответ далеко не каждый взрослый человек. Что и говорить, дети часто ставят нас в неловкое положение. Но взрослые ищут выход. Так, швейцарцы Андерегг и Танхаймер создали астрономические часы, по которым можно не только справиться, который час, но и узнать положение Луны, Солнца и даже звезд.

На снимке: астрономические часы.

Фото Кейстон — ТАСС

...КУ КОСМИЧЕСКИХ ПОЛЕТОВ

На Миусской площади у здания Института прикладной математики АН СССР открыт памятник-бюст выдающемуся ученому, трижды Герою Социалистического Труда, академику Мстиславу Всеволодовичу Келдышу.

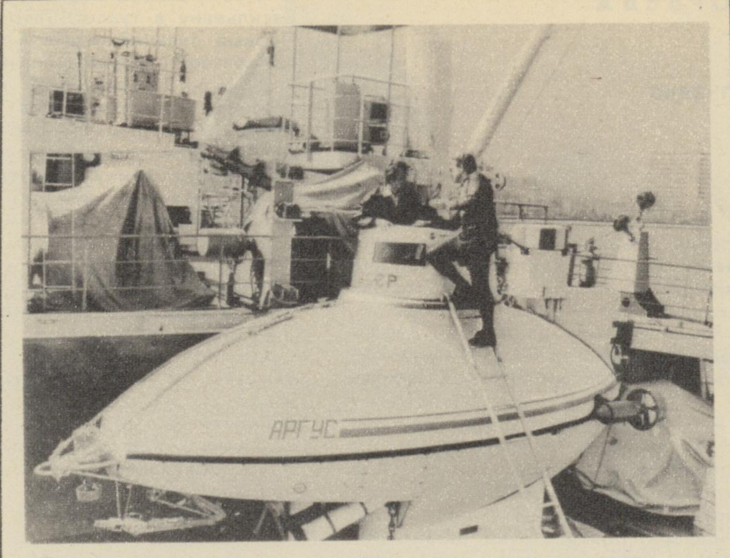
На митинге, состоявшемся по случаю открытия памятника, заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. И. Марчук, вице-президент Академии наук СССР, дважды Герой Социалистического Труда В. А. Котельников, директор Института прикладной математики Герой Социалистического Труда, академик А. Н. Тихонов, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР А. С. Елисеев говорили о том, что с именем Мстислава Всеволодовича, который много лет был президентом АН СССР, неразрывно связаны величайшие достижения нашей страны в освоении космического пространства, овладении ядерной энергией. Эти успехи нашей страны стали возможны благодаря разработке новых эффективных методов решения задач, широкого применения математического моделирования на ЭВМ для выбора оптимальных вариантов конструкций. Академик Келдыш основал Институт прикладной математики и двадцать пять лет возглавлял его. Сейчас это прославленное во всем мире научное учреждение с благодарностью и гордостью носит имя своего основателя.

На снимке: памятник академику М. В. Келдышу. Авторы — лауреат Государственной премии СССР скульптор В. М. Клыков и заслуженный архитектор РСФСР Р. И. Семерджиев.

Фото Ю. Сурхайханова

НА БЫСТРЫХ НЕЙТРОНАХ

К ТАЙНАМ МОРСКИХ ГЛУБИН

Вернулся из первого рейса советский научно-исследовательский корабль «Витязь», на котором работал аппарат для глубоководных исследований «Аргус». Согласно мифологии греков, Аргус — стоглазое существо. Оно по приказу Геры, ревнивой супруги Зевса, денно и нощно обязано было следить за Ио, обращенной в корову. Имя этого всевидящего стража носит теперь глубоководный обитаемый аппарат.

«Аргус» оснащен вдобавок манипуляторами и способен не только погружаться на большие глубины, но и брать образцы грунта и пород. «Аргус» входит в число других подобных себе аппаратов, которыми оснащено новое научно-исследовательское судно «Витязь» Геленджикского отделения Института океанологии АН СССР.

Его первый научный поход длился два месяца, а протяженность составила восемь с половиной тысяч миль. Проведены исследования дна Средиземного моря в районе острова Кипр. «Витязь» лучше, чем другие исследовательские суда, оснащен глубоководной техникой. Благодаря этому важные изыскания в первом же походе ученые провели в районе подводной горы Ампер, в том месте, где предположительно находилась Атлантида, легенда о которой восходит также к античным грекам. Попасть в нужную точку горы было трудно: операция шла в условиях сильного волнения моря, обычного в это время года. Для погружения был использован водолазный колокол, и акванавты достигли цели. Они откололи и подняли наверх кусок базальта с поверхности горы. Анализ добытого образца подтвердил ее вулканическое происхождение.

На снимке: «Аргус» на верхней палубе научно-исследовательского судна «Витязь».

Фото Е. Шулепова (ТАСС)

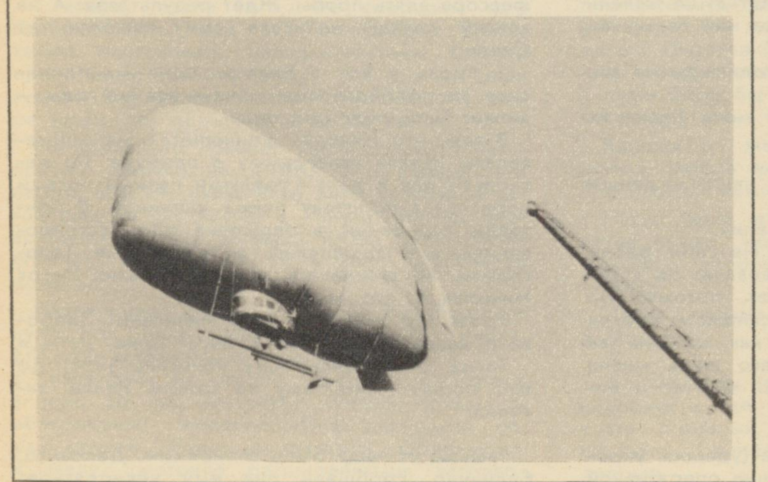
«УРАЛ-3» В ОБЛАКАХ

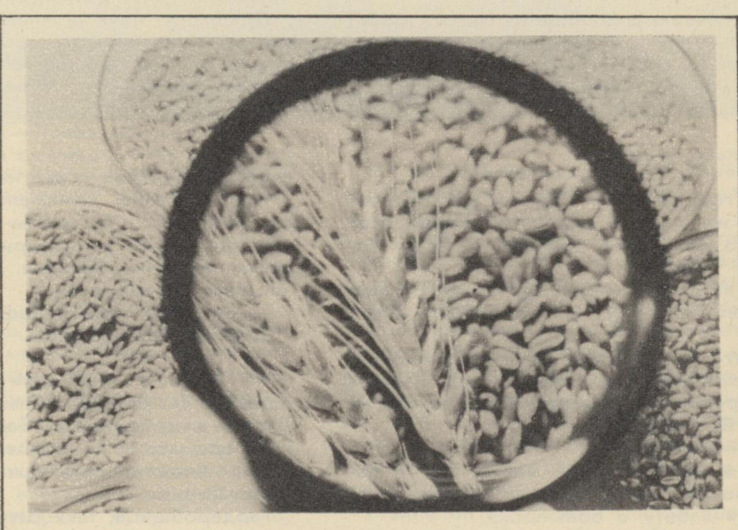
Этот летающий подъемный кран «Урал-3» создан коллективом авторов Уральского комплексного опытно-конструкторского отдела тканепленочных конструкций Всесоюзного института «Оргэнергострой» Министерства энергетики и электрификации СССР. Он представляет собой пилотируемый дирижабль из мягкой прорезиненной ткани серебристого цвета и наполняется гелием.

Аппарат устойчив в полете, а благодаря двум подвижным винтам отлично маневрирует. Вес поднимаемых деталей для «Урала-3» не превышает четырехсот килограммов. Но он лишь рабочая модель проектируемого мощного воздушного крана с полезной грузоподъемностью 15 тонн. Он станет славным помощником строителей линий электропередач, газонефтепроводов и при других работах в труднодоступных районах Сибири и Крайнего Севера.

На снимке: «Урал-3» во время испытаний.

Фото А. Грахова (ТАСС)

КАРАВАЙ ИЗ «ОЛИМПИИ»

Ученые Краснодарского научно-исследовательского института сельского хозяйства имени академика П. Лукьяненко создали новый сорт пшеницы — «Олимпия».

Селекционеры прославленного научного учреждения вывели уже около 60 сортов и гибридов зерновых культур, под которые отведены миллионы гектаров пашни. Институт оснащен самой современной техникой. Здесь действует фитотронно-тепличный комплекс, благодаря которому на выведение нового сорта пшеницы достаточно 6—7 лет вместо 12 при обычных условиях.

«Олимпия», рожденная здесь, уже прошла успешно государственные испытания и займет свое место на полях страны, где встанет и ее богатырский колос.

На снимке: богатырское зерно «Олимпии».

Фото Е. Шулепова (ТАСС)

Наталья ЮРЬЕВА

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. ПЧЕЛКО

КРЕДО

...Зинаида Васильевна отлежала двадцать пять суток после операции. Она действительно поправляется. И ждет, ждет, что ей со дня на день разрешат встать. Ей кажется, это теперь решает: поднимут — будет жить.

Во время утреннего обхода Андрей Владимирович обращает внимание Нигелы на какой-то анализ в истории болезни Зинаиды Васильевны.

— Верно! — соглашается с ним Нигела. И поясняет студентам: — Я всегда считала Андрея Владимировича хорошим врачом. Мне приятно убедиться в этом еще раз. Что происходит? Картину болезни вы знаете. После операции — инфаркт почки. Почка кровит. Мы принимаем свои лекарственные меры. Курс этот окончен в далеком прошлом. Организм же сам по себе, независимо от принятых нами мер, мобилизует свои защитные силы. Перестраивается.

Доктор Холодов обратил внимание на то, что в данный момент вязкость крови у больной повышена. Следовательно, можно опасаться тромба.

Как мы поступим? Прежде всего повторим анализы. С лекарствами выждем. Вставать ей не разрешим. Но разрешим начинать садиться — крайне осторожно. Рекомендуем больной побольше свеклы — она разжижает кровь.

И, увлекшись, совсем по-домашнему:

— А какой салат можно приготовить из свеклы с грецкими орехами!

— Какой? Какой? — заинтересованные девичьи голоса.

Минутная заминка. Вообще-то Нигела любит рассказывать, как вкусно кормит она дома своих мужчин. Но...

— К этому мы вернемся после занятий. А пока давайте поблагодарим доктора Холодова!

Тот довольно краснеет.

...Новый год. Марина, Люся и другие девчонки из их палаты пишут от имени всех больных поздравление Холодову, кладут открытку на стол.

Войдя в палату, он подходит к столу, удивленно берет открытку. С интересом читает вслух:

— «Нашего дорогого Андрея Владимировича...» — Неожиданно веселеет. Даже смеется совсем по-ребячески: — Дорогого? Нет, это не про меня. Вы ошиблись.

Однако читает дальше:

— «Под внешне суровой маской мы в палате быстро разгадали Ваше искреннее беспокойство и заботу о больных...»

Краснеет. Встает.

— Вы... Вы преувеличили, по-моему...

И быстро выходит из палаты.

...Зинаида Васильевна слабыми руками настойчиво подтягивается за спинку кровати — пытается сесть сама, без посторонней помощи.

Через несколько дней ей наконец разрешают встать. Она стоит всего лишь секунду на неслушающихся, словно чужих ногах. Но такое желание превозмочь это светится в ее зеленоватых глазах, особенно ярких на побледневшем лице, что в палате все притихают. Понимают: это победа. Ее победа. И надежда для того, кто отчаялся.

И вот наконец впервые Люся ведет Зинаиду Васильевну в туалет. Таков ритуал в клинике. Первый дальний поход — туда. Об этой минуте мечтает каждый лежачий.

Зинаида Васильевна идет, пошатываясь, странно переставляя не подчиняющиеся ей ноги. Но каждый про себя отмечает скрытую до той поры прелесть ее фигуры: подчеркнуто прямую спину, округлую линию бедер...

Их обеих издали видит Профессор. Но ни одна не здоровается с ним. У Зинаиды Васильевны не хватает сил даже на кивок головы. Облеченная ответственностью, Люся вообще не замечает его.

Он отходит в тень коридора. Долго смотрит им вслед. Воскрешение?!

Кто возложил на него такую непомерную тяжесть — отвечать за эти жизни и смерти? Иным он казался сталью. Но сколько чужих человеческих страданий повседневно может выдержать сердце?! Сердце сдавало иногда. Хуже всего, если во время операции. Приказывал:

— Открыть окно!

11

...Дусю, палатную сестру, мучило давление. Оно постоянно было высоким. Но часто превышало даже привычное. В такие моменты она сама колола себе папаверин, магнезию. Ей не нравился цвет ее лица — темно-зеленый с желтизной. Чтобы забить его, густо красила губы. Ее не оставляло ощущение, будто сидит в ней какая-то неведомая хворь. Точит. Обессиливает.

В минуты затишья, запираясь с другими сестрами в процедурной перекурить, она говорила грустно:

— Девки, у меня, наверное, рак.

— Да не рак у тебя, а дурак,— отмахивались они.— Тип у тебя такой — цыганистый.

Наступило время, когда уколы перестали ей помогать: сбить давление самой не удавалось.

Пришлось лечь в клинику, в терапевтическое отделение. Со стороны сердца, сосудов врачи никаких отклонений не находили. Она совсем пала духом. В это время ее и разыскал здесь Попов.

— Дуся, в чем дело? — Впервые он смотрел на нее не как на одну из надежнейших сестер своего отделения — как на больную.

Попов давно занимался почечной недостаточностью. По каким-то понятным лишь ему признакам заподозрил это и здесь. Полистал историю болезни. Поговорил с врачами. Заявил решительно:

— Забираю тебя в нефрологию!

Диагноз подтвердился.

Не было в отделении человека, которого оставило бы равнодушным известие о том, что Дуся — в нефрологии. Таскали туда домашнюю еду: кто ж ей сготовит? От души жалели ребят. Видели: пальтишки на них латанные-перелатанные.

Гардеробщица, тетя Шура, однажды не выдержала:

— Дуся, ты же занимала у меня Ленке на пальто.

Дуся только рукой махнула.

— Сразу подходящего не нашла — деньги разошлись!

Она была в долгу как в шелку.

По ночам плакала. Жалела. Не себя, ребят. Чувствовала — сломана. Чувствовала: не справиться ей с болезнью. Может, потому, что слишком устала. А может, слишком многое знала... Ее удивляло только: как же она так быстро сломалась?! Ведь всего лишь месяц назад работала. Дом тянула... Сейчас и подумать бы не могла об этом.

Вечером тетя Паша, нянечка (удалось упросить), ведет Марину в отделение оперативной нефрологии. Здесь лежат те, кто ждет или кому уже сделали пересадку почки. Марине давно хотелось попасть сюда. Небольшие палаты. На высокой кровати полулежит женщина. Строгий красивый профиль. Блестящие каштановые волосы. В голубом стеганом халате. Рука забинтована. Значит, шунт, значит, гемодиализ... На скамеечке подле нее Полина. Скамейка низкая: коса Полины едва не касается пола.

Смотрят телевизор, взятый напрокат в складчину. Здесь обосновываются надолго.

Марина здоровается. Обе отвечают лишь недобрыми взглядами. Тетя Паша вступается за Марину:

— Ну, что набычились? Такая же больная. Только что из общего отделения.

Такая же?! Надежда — вот что разъединяет их. Для Марины она реальна. Для них — призрачна.

...Марине кажется: здесь, в клинике, совершенно особый мир — здоровым знать его не дано.

Ей кажется: лишь здесь начинаешь сознавать истинную цену того, чем владеешь бездумно и неосознанно,— цену жизни. Цену здоровья.

Присоединившись к группе студентов, ей удается проникнуть с ними на гемодиализ. Как и студенты, она во всем белом. Шапочку выпросила у дежурной сестры. Халат мамин. Мама принесла его из дома, оставляет для себя в гардеробе.

Перед Мариной стеклянная перегородка. За ней лежит Клава — та, в голубом стеганом халатике, из оперативной нефрологии. Это о ней говорила как-то Нигела. Больше года ждет почку для пересадки.

Работает пульсатор: перекачивает Клавину кровь к аппарату «Искусственная почка». Очищенную возвращает обратно в организм. Аппарат делает то, чего не в состоянии уже делать обе ее пораженные болезнью почки.

Клава спит. На ее измученном лице вдруг проступает успокоенная улыбка. Что ей снится? Что-то из прошлого?

...Клава проснулась. Внимательно наблюдает, как отсоединяют шунт. Страшные отеки под глазами. Худенькие руки. Непомерно большими поэтому кажутся кисти рук...

Перебирается на каталку. Бесконечно женственным движением устраивает поудобнее голову на подушке — сложенные ладошки под щеку...

Больные знают (больные многое знают друг о друге): в гардеробной, этом «предбаннике» клиники, все дни просиживает приехавшая с юга Клавина мать. Нестарая еще, грузная женщина с таким усталым лицом, что кажется: трудно ей даже поднимать веки.

Приехала она с твердым намерением отдать Клаве свою почку. Уговорила, умолила Профессора взять пробы. Ждет результатов. А на всякий случай написала сыну Николаю на Север:

«...Кровь у вас с Клавой одна — материнская. Не подойдет моя почка — все же годы,— может быть, подойдет твоя».

В том, что Николай откликнется, не сомневалась. Ждала телеграмму о приезде. По нескольку раз в день тяжелыми своими ногами пересекала проспект перед клиникой. В почтовом отделении, в окошечке «До востребования», все справлялась о телеграмме. Телеграммы не дождалась, пришло письмо. Не от Николая, от его жены.

«...Уж что кому на роду написано! Здорового калечить не дам. У него тоже дети...»

Тогда, отчаявшись, мать написала зятю. До той поры писать ему не хотела. Знала: загулял.

Письмо от тещи было спокойным. Деловито, буднично сообщала она ему невероятное:

Окончание. См. «Огонек» №№ 18—20.

«...Спасти Клаву может только пересадка ей чужой почки. Узнала я это не сейчас, Павел. Да не хотела пугать тебя раньше времени. Оказывается, пересадить любую почку человеку нельзя. Может подойти только определенная. Клава ждет почку давно. Время уходит. Я решила отдать ей свою. От матери почка должна бы прижиться. Смущает мой возраст. Взяли у меня, однако, разные пробы. Жду результата. На всякий случай написала Николаю. Жена его отказала наотрез...» Чего-то она недоговаривала, чего-то ждала от него. Павел ощущал это. Письмо от тещи ошеломило его, круто оборвав беззаботную жизнь, которой он жил в последнее время. Впрочем, беззаботность эта и сама по себе уже тяготила его. Теперь, оглядываясь назад, Павел не понимал, как мог он так легко, так беспечно прожить это время без Клавы, словно ничего не случилось в их жизни!

Как все это началось? Он отчетливо помнил успокоенность и ощущение свободы, охватившее его, когда от московского перрона отошел поезд. Ощущение непозабытое, нет, но естественно недопускаемое им до себя ранее, невозможное. Да и ненужное. Жена, которую он любил. Маленькие, один за другим, ребята. Клавина болезнь.

Ему удалось устроить Клаву в лучшую клинику Москвы. Знал: она в надежных руках. Относительно мог быть спокоен за нее. Его предупредили: это надолго. Детей потому и забрала теща.

...В свою часть он возвращался тогда в полупустом вагоне — не сезон. В купе был один.

Сгущались сумерки. Дверь купе приоткрылась. Проскользнула женская фигура.

«Попутчица? Но где ее вещи?» — подумал Павел.

Женщина уверенно продвинулась к окну, задернула занавески. Зажгла свет. Внимательно взглянула на Павла:

— Добрый вечер! Я люблю все проверить сама.

Проводница. Вторая, догадался Павел. Не та, которой он предъявлял билет.

...Теперь Павел лишь смутно помнил ее лицо. Его самого удивляла легкость, с которой это произошло. Решила ее настойчивая готовность, женская вкрадчивость, мягкость — этого всегда ему не хватало в Клаве. Клава была резкая. Гордая. Уверенная в себе. И в своих поступках...

А дальше... Дальше все покатилось как бы само собой. И было это легко. Женщины знали, на что идут. Никаких обязательств — он не подлец. И речи не может быть ни о чем серьезном. Жена в больнице. Двое детей.

Как он мог жить так все это время? Это было действительно нужно ему? Или, может быть, он лишь заглушал этим остро вспыхнувшую однажды и потом постоянно жившую в нем обиду?

В Клаве было что-то притягивающее мужчин. Вокруг ее имени вились какие-то недомолвки...

Настораживали? Пожалуй, нет. Не допускал до себя этого.

Но однажды... Выдалась свободная минутка. День был жаркий. Заскочил на озеро окунуться. Издали узнал ее смех.

Клава купалась с его товарищем, офицером их части. Павла она не видела: лицо ее было обращено к тому... Ее лицо... Ее взгляд... Так она когда-то смотрела на него, Павла...

...Теперь, после того, что сообщила ему Клавина мать, все это показалось Павлу таким ничтожным, незначительным. Словно прорвалось, набрав силу, то, что он знал всегда. Ему нужна Клава. Кроме Клавы, ему не нужна ни одна женщина на свете.

Он отчетливо помнил, как впервые к нему пришло понимание этого. Лето. Пионерский лагерь под Москвой. В то лето их возили автобусом на экскурсию в Ясную Поляну. Возвращались оттуда затемно. Клава была всегда шумная, веселая. Ее то и дело одергивала вожатая.

Павел сидел рядом с Клавой. Автобус качнуло. Его плечо коснулось Клавиного плеча. Его рука коснулась ее руки.

Клава руку не отняла. Притихла. Смотрела в окно. То, что она вдруг затихла, почему-то обеспокоило вожатую. Она окликнула ее, раз, другой... Клава не ответила. Обернулась к Павлу. Смотрела расширенными, встревоженными глазами. Показывала на блики света, бегущие по проводам вдоль шоссе.

— Что это? Что?

— Лунный свет.

Качала головой:

— Нет. Нет!

Ей виделось что-то другое.

Вот тогда и пришло к нему остро, осознанно: «Только она!» Смешно! Сколько лет ему было тогда? Пятнадцать? И ей почти столько же. Клава, может быть, и не помнит этого.

Павел читал и перечитывал письмо. И все пронзительней становилась его тревога. Клава! Дети! Как мог он настолько отвлечься от детей? Пытался (как всегда и во всем) обвинить тещу. Зачем забрала детей? Конечно, с ними было бы трудно ему. Но не было бы того, другого...

Каждая из женщин, которых он знал это время, хотела иметь детей. Но — своих.

Его детям нужна их мать.

Пусть теща думает, что ее почка приживется лучше. Нет! Клаве нужна его почка, молодая, здоровая. Здоровьем бог его не обидел.

Павел срочно оформил отпуск и выехал в Москву.

До той поры не приходилось ему — не было надобности да и стремления — проникнуть в этот странный, скрытый мир, отгороженный от него (точнее, от гардеробной) входной дверью.

От того времени, когда он устраивал Клаву в эту клинику, осталось у него в памяти лишь мелькание белых халатов.

А теперь, ожидая подолгу в гардеробной лечащего врача Клавы, он, как и все здесь собравшиеся, ловил любое сообщение оттуда, с той стороны. Пользовался любой возможностью заглянуть туда. Беспомощные тела на каталках — везут в операционную или из операционной... Фигуры в больничных халатах. Тщетно пытающиеся прихорошиться женщины. Это все — по ту сторону двери.

А по эту — заплаканные глаза родных. Робкий шепот или тревожный говорок. И ожидание... Ожидание...

Втайне он испытывал чувство превосходства над ними: верил, Клава будет жить. Будет жить за счет его почки.

И вот, наконец, свидание с Клавой. Никогда он не мог бы предположить, что увидит ее такой!

У кровати — капельница. Чужое ее, до неузнаваемости измененное болезнью лицо в подушках...

Встретила без видимой радости. Ни о чем не спрашивала, будто расстались лишь вчера. О детях не вспоминала. Говорила лишь о себе, верней, о своей болезни. Сообщала какие-то подробности лечения. Рассказывала о сеансах гемодиализа — единственное, что помогает ей. Говорила, что хорошо бы их участить. И надо ему попросить об этом врача... Не спрашивала, долго ли он пробудет здесь. Не спрашивала, когда он придет еще.

«Нет, нет, это даже хорошо! — потрясенно твердил себе Павел, выходя из клиники.— Что не сдалась она — это хорошо. Что настроена на борьбу. Теперь я здесь. Теперь мы будем бороться вместе». Но тревога оттого, что время ушло, упущено столько времени, не оставляла его. И тягостным было ощущение своей бездумной вины.

Разговор с Профессором тоже не успокоил Павла.

— Хорошо, посоветуемся. Быть может, возьмем пробы,— сухо сказал Профессор, выслушав его.

Почему «быть может»? О чем советоваться? — думал Павел, коря себя за то, что не был настойчив. Надо брать пробы как можно скорее, не откладывая! Любым путем он решил добиваться этого.

А Профессор... Он знал о Павле больше, чем тот мог предположить.

Однолюб по натуре: с женой дружили с первого класса, с первого дня, когда их посадили за одну парту.

Нет, совсем не ханжа. Были встречи и в его жизни. Одну женщину и сейчас жалел от души — обделила ее судьба семьей, детьми. Сам он главным в жизни считал семью.

Другая... О другой запретил себе думать: однажды и навсегда.

Будь здесь все по-иному, он скорее всего не стал бы осуждать Павла.

«Слишком поздно опомнился!» — гневно думал о нем Профессор. Он-то знал, как недолго осталось жить Клаве. Знал: ничто уже не поможет ей теперь.

Вся клиника от операционной до гардероба затаив дыхание следит за тем, как здесь разворачивается очередная борьба за человеческую жизнь.

Аня Кокчан — та самая, что лежала с Мариной в послеоперационном отделении. Нет фамилии, что упоминалась бы чаще на утренней конференции в эти дни.

Кокчан! Не в первый раз уже везут ее в операционную.

По утрам в палатах с нетерпением ждут физкультурную сестру. Каждое утро обходит она все палаты, начиная с послеоперационных. Уж она-то в курсе событий.

— Галина Анатольевна! Как там Аня Кокчан?

— Плохо, девочки, плохо!

В гардеробе днюет и ночует муж Кокчан, Гриша.

Гардеробщицы, дотянув до последнего часа — нужно же запирать на ночь клинику,— отправляют Гришу. Он взбирается по приставленной им доске к окну послеоперационной палаты (послеоперационное отделение на первом этаже), часами смотрит на лежащую в полузабытьи Аню. Словно хочет передать ей свою волю, свою веру. Хотя кому же, как не ему, прожившему с нею долгие годы (разное бывало в их жизни), знать ее волю и ее силу.

...Как Марине хочется, чтобы Аня выжила. Когда Аню снова везут в операционную, кто-то в палате не выдерживает:

— Ну что мучают? Чудес не бывает, все равно конец.

— Не тебе судить! — взрывается Марина. А про себя: «Неужели и Профессор не верит?!»

И как будто в ответ из палаты в палату передают его слова: «Аня! Я знаю, тебе тяжело сейчас. Но ты умница. Помоги нам. Сделай последнее усилие — будешь жить!»

«Верит! — ликует Марина.— Не в чудо. В жизненную силу верит. В силу человека».

Выписывается Ирина Михайловна. Во всем домашнем, сразу похорошевшая, ходит от кровати к кровати, прощается. Тянет за уголок матраца — примета: чтобы не задержался в больнице человек. Очередь Марины. Обнимаются. И вдруг обе начинают судорожно рыдать. Марину пытаются урезонить:

— Чего ревешь! Тебя ведь тоже на днях выписывают. С ума посходили бабы!

Кто-то сочувственно замечает:

— Их же в один день оперировали. Это... Это как боевые подруги, что ли!

— У вас есть вопросы ко мне?

Взгляд Профессора веселеет, скользнув по нарядному, домашнему, впервые надетому после больничного халату Марины.

Он пропускает ее в кабинет. За дверью остается хвост врачей с рентгеновскими снимками в руках, со множеством не разрешимых без него вопросов.

Предлагает ей кресло у журнального столика. Сам садится в другое. Вынимает сигареты. Придвигает пепельницу к себе. Не спеша, с удовольствием закуривает.

— Так что у вас ко мне? — повторяет Профессор.

А Марина молчит. Кусает губы, чтобы не разреветься. И молчит. Так много нужно было, так много хотелось ему сказать. И вот... Ну, как будто сковало что-то!

Профессор нетерпеливо постукивает пальцами по столу. Рука Профессора совсем близко от Марины. Она неожиданно прижимается к ней щекой.

— Спасибо! — Это сквозь слезы.

— Что вы! Успокойтесь, прошу вас, у вас все в порядке!

— Я не за себя... Я за всех...

Только это и удается ей вымолвить.

Решается взглянуть на него. Видит, что взволнован и он. И не вдруг понимает: нужно, это нужно ему. Каждый ли, уходя из клиники, прорывается к нему с той настойчивостью, что проявила она, Марина? Каждый ли решится высказать ему это?

Он понимает все. И то понимает, чего она никогда не произнесет вслух: ее преданность. Готовность ее раствориться в его жизни. Он знает: это будет жить долго в ней. Это она долго будет таить в себе, но покажи он, что нужно ему, бросит все. Сломает, пожалуй, свою жизнь.

Ему дорого то, что он угадал. Но он должен повернуть ее к той домашней жизни, в общем-то прекрасной у каждого (независимо от того, сознает это человек или нет). Как бы временно отошла от нее эта жизнь, заслонилась болезнью... Выздоровлением.

— У вас, кажется, мальчик?

— Сын.— Глаза ее счастливо туманятся.

— Завидую! — И доверительно: — Нам с женою хотелось сына, а родилась дочь. Был бы сын — сделал бы стоящего хирурга из него.

«Как будто из дочери не может получиться хирург,— думает Марина.— Вот же, Нигела...» Но вслух сказать не решается.

...Марина уходит, ошеломленная его напутствием:

— Вы должны беречь себя!

«Беречь?!» Пожалуй, впервые в жизни она слышит по отношению к себе такое. И это говорит он. Он, который так безжалостен к самому себе.

Марина обнимает Нигелу. Не может оторваться. В последний раз вдыхает запах всегда отутюженной, свеженакрахмаленной ее шапочки. Нежный аромат кожи, горьковатый запах ее духов.

— Марина, слышишь, не пропадай! — говорит Нигела.— Появляйся, показывайся. Помни, в тебе кусочек моей души.

— А когда удобнее приезжать, так, чтоб не отрывать вас от дела?

Нигела смеется:

— Все равно будешь отрывать. От больных. От студентов. От дома... Но приезжай обязательно.

В клинику Марина приезжает месяц спустя. Внизу, в гардеробе, ждет Нигелу. От гардеробщицы тети Шуры выслушивает последние новости.

— А сегодня опять — всю ночь пересадка...

От дверей, ведущих уже в коридор клиники, с Мариной здоровается кто-то из посетителей — Марина его не помнит. Скорее всего ошиблся. Позади она слышит чей-то очень знакомый, чуть надтреснутый голос, поясняющий со знанием дела:

— Здесь не лечат. Здесь оставляют лишь тех, кому нужна операция.

Обернувшись на голос, Марина узнает отца Розы. И тогда понимает, что здоровался с ней муж Розы,— она просто не узнала его.

В длиннополом, немодном, порыжевшем от времени пальто. Он весь подался туда, по ту сторону двери, в коридор. Марина внезапно догадывается: пересадка сегодня ночью была сделана Розе.

И понимает внезапно, как была несправедлива тогда к ее мужу. Понимает, что тогдашнее оживленное внимание его к ним в палате было вспыхнувшей заново надеждой. Уж на что тяжелые здесь больные, а ведь встают!

Что-то бесконечно щемящее есть сейчас в его одинокой фигуре, устремленной отдельно от отца Розы туда, внутрь клиники...

— ...Дусю на той неделе схоронили,— продолжает выкладывать новости тетя Шура.

— Дусю! — потрясенно восклицает Марина.

Тетя Шура скорбно качает головой:

— Не жилец она была, не жилец! А какая девка! Вся клиника ее хоронила. Цветов было...

В дверях гардеробной со стороны клиники появляется Нигела. Ослепительно свежая, как всегда, красивая, оживленная. Внимание собравшихся в гардеробной сразу приковывается к ней.

Нигела любит спускаться сюда, в гардероб. С ее появлением рассеивается мрачная атмосфера, царящая здесь. Родственников всегда гнетет неизвестность. Нигела умеет рассеять ее. Умеет внушить надежду.

Она обнимает Марину за плечи:

— Ну, как ты, родная?

Марина едва выговаривает:

— Дуся!

Первая реакция Нигелы — естественная реакция врача: защитить, оградить. Как бы не вздумала прикидывать на себя!

— Марина! Дусин случай — особый. Ты не должна об этом думать.

Но, видно, и сама не может не думать. Поднимаясь с Мариной в отделение, говорит ей:

— Знаешь, мы в клинике привыкли так: горе, беда, болезнь приходят к нам лишь с больными. И научились, встречая, как говорится, смыкать ряды. А Дусина смерть показала, что бродит все это и около каждого из нас. И нужно уметь прикрывать друг друга...

...На столе у Нигелы зачетные карточки студентов. Рукопись ее диссертации. Учебник английского языка.

— И все успеваете? — спрашивает Марина.

— Ничего я не успеваю! — досадливо отмахивается Нигела. И признается: — Знаешь, мне иногда кажется, что это множество дел не дает мне оставаться самой собой — я ведь привыкла доводить до конца начатое. Делать что-либо, то хорошо...

Марина проходит коридорами клиники. Все здесь, как было при ней. Только бродят по коридорам в тех же больничных халатах незнакомые люди. Среди них натренированный глаз Марины безошибочно угадывает того, кто уже перенес операцию. Каждый посвоему, но одинаково бережно тянет, защищая, разрезанный бок.

Неожиданно видит Профессора. А едучи загадывала: увидит ли?

Он совсем рядом, на ходу задержался у столика старшей сестры, втолковывает ей:

— Выписалась примерно месяц тому назад. Маленькая, худенькая, совсем молоденькая — вспомнить фамилию не могу. Лежала в одной из последних палат, у стены справа. Не москвичка — приезжая. Расспросите палатных сестер. Не вспомнят, ищите по операционному журналу: одномоментная операция на обеих почках, почечная недостаточность. Надо срочно направить ее в Железноводск — есть путевка.

Марина не выдерживает:

— Сергей Александрович, это Лена Иванова из Ялты. В двадцать второй палате лежала. Четвертая койка у стены. Мы с ней в один день выписывались.

Он обеспокоенно наклоняется к Марине:

— Почему вы здесь? Что-нибудь случилось?

Она качает головой:

— Нет! Пока все в порядке.

Отвечая, пристально вглядывается в него. Ей кажется, даже за этот месяц прибавилось у него седины на висках. Жестче, резче проступили складки у губ...

Теперь она знает, отчего у него эти складки. Ничто не проходит даром. И нет тяжелее ответственности, чем та, которую он повседневно берет на себя.

...А клиника живет своей жизнью. Торопливо пробегают по коридорам сестры. Нянечки. Проходят врачи.

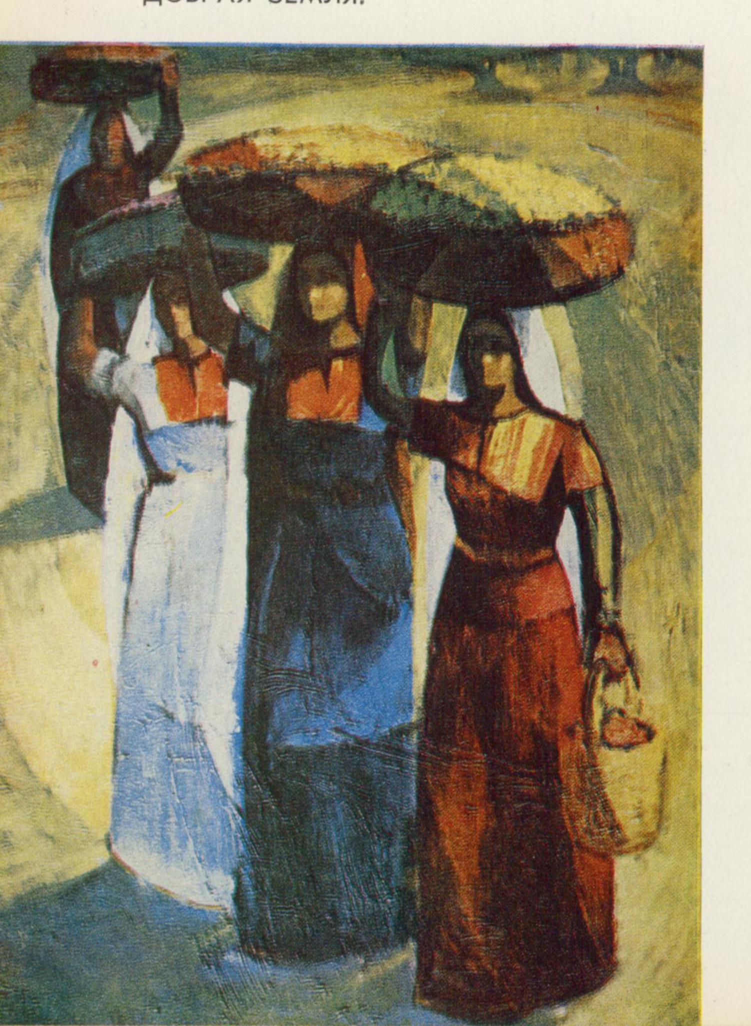
Одна за другой проезжают каталки с больными. В перевязочную. В операционную...

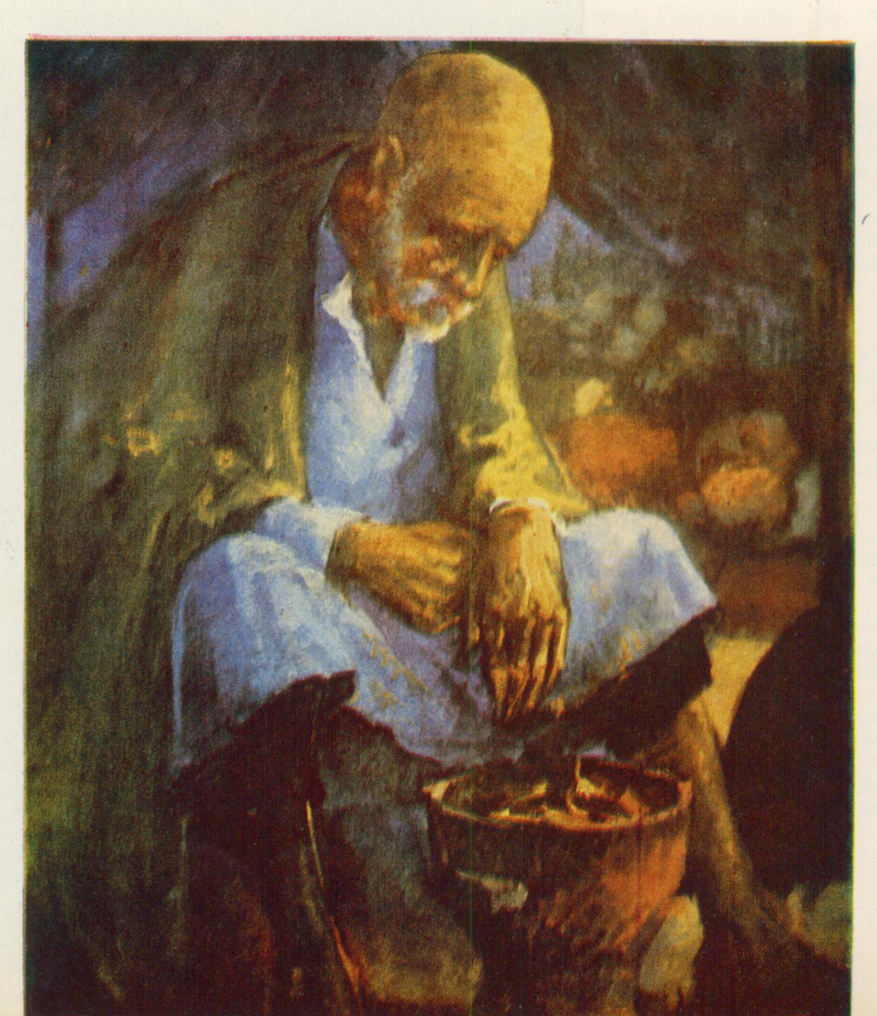
И. Шаммут. ЗДЕСЬ СИДЕЛ МОЙ ОТЕЦ.

И. Шаммут. ПАЛЕСТИНА: ВЕСНА, КОТОРАЯ БЫЛА.

ДОБРАЯ ЗЕМЛЯ.

ВОСПОМИНАНИЯ У ПОТУХШЕГО ОЧАГА.

Фрэнк ТЕЙЛОР, президент Международной федерации спортивной прессы

Пятна на футболе

Некогда в Англии игра в футбол рассматривалась как приятное времяпрепровождение. И никто не предполагал, к каким последствиям приведет решение, принятое в 1885 году, — платить футболистам, работавшим на заводах, фабриках и шахтах, несколько шиллингов. Эта скромная доплата оправдывалась тем, что футболисты отрывались от своей основной работы на производстве, а работодатели не соглашались платить им полную заработную плату за то время, что они тратили на тренировки и игры.

Большинство деятелей футбольной ассоциации были против любой формы профессионализма, но директора первых профессиональных клубов предпринимали все меры, чтобы превратить футбол в профессиональный вид спорта, и для этого учредили должность менеджера команды. Этих менеджеров никто не готовил, их обычно выбирали из числа закончивших карьеру профессиональных футболистов.

Менеджер стал связующим звеном между советом директоров и игроками. Его слово было законом, и под его началом работали по меньшей мере 2 тренера и около 10 скаутов, в задачу которых входили просмотр игр в своем районе и поиск потенциальных звезд. Именно скауты обнаружили Вилли Райта, Бобби Чарльтона, Джорджа Беста и других. Многие скауты — этот институт сохранился до наших дней — являются учителями школ или инструкторами спорта, и роль их в английском футболе очень велика.

Система профессионального футбола под эгидой лиги раскинула свою сеть по всей Англии. Сначала в лигу входило всего 12 клубов, а теперь в ее составе 88 клубов с более чем тремя тысячами профессионалов.

Стиль английского футбола возник стихийно. Получив мяч, игрок должен был продвигаться с помощью дриблинга к воротам соперников, а влияние шотландских футболистов, приезжавших на юг с целью найти заработок, привило англичанам вкус к командной игре, к точному короткому пасу.

Англичане усовершенствовали шотландский стиль, привнеся в него свои идеи — сочетания длинных и коротких передач, и использовали умение регбистов бесстрашно проникать за линию ворот, не считаясь с возможностью получить травму.

Современный стиль с медленными передачами мяча поперек поля ради того, чтобы сохранить владение мячом, был бы неприемлем для первых английских болельщиков. Они бы посчитали его нудным. Они требовали скоростной и открытой игры, в которой сила и смелость играют такую же роль, как и техническое умение. Ведущие английские клубы (такие, как «Арсенал» довоенной поры) собирали блестящих футболистов, истинных бойцов, быстрых, способных неустанно играть все 90 минут, с тем чтобы зрители получили наслаждение, чтобы они тысячами шли на матч. Увы, дальнейшая история профессионального английского футбола, и не только английского, не столь радужна.

В моей памяти воскресает незабываемый визит в Англию футболистов московского «Динамо». Они многому нас научили, и все радовались их приезду. И играли футболисты во имя любви к игре. А сколько зрителей собирали матчи московского «Динамо»! На его четырех играх побывало больше четверти миллиона любителей футбола. Воспоминания об игре динамовцев, их высоких спортивных качествах живут в сердцах и памяти всех, кому посчастливилось видеть матчи, хоть они и проходили в далеком 1945 году. Убедительный урок преподали советские футболисты именитым английским профессионалам...

1945. Лондон. Футбольный матч московское «Динамо» — «Кардифф-Сити».

А теперь рассмотрим нынешнюю ситуацию. Хулиганство на поле, буйство на трибунах. Количество зрителей на матчах за неделю, когда-то достигавшее одного миллиона, упало до 400 тысяч. А чемпионат мира в Испании? Еще до его начала газеты писали о взяточничестве и коррупции в итальянском футболе (и не только в нем), в которых были замешаны некоторые игроки сборной, в том числе и Росси, подвергшийся дисквалификации. Всех интересовало, будет ли Росси реабилитирован и разрешат ли ему играть за сборную. Да, ему разрешили, он был реабилитирован, но был ли реабилитирован итальянский футбол? Не сразу: на старте чемпионата итальянская печать резко осуждала своих игроков за излишнюю расчетливость, за склонность к оборонительной игре. Слишком много команд страдали этой болезнью. Зная, что миллионы смотрят футбол по телевидению, некоторые игроки возомнили себя кинозвездами и боялись рисковать. В свое время никто не стыдился проиграть матч лучшей команде. В наши же дни проигрыш часто становится национальной трагедией.

Почему 45 тысяч зрителей, смотревшие матч московского «Динамо» с «Кардифф-Сити», в котором динамовцы разгромили хозяев поля со счетом 10:1, аплодисментами проводили московскую команду? Да потому, что тогда не было позором проиграть выдающейся команде, которая продемонстрировала высокие спортивные качества и открыла глаза футболистам и зрителям, показав новый, более волнующий стиль игры. И как неприятно было наблюдать итальянского центрфорварда Росси в начале чемпионата мира, которого ругала вся итальянская пресса. Окончательно ли переменился Росси в ходе чемпионата? Ничего подобного! После чемпионата мира мне рассказывали, что Росси получил полмиллиона фунтов стерлингов за то, что дал свое имя для рекламы различных товаров.

В этом суть проблемы, с которой столкнулся современный футбол. Он перестал быть тем, чем его раньше называли, — народной игрой. Сами не подозревая, мы взрастили группу спортивных плутократов, пусть больших и искусных футболистов, но превратившихся благодаря стараниям различных агентов, дельцов и проходимцев рекламы в нечто вроде звезд поп-музыки.

Давайте посмотрим правде в глаза. Чемпионат мира в Испании дал нам немало волнующих моментов и показал футбол высокого класса. Кто может забыть выдающееся мастерство бразильцев! Конечно, они были лучшими в чемпионате, но наделали уйму ошибок и поплатились за это. Кто может забыть блестящее вдохновение французов, показавших фейерверк атакующего футбола, главным образом благодаря творчеству Платини, но они не устояли против прессинга сборной ФРГ и уступили ей.

Что можно сказать о команде моей страны — сборной Англии? Выиграть у нее нелегко. Она всегда упорна и дисциплинированна в обороне. Однако не дать сопернику забить гол — это лишь половина игры. Нужно самим забивать, а для этого нужен не один Бобби Чарльтон.

С моей точки зрения, нам следует вернуться к истокам игры, вспомнить прошлое, а для этого необходимо взглянуть на историю игры с тем, чтобы выяснить, где мы ошибаемся.

Почему мальчишки больше всего любят играть в футбол? Потому, что в футбол играть приятно. Итак, люди познают удовольствие от игры в свои школьные годы. Почему же они готовы стать зрителями и платят за то, чтобы посмотреть, как играют в футбол другие? Ответ, очевидно, и состоит в том, что люди получают удовольствие, наблюдая за более искусными игроками, чем они сами. Но зрители на чемпионате мира в Испании во многих матчах видели не только блестящих футболистов, но и таких, которые мешали играть своим соперникам, прибегая к толчкам, подножкам, задержкам. Они видели нападающих, которые преднамеренно падали в штрафной площадке соперников, притворялись, что травмированы, выпрашивали пенальти и иногда добивались его.

Вот что случилось с истинно спортивным духом, который теперь часто уступает место слишком уж трезвому расчету.

Да, испанский форум раскрыл не только положительные, но и многие отрицательные стороны современного футбола. Грязных пятен на футболе достаточно, и нам, спортивным журналистам, не надо их скрывать ни от спортсменов, ни от болельщиков. Ведь мы же все заинтересованы в том, чтобы эта прекрасная игра не блекла, а продолжала развиваться, радуя сердца людей.

Авторизованный перевод с английского Альберта ЛЕЙКИНА.

Этот снимок сделан в 1936 году.

19 МАЯ СТРАНА ОТМЕЧАЛА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ЭХО ПАМЯТНОЙ ВСТРЕЧИ

Надежда Константиновна Крупская много душевной энергии и любви отдавала созданию и укреплению пионерской организации. И дети платили ей любовью. Может, поэтому мы так часто видим ее на снимках в кругу ребят. Вот один из них.

Откуда эти мальчишки и девчонки! Как зовут их! Как сложились их жизни! Я решил разыскать некоторых из них. Поиски привели меня в степное село Нижнедевицк, раскинувшееся неподалеку от Воронежа.

— В Нижнедевицке прошли мое детство, молодость,— рассказывала Евдокия Романовна Пустовалова, по мужу Самодурова, работавшая в тридцатые годы старшей пионервожатой. На снимке она (1) сидит рядом с Надеждой Константиновной.— Родилась я в семье крестьянина-бедняка. Отца своего, Романа Ефимовича, не помню. Умерла от тифа и мать, Прасковья Семеновна.

Семилетнюю сироту люди определили в 1920 году в Нижнедевицкий детский дом. Здесь она училась сперва в школе, потом в педагогическом техникуме.

— А время было какое!— вспоминала бывшая пионервожатая.— Коллективизация, создание первых колхозов, борьба с кулачеством. Весь третий курс послали в Синие Липяги. Я была уже комсомолка. Обходили дворы, агитировали крестьян вступать в колхоз. В Михневе начала учительствовать. Собирала пожилых и молодых в одну хату, учила писать буквы, складывать слоги в слова. Потом вернулась в детдом, днем училась в техникуме, а вечерами вела уроки ликбеза в ближнем поселке Ерике.

Пришло время, и она получила вот такой документ: «Выдано воспитаннице Нижнедевицкого подросткового детдома Пустоваловой Евдокии Романовне в том, что она действительно состояла воспитанницей д/дома с 1920 года и по 16 февраля 1933 г., с какого числа выпущена на самостоятельную жизнь...»

Преподавала Евдокия Романовна в Нижнетурове, потом снова вернулась в Нижнедевицк. Здесь стала старшей пионервожатой и учителем физкультуры. В апреле 1936-го в Воронеже проводился первый областной слет учителей-отличников. На слет приехал народный комиссар просвещения А. С. Бубнов. Он и пригласил учителей и учеников школы в Москву на трехнедельную экскурсию. В июне делегация отправилась в столицу — пять учителей и пятьдесят ребят, круглых отличников. Тогда же в Наркомпросе они встретились с Надеждой Константиновной Крупской. Тут появился фотограф...

Последние годы пенсионерка Евдокия Романовна жила в тихом городке Боброве с мужем, Петром Васильевичем.

Они воспитали троих детей, всем дали высшее образование. Старший сын, Владимир,— конструктор, младший, Александр,— офицер, капитан, дочь Ольга — провизор.

...Внизу за девочкой в берете сидит Наташа Прозорова (2).

— В тот день,— рассказывает она,— мне поручили преподнести Надежде Константиновне цветы и передать приветствие от имени пионеров и школьников. Волновалась я страшно. Сказала, что нижнедевицкие пионеры желают ей доброго здоровья, обещают хорошо учиться и расти настоящими ленинцами. Надежда Константиновна обняла меня, попросила передать привет всем учащимся нашей школы. Расспрашивала ребят о занятиях, о жизни школы, рассказывала о детстве и учебе Володи Ульянова...

В 1942 году Наташа окончила с отличием среднюю школу, потом архитектурный институт. Проектировала жилые дома на московских улицах Готвальда, Новолесной, на Бутырском валу, где живет в доме, ею же спроектированном, микрорайоны в Дегунине, Бескудникове, Бибиреве. По ее проектам возведены больничный комплекс, столовая пятигорского санатория «Лесная поляна». В Нижнедевицке, в народном краеведческом музее, хранится ее гитара — подарок Надежды Константиновны.

Во время войны, в 1943 году, Зинаида Шмойлова — Битюцких (4) добровольно ушла в армию. Стала связисткой, воевала в составе зенитно-пулеметного полка ПВО.

После демобилизации она уехала домой, а вслед шло письмо, адресованное ее матери:

«4. 8. 1945 г. Здравствуйте, уважаемая Ефросинья Петровна!

Ваша дочь Зинаида Ивановна прибыла в нашу часть в мае 1943 года. В походах, в схватках с врагом прошла славный боевой путь до логова фашистского зверя. Она была неутомима, ее не

Е. Пустовалова.

Н. Прозорова.

З. Шмойлова.

С. Часовских.

Н. Татаринова.

страшили ни разрывы бомб, ни вой пикирующих самолетов, ни свист вражеских пуль. С нее брали пример остальные бойцы. В борьбе с врагом она была смелая, решительная, находчивая. За умение и мужество от командования части имеет ряд благодарностей. Мы шлем Вам свое армейское спасибо за воспитание отважной дочери. Желаем Вам хорошего здоровья и счастливой жизни со своей дочерью, с которой Вы скоро встретитесь. Командир батальона капитан Кучиев».

В армейской форме Зина приехала в Воронеж. Поступила в университет. Училась и восстанавливала город. Сейчас Зинаида Ивановна учительствует в нижнедевицкой восьмилетней школе № 2, той самой, где перед уходом на фронт успела пять недель поработать учителем.

Тамара Викторовна Кузичева — Останкова (5) окончила восемь классов. Была счетоводом, потом — бухгалтером местного отделения Госбанка. Всю жизнь работает в Нижнедевицке. Рядом с ней — стриженая девочка Дуся Кудрина — Соколова (6).

— С пятидесятого года, — рассказывала Евдокия Семеновна, старший инженер лесных культур Каменец-Подольского лесхоззага, — я все время работаю на одном месте, в одной должности. В нашем хозяйстве вдоль Днестра и его притоков много крутых склонов. Сажаем там леса. У меня два сына. Один учится в Воронежском лесотехническом институте, который я окончила после войны...

Слева от Дуси — Нина Татаринова — Проскурина (7). Она корректор воронежского издательства «Коммуна».

С Воронежем связала свою жизнь и Ольга Гусева (8).

— На той памятной встрече Надежда Константиновна подарила мне гитару. Я научилась играть на струнных инструментах и, когда стала работать преподавателем в Воронежском монтажном техникуме, долгое время руководила кружком народной музыки.

Серафим Часовских (9) тоже привез из Москвы гитару — подарок Крупской. Когда началась война, он за сотни верст пешком отправился поступать в летную школу, но его «забраковали» — зрение слабое. И все же он поступил в военное училище. Вот строки из его писем родным: «Я курсант военного училища. Занимаемся 12 часов в сутки. К концу июня нас выпустят и присвоят звание лейтенанта... После окончания училища пойду защищать Родину. Буду драться за всех вас...»

Серафим Часовских — участник Сталинградской битвы, воевал на Курской дуге, на берегах Днепра, командовал пулеметным взводом. Домой он не вернулся, пал смертью храбрых. До сих пор родные не знают, где похоронен их Серафим. Он навсегда остался для них двадцатилетним...

У каждого из бывших пионеров по-своему сложилась жизнь.

Тамара Серафимовна Болдырева (10) — бухгалтер нижнедевицкой типографии, а Мария Митрофановна Косенко (12) — врач в Подмосковье.

Следуя наказам Надежды Константиновны, все они выросли честными, трудолюбивыми. И свет той памятной встречи освещает их пути.

Анатолий САНЖАРОВСКИЙ

Во время церемонии открытия проспекта Сталинграда в Брюсселе.

ПРОСПЕКТ СТАЛИНГРАДА

М. СЕРГЕЕВ

Было начало весны 1945 года. Советские войска сражались на территории фашистской Германии. До Берлина советским армиям оставалось пройти не так уж много, но впереди еще предстояли тяжелейшие бои с упорно сопротивлявшимся врагом.

Наступило оживление и на дипломатическом фронте. В освобожденные от фашистской оккупации страны Западной и Юго-Восточной Европы Президиум Верховного Совета СССР назначил чрезвычайных и полномочных послов.

В середине марта я был назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Бельгии. Ранним утром 21 мая мы вылетели в Бельгию с Центрального аэродрома, находившегося в Москве. Самолеты в то время летали не так быстро, к тому же требовалась остановка для заправки самолета горючим, и поэтому до Брюсселя мы летели целый день. По пути мы видели с самолета разрушенные советские города, почти стертую с лица земли Варшаву...

С первых же дней нашего приезда в Брюсселе я чувствовал доброжелательность и симпатию, которую проявляли бельгийцы к Советскому Союзу. Симпатии со стороны бельгийской общественности выражались и в многочисленных приглашениях советским дипломатам от муниципальных советов посетить их города.

Немалую роль в создании атмосферы доброжелательности в отношении Советского Союза сыграло Общество бельгийско-советской дружбы, воссозданное в январе 1945 года. Душой этого Общества, его председателем в первые послевоенные годы была видная политическая и общественная деятельница Бельгии Изабелла Блюм. Пламенная патриотка своей родины, активный борец против фашизма в Испании, участник движения Сопротивления в годы второй мировой войны, Блюм была верным и искренним другом Советского Союза и внесла свой большой вклад в организацию и в работу Общества, целью которого было развитие и укрепление дружбы с Советским Союзом.

Ко времени нашего приезда в Брюссель Общество бельгийско-советской дружбы уже приступило к работе. В центре столицы был арендован большой дом, где помещалось правление Общества, библиотека, большой выставочный зал, помещения для различных кружков. Общество издавало свой еженедельный журнал «Советский Союз», организовывало фотовыставки о СССР.

Тем временем посольство переехало из отеля «Палас» в предоставленный ему во временное пользование один из красивейших дворцов города. В этом мраморном дворце 7 ноября 1945 года был устроен прием по случаю 28-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Гостем на этом приеме был бургомистр Брюсселя Ван де Мёлебрук. Бургомистр, поздравив меня с праздником, заявил, что муниципальный совет Брюсселя принял решение переименовать Южный проспект города в проспект Сталинграда.

Брюссель — один из старейших и красивейших городов Западной Европы. Южный проспект, с которым я познакомился еще до его переименования, находился в самом центре города.

Торжественное открытие проспекта Сталинграда состоялось 1 декабря 1945 года. На открытии присутствовали многие члены правительства, депутаты парламента и сенаторы, дипломаты, руководители Компартии Бельгии, активисты Общества бельгийско-советской дружбы. Многочисленные демократические и рабочие организации пришли на церемонию открытия со знаменами и красными флагами.

Бургомистр подошел к микрофону. Обращаясь к присутствовавшим, он сказал, что решением муниципального совета Брюсселя Южный проспект города переименован и что ему выпала большая честь торжественно объявить, что отныне этот проспект будет называться именем советского города-героя Сталинграда. Бургомистр выразил уверенность, что это решение муниципального совета полностью отвечает желанию всех жителей бельгийской столицы. Мы преклоняемся перед мужеством и героизмом советского народа и его доблестной армии, население Брюсселя чтит память советских воинов, погибших под Сталинградом и в других битвах. Бургомистр закончил свою речь пожеланием, чтобы проспект Сталинграда всегда был символом мира, дружбы и сотрудничества между бельгийским и советским народами.

В № 22 «Огонек» начинает печатать вторую книгу романа Анатолия Калинина «Цыган».

притчи о случайном счастье

Кадр из картины «Не было печали».

экран

В. ИВАНОВА

ФИЛЬМЫ О БЫТЕ, СЕМЬЕ, ЛЮБВИ...

Действие одного из таких фильмов начинается в метро, когда на станции останавливается поезд и из него вдруг не выходит, а прямо-таки вываливается пьяный человек... Оказавшаяся рядом женщина беспомощно и сокрушенно повторяет: «Гражданин! Вставайте!.. Да вставайте же!» Она не понимает, просто не понимает, что человек этот не только пьян; она не понимает, что для этого человека подобное состояние привычно.

Так происходит первая, весьма прозаическая встреча двух очень разных, совсем не романтически настроенных людей. Хотя фильм называется: «Влюблен по собственному желанию».

Впрочем, только так они и могли — эти люди — встретиться: абсолютно случайно на станции метро или еще где-нибудь, поскольку вроде бы ничто общее не может связать, сблизить бывшего спортсмена и библиотечного работника. То есть, по общему мнению, человека, привыкшего жить только физической жизнью, и человека, привыкшего жить духовно...

И вот здесь-то мы, наверно, ошибемся! Потому что если бы это было так, то они встретились бы и... разошлись. А вот они встретились... Хоть и очень трудно, но ведь сошлись друг с другом; и не просто как мужчина с женщиной, а именно как человек с человеком.

Об этом трудном пути одного человека к другому, как и о трудном пути человека к самому себе, к своей сути, рассказывает фильм, который поставил режиссер Сергей Микаэлян,— фильм, разительно не похожий на все то, что он до сих пор делал в кино.

Фильм, думается, неожидан для режиссера, для актеров Олега Янковского и Евгении Глушенко, короче — для всех. В этой работе едва ли не больше всего проявилась «черта остраненности» в актерском даровании Янковского — без этой черты он вообще не смог бы сыграть роль! Потому что его «герой» — бывший спортсмен Игорь — не заранее определенный человеческий характер: его очень и очень разгадать надо в той нравственной ситуации, какую представляет собой новая лента С. Микаэляна.

Помимо жизни, реальной жизненной ситуации, здесь еще и игра. Актеру надо и то и другое «проиграть», оставаясь самим собою; то есть, будучи героем происходящих событий, в то же время оставаться как бы рядом. Быть героем и как бы видеть его со стороны!.. Это невероятно трудно.

Причем героя Янковского эта трудность касается в самой большой степени: он существует в фильме как бы в двух измерениях, такой, какой он есть,— бывший человек, а ныне почти «алкаш»... Но ведь Игорь, хоть сегодня мы видим его в неубранной, пустой халупе, наполненной лишь пустыми бутылками, вчера — это человек, объездивший полмира и запрограммировавший себя на долгую, интересную жизнь.

Вдруг — и так рано — жизнь эта рухнула в полускотское существование. Быть может, именно в силу неординарности его? И вот из этой-то пропасти он теперь должен вытащить себя! Вытащить и себя и другого человека заодно,— вытащить этот «синий чулок», эту Веру, которая тоже почему-то поставила на себе крест...

Янковский сумел снять с этой притчи — о перевоспитании случайным счастьем — с помощью своей особой, легкой иронии всякий налет назидательности.

Фильмы подобного рода, решенные с разной степенью приближенности к жизни, критики именуют морально-этическими притчами. Термин широкий, почти необозримый. Да и фильмы здесь могут быть самые разные. Они легко рассказывают, казалось бы, о знакомом и привычном, о быте, семье, любви... Но разве не в этом повседневном постигает человек и себя, и самое жизнь, и свое место в ней?..

Отсюда немалое воспитательное значение, высокий нравственный потенциал, необходимый этому направлению кинематографии.

Вряд ли фильмы на какую-либо другую тему пользуются и столь повышенным спросом и предельным вниманием зрителя. Но вряд ли в какой-либо другой области нашего кино появляется так много фильмов «на потребу»!.. Фильмов, сделанных приблизительно и невзыскательно, без должной меры требовательности. Лишь бы удовлетворить недолгий, сиюминутный интерес аудитории.

Между тем именно здесь могут быть подняты вопросы от малого до большого. Вопросы самого насущного, самого серьезного общественного нравственного резонанса. Да, кстати, так это раньше и было. Всегда было в советском кино, начиная от «Машеньки»...

Рассмотрим же еще одну ленту на так называемую моральную тему.

История, положенная в основу фильма «Не было печали», который поставил режиссер-дебютант Юрий Даниялов по сценарию В. Строчкова, трогательна и забавна одновременно. Герой — процветающий ученый Иванов, закоренелый холостяк, находящийся в вечном и привычном рабстве у интеллигентной мамаши, вдруг узнает, что у него есть ребенок: девочка лет четырех. К нашему герою ее неожиданно приводит совсем ненадолго молодой человек, брат той женщины, с которой Владимир Петрович некогда накоротке был близок. Девочка осиротела: мать ее умерла, но от нее об отце она много слышала! Это были пусть добрые, но выдумки... Отец же ничего не подозревал — ни о рождении ребенка, ни о смерти матери. И вдруг, с приходом девочки, холостяцкое, налаженное житье героя под крылышком заботливой мамаши начало трещать по швам. В доме появился новый идол — смешное, умненькое дитя. В размеренное существование холостяка ворвались дотоле неведомые ему понятия: любовь, сочувствие, забота о ком-то другом... Раньше ведь заботились только лишь о нем самом — великовозрастном ученом муже, похожем на большого балованного ребенка.

Вся идиллия, однако, продолжалась недолго: ведь маленькую девочку и привезли на малое лишь время: пока дядя ее был в командировке. Вернувшись, он забирает ребенка, даже не подозревая о буре чувств, поднявшейся в душах немолодых людей — Иванова (Л. Куравлев) и его мамаши (Т. Пельтцер).

В сценарии девочку теряют взрослые навсегда. У них нет ее адреса... На этом все и кончалось!.. Фильм же благостно пощадил нас и пожалел героев. В конце мы встречаемся с Ивановым и его мамашей, которые поднимаются с подарками для девочки по заветной лестнице, а за дверью звучит добрая сказка Натальи Абрамцевой... И, значит, мы понимаем, что теперь-то уж все наладится и ребенок обретет семью! Но так ли это?..

Фильм печален и немножко лукав. Всего в нем, кажется, «в меру»: милый сценарий, хорошие актеры, прелестная девочка... И все было бы хорошо, если бы... Если бы не было вынужденных сравнений с другим, рядом идущим, вышеупомянутым фильмом. Потому что ведь и это тоже комедия. Тоже «притча об эгоизме». О счастье. О приблизительности экранного разговора. О необязательности итога.

Многое может объединить подобные фильмы. Одинаков хотя бы уж самый первый, весьма условный ход: неожиданное «явление» ребенка в картине «Не было печали» и такое же «явление» случайного пьяного пассажира в метро в фильме «Влюблен по собственному желанию».

Но дело даже не в том, что могло бы объединить эти картины. Дело и в том, что их разделяет. А разделяет как раз мера творческого открытия истины.

Она весьма условна в картине

Кадр из фильма «Влюблен по собственному желанию».

«Не было печали», хотя и этот фильм, повторяю, лиричен и добр. Вроде бы все при нем. Но нет в нем той меры открытия, меры душевной убедительности, которая всегда необходима искусству кино.

Притчи о перевоспитании стары как мир. Но, собственно говоря, у Микаэляна, по сути, пожалуй, ни один из героев особенно и не меняется — ни бывший спортсмен Игорь, ни библиотечный работник Вера. Напротив, они как раз утверждаются в основной своей человеческой сути, хотя жизнь-то, все ее обстоятельства пытались повернуть героев против самих себя: Игоря погрузить в пучину пьянства, нравственного тупика, Веру — в отрицание собственной силы, в ощущение ненужности, бесплодности собственного существования...

Встреча этих двух людей вернула их самим себе, заставила поверить в свои силы заново.

И пусть все это в фильме С. Микаэляна обретает и заведомую сложность в отношении героев друг к другу и актеров в подходе к своим героям... В самом деле, как их играть? Да, конечно, как реальных, но очень своеобразных людей. Ведь они разыгрывают своего рода партию в борьбе друг за друга и тут же — против друг друга... Они больше всего боятся поднять забрало, открыться в этой игре.

В этом смысле фильм «Влюблен по собственному желанию» довольно-таки требователен.

Он не угождает, не заискивает, не подыгрывает... Здесь нет легких, привычных ходов. Нет и «приятных» героев. Более того, они откровенно неприятны, особенно эта Вера — с ее стародевичьими зализанными волосами, несколько неуклюжая. Достаточно посмотреть на эту безнадежно унылую женскую фигуру в старом тренировочном костюме и какой-то дурацкой панамке, когда Вера ждет Игоря у газетного киоска возле Белорусского вокзала... Но ведь ждет! И не напрасно ждет... В отношениях много сарказма, порой недоброты. Однако где-то под спудом лежит заветная, затаенная капля сердечного, человеческого сочувствия, соучастия... И зрителю придется пережить все это вместе с героями, проиграть все нелегкие партии на сложной шахматной доске жизни, додумать все ходы. Потому что этот фильм, конечно же, не просто о любви. И не только о любви. Это картина о возрождении человеческой личности. И о трудном ее пути навстречу другой человеческой личности...

За последнее время на экран вышло немало таких именно притч — веселых и грустных, смешных и серьезных, легких, а порой и драматических. Среди них «Вокзал для двоих», «Полеты во сне и наяву» (с тем же Янковским), «Слезы капали» и другие. Некоторые из них удались больше, другие меньше... Публика их смотрит...

Много раз говорилось о том, что нет, мол, в искусстве новых сюжетов и новых тем: все уже когда-то было. Но иногда видишь и понимаешь, что сюжетов старых нет. Есть новые характеры. И, значит, новый подход к теме.

Любая старая притча о **воспитании любовью** пронзительно прозвучит, лишь оказавшись в руках талантливых исполнителей.

ВОСЕМЬ ИЗ ВОСЬМИ

В Варне на чемпионате Европы по боксу произошел случай, редкий в истории этого популярного спорта: восемь боксеров одной страны пробились в финал и все восемь закончили решающие бои победой.

Восемь чемпионов — советские боксеры. Если сказать, что счастливый исход чемпионата объясняется тем, что наши боксеры — используя ходовое выражение, получившее на ринге второй смысл,— были в ударе, то только этим, конечно, их успеха объяснить нельзя. Ведь в финалах против них выступали сильнейшие бойцы Европы — мастера ринга Югославии, Болгарии, Италии, ГДР, Польши и Венгрии. Все они тоже умеют и наносить и принимать удары, и тут победу могло принести только высокое мастерство: стремительный темп, умение вести и наступательные и оборонительные действия — все то, что отличает современный бокс.

Вот эти-то качества и были присущи выступлению наших боксеров, подготовленных под руководством старшего тренера сборной А. Лаврова, причем тут же следует отметить, что семь человек из двенадцати впервые выступали на европейском чемпионате, и среди них были и такие, которые только начинают свой путь на большом ринге.

Правда, длина боевого списка не всегда определяла успех боксера. Так, наш восемнадцатилетний Ю. Александров блестяще прошел все препятствия и, выиграв финальную встречу у югославского боксера С. Бузоли, стал первым золотым призером среди советских спортсменов (до него в первом и втором наилегчайшем весе победы добились болгары И. Мустафов и П. Лесов), а вот ветеран команды СССР, ее капитан легковес В. Демьяненко оказался на третьем месте.

Удачнее выступили два наших других ветерана С. Нурказов (полулегкий вес) и В. Шишов, чемпион Европы 1971 года (1-й полусредний вес). Вслед за Ю. Александровым они также завоевали первенство. Особенно много волнений принесла встреча боксеров 2-го полусреднего веса, где наш П. Галкин получил в лице молодого итальянца Л. Бруно серьезного соперника. Галкина молодым боксером не назовешь, но до европейского чемпионата ему добираться не приходилось, а тут еще в полуфинале он выдержал неудержимый натиск молодого ирландца К. Джойса, и судьба этого боя определилась чуть ли не на последних секундах. И всех волновал вопрос, хватит ли у Галкина сил, чтобы преодолеть контратакующие рывки итальянца. Но и на сей раз сказалась прекрасная подготовка нашего боксера, и он не упустил своей первой золотой медали.

Едва только зрители успели перевести дыхание после этого напряженного боя, как их ждало новое испытание — встреча В. Лаптева с боксером ГДР Р. Хунгером.

Мы уже привыкли к тому, что боксеры Германской Демократической Республики отличаются отлично отшлифованными нокаутирующими ударами, огромной волей к победе и выносливостью. Правда, на сей раз у наших друзей дела на чемпионате сложились не очень удачно, и в финал пробились лишь два их спортсмена — соперник Лаптева Хунгер и супертяжеловес У. Каден, который в полуфинале выиграл у нашего молодого, прекрасно выступающего А. Мирошниченко. Но в этом бою Каден получил повреждение и без боя отдал золотую медаль итальянцу Ф. Дамиани, и таким образом Хунгер, как говорится, бился в финале один за всех. Большое мастерство и мужество проявил этот молодой боксер, но Лаптева переиграть не смог и уступил ему по очкам в напряженном, равном поединке.

Зато в следующей схватке равенством и не пахло: наш В. Мельник после труднейшего полуфинала, в котором он победил прекрасного болгарского боксера И. Ангелова, сохранил достаточно сил, чтобы с большим перевесом одержать победу над румынским спортсменом Д. Марическу. А следующая, предпоследняя схватка оказалась самой волнующей. Достаточно сказать, что во встрече полутяжеловесов было четыре нокдауна, причем один пришелся на долю советского боксера В. Качановского и три — на долю его соперника поляка П. Скжеча. В этом бою было все, чем славен и ярок современный бокс, и победа Качановского была поистине достойна того высокого ринга, на котором она проводилась.

Ну, а о А. Ягубкине что сказать? Это поистине неувядаемый ветеран, мастер высокого класса, и венгерский боксер Д. Алвич хоть и оказался достойным соперником, не смог ни на мгновение склонить бой в свою сторону.

Так завершился чемпионат, на котором второе место в командном зачете по праву завоевала прекрасная команда Болгарии — хозяйка чемпионата. Теперь боксеры Европы взяли тайм-аут, чтобы осмыслить итоги соревнований и подготовиться к последней встрече перед Олимпийскими играми на Кубке мира, которая будет проведена в ноябре в Италии.

В. ЯКОВЛЕВ

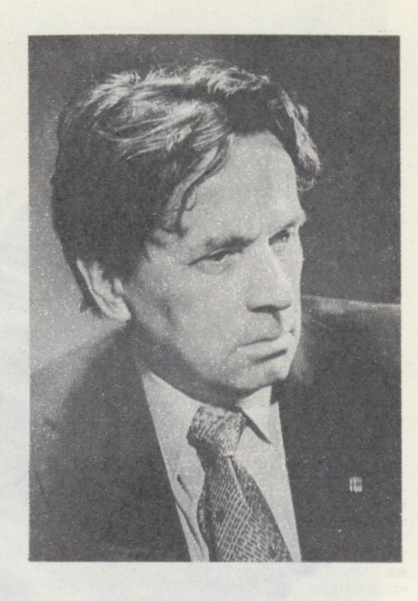
ХУДОЖНИК-ГОРЕЦ

Заур-Бек Абоев, народный художник Северо-Осетинской АССР, на персональной выставке в Москве в Центральном Доме работников искусств показывает свои произведения. Среди них интересные автолитографии, лиричная станковая графика — акварели, темпера, рассказывающие о его родной земле. Доброта и нежность к отчему краю, к его людям ощущаются в большой серии мастера, которая называется «Горы и горцы». В экспозиции представлены также овеянный суровым мужеством триптих «Рыцари революции», тонкие, живые портреты делегатов XXIV съезда КПСС, листы, посвященные БАМу, Бурятии. Зрители знакомятся с иллюстрациями художника к книгам, с рисунками, которые были сделаны в поездках по странам Ближнего Востока.

На снимке: открытие выставки.

Фото А. Бочинина

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОКЛОН

Велика горечь утраты. Не стало Федора Александровича Абрамова, большого русского писателя.

В 1958 году он опубликовал свой первый роман «Братья и сестры». И впервые перед читателями предстало село Пекашино, затерянное в лесных далях архангельской земли, и его люди — крестьяне и особенно крестьянки, вынесшие на своих плечах неслыханную тяжесть страды сорок второго. Так начался «народный эпос» Федора Абрамова. К глубинным основам русского крестьянского характера прикоснулся в своих прекрасных книгах писатель. Мир его прозы — это в основном мир северной деревни, и как много сумел увидеть Абрамов в этом мире. Писатель глубоко верил в нравственные силы русского народа, которые, как сказал он на VI съезде писателей СССР, «не дали пропасть России в годы самых тяжких испытаний». В замечательной трилогии «Пряслины», романе «Дом» и других книгах показал писатель народ в его богатырском росте.

Во всем и всегда Федор Абрамов был мужественно честен и прям. Он любил своих героев, но он сознавал и их недостатки и не уставал говорить о них остро и откровенно. Он яростно боролся со всем, что мешает нам двигаться вперед; фронтовик, изведавший страшную тяжесть войны, он и в мирное время был бесстрашен и несгибаем. Публицистика Федора Абрамова останется примером партийного отношения советского писателя к сложным проблемам современности. Каждое его выступление в газете, журнале, на телевидении имело самый широкий общественный резонанс — писатель умел остро и принципиально поставить вопросы, которые выдвигала жизнь, последовательно и неотступно всегда отстаивал он свои принципы.

Потому так значителен художественный мир Ф. Абрамова, что он всегда исполнен земных тревог и страданий, дел и свершений простого человека. Книги Ф. Абрамова, тревожные и светлые в своей вере в беспредельную силу народа, написаны настоящим художником, знавшим высокую цену слова; созданы мастером, истинным продолжателем великих традиций русской классической литературы.

Ушел замечательный русский писатель, но остались его книги, всегда будут жить его герои, простые русские люди, в бытии и труде своем превыше всего исповедующие закон собственной совести,— такие, как Михаил и Лиза Пряслины, Анфиса («Братья и сестры»), Евдокия-великомученица («Дом»), Василиса Милентьевна («Деревянные кони»)... Именно в них навсегда воплотилась вера и надежда Федора Александровича Абрамова.

Древняя архангельская земля принимает своего сына. Низкий прощальный поклон ему.

И. СТАДНЮК

ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ

И. ГАВРИЛОВ

Фото автора

Шестьдесят лет — целую человеческую жизнь — Василий Иванович Дамаскин занимается аквариумными рыбками, тридцать пять лет ведет селекционную работу, создавая новые разновидности. Всего он вывел их более сорока, у него самое большое не только в СССР, но и в Европе аквариумное хозяйство, в котором более десяти тысяч обитателей...

А начиналось так... Как и все мальчишки, десятилетний ростовчанин Вася увлекался рыбалкой. Уловы на Дону в те годы даже у детворы были богатыми. Каждый день Вася приносил ведро добычи. Но она его маму совсем не радовала — некогда было возиться с мелкой рыбешкой. Тогда Вася уходил на задний двор и сам готовил себе пир. Только рыбы было намного больше, чем мог съесть удачливый рыбак, и часть улова, живых еще рыбешек, Вася отдавал своим сверстникам; ребятня пускала рыбок в канавки, лужицы и с интересом наблюдала за ними. Вот тогда и решил Вася сделать свой прудик и напустить рыбьей мелюзги. За дело взялись сразу все мальчишки вместе, и очень скоро пруд был готов. С нетерпением ждали результата рыбалки.

В тот день Вася особенно осторожно снимал с крючка попавшихся рыбешек... И вот первые обитатели рукотворного озера заплескались, зарезвились в его «просторах». «Сколько было детской радости!» — вспоминает Василий Иванович. Но рыбки прожили всего два дня... Свидетелем ребячьего горя оказался сосед Александр Павлович — он-то и посоветовал горе-биологам запускать в маленький водоем не так много рыбы, объяснив, что для всех обитателей там не хватает воздуха...

Александр Павлович часто приходил к детскому озеру, помогал ребятне советами, делом, а однажды предложил маленькому Васе отправиться вместе с ним к дедушке Власову, у которого было несколько аквариумов. Дедушка Власов подарил юному биологу двух маленьких невиданных рыбок — пецилий.

Так Вася стал аквариумистом. Но от обыкновенного любителя до незаурядного селекционера был еще долгий и трудный путь. Толчком к мысли заняться выведением новых разновидностей рыбок тоже послужил случай...

В войну в рядах Советской Армии Василий Дамаскин освобождал от немцев Ростов-на-Дону. Забежал на несколько минут и в родной дом: окна выбиты, все перевернуто вверх дном, ветер и холод в комнатах, аквариумы с рыбками замерзли... И вдруг Василий увидел в одном из аквариумов двух живых рыбок: подо льдом они еле шевелили жабрами. Солдата удивила и потрясла сила жизни, и в ту минуту он решил: если останется жив, то займется разведением прекрасных золотых рыбок.

Говорят, будто в древнем Китае считалось, что эти рыбки приносят счастье. Может, и в самом деле так, потому что Василий Иванович остался жив и, вернувшись после восстановления Сталинграда в свой любимый Ростов, принялся возрождать разрушенное аквариумное хозяйство. Постепенно стал создавать генетический фонд. Когда рыбок накопилось около пяти тысяч, можно было начать эксперименты.

Шли годы. Опыты следовали за опытами, за успехами случались полосы неудач, но вера в правильность пути оставалась всегда. И какой же сильной должна быть эта вера: ведь на выведение лишь одной новой разновидности нужно от 12 до 18 лет напряженнейшей работы! Только в эксперименте по содержанию и разведению в различных температурных режимах участвовало 8,5 тысячи маленьких радужных созданий — они жили в воде с температурой от 0,1 градуса до 36 градусов по Цельсию, а некоторые даже давали потомство при температуре всего 8—10 градусов тепла...

Еще один экскурс в историю. Случилось это в начале 50-х годов. Василий Иванович, улучив несколько свободных минут, сидел за столом и рисовал белого телескопа, просто так рисовал, для удовольствия. Потом, отдохнув, пошел заниматься делами, а вернувшись, обнаружил на столе более десятка рисунков: какие-то неведомые сказочные рыбки с разноцветными плавниками, огромными ореховидными глазами, с красными шапочками на головках. Оказалось, это дочери постарались и попросили отца: «Сделай нам, пожалуйста, таких рыбок...»

Сразу после этого случая, в 1953 году, Дамаскин составил программу по созданию новых разновидностей золотой рыбки, куда включил и рисунки детей. С тех пор вообще каждая новая работа начиналась так: сначала рыбка рождалась в воображении, потом писался ее будущий «портрет», и после этого начиналась работа по его «оживлению». Сегодня практически вся программа 1953 года реализована. Вот они, плавают в аквариумах, прелестные, неповторимые, сказочные создания.

По мнению доктора медицинских наук, профессора, заведующего кафедрой биологии и генетики И. Баженова, «коллекция эта является уникальной для нашей страны и, по-видимому, для всей Европы». О золотых рыбках Василия Ивановича знают многие у нас в стране и за рубежом, он ведет большую переписку, часто выступает с лекциями, пропагандирующими биологическую науку, провел 37 выставок своих рыбок.

Двери дома номер 24 «А» по улице Розы Люксембург, где живет семья Дамаскиных, всегда открыты для гостей, их здесь уже побывало около полумиллиона, и почти каждый оставил восторженную запись в книге отзывов. Кстати, за долгие годы этих книг накопилось более шестидесяти.

Вот некоторые из отзывов:

«Знакомство с Василием Ивановичем заставляет каждого пересмотреть свой образ жизни и творчески трудиться на избранном поприще. Трудно верится, что один человек за свой жизненный путь сделал так много общеполезного для народа — сказку сделал былью. Ю. П. Севастьянов, капитан-лейтенант, командир роты».

«Жаль, что замечательный селекционер вынужден тратить массу времени на работу, которая под силу простому лаборанту. Да и материальная поддержка общественных организаций необходима. Чем быстрее будут решены эти вопросы, тем скорее воплотятся в жизнь новые задумки этого удивительного человека. М. Я. Винаров, строитель».

«Восхищены вашей неоценимой и благородной для человечества работой. Считаем крайне необходимым создать условия для обобщения и продолжения вашего гигантского научного труда... Великий многолетний законченный научно-исследовательский труд требует срочной публикации. Старший научный сотрудник НИИ биологии Харьковского госуниверситета В. А. Захарченко, младший научный сотрудник А. П. Романцов».

Пожелаем и мы Василию Ивановичу доброго здоровья и новых успехов.

Ростов-на-Дону.

КРОССВОРД

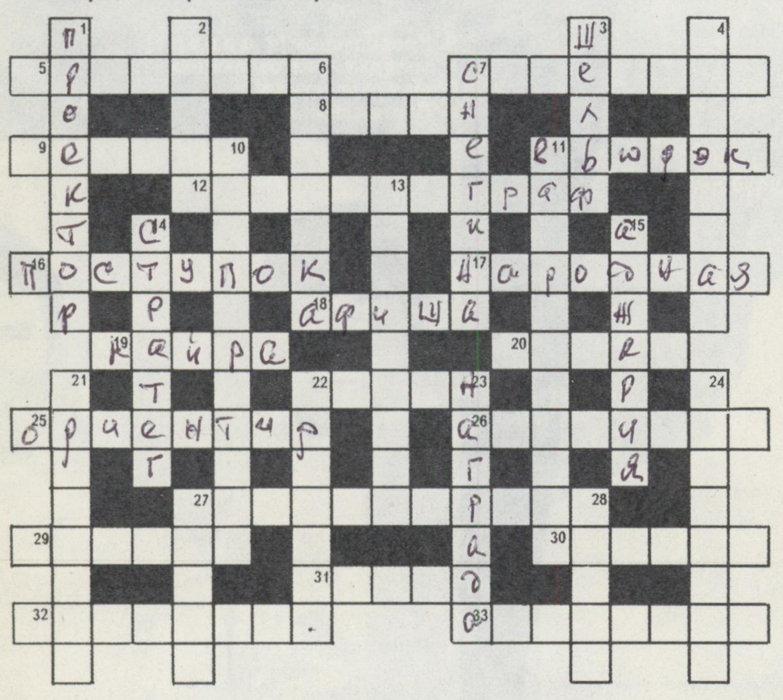
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Румынский космонавт. 7. Советский биолог, академик, основоположник научной школы. 8. Курорт в Калининской области. 9. Вулканическое стекло. 11. Небольшая лесная птица. 12. Прибор для автоматической записи давления, температуры, влажности воздуха. 16. Совершённое действие, поведение. 17. Наиболее высокая вершина Урала. 18. Объявление о спектакле, концерте, лекции. 19. Полярная птица. 20. Промысловая лодка эскимосов. 22. Иранская золотая монета. 25. Хорошо видимый элемент рельефа, помогающий определять направление движения. 26. Искусственно полученный химический элемент. 27. Систематизированный сборник цен по видам товаров и услуг. 29. Приток Волги. 30. Самая яркая звезда в северном полушарии. 31. Лекарственное растение. 32. Тип почвы в степях и пустынях. 33. Изящная музыкальная пьеса для фортепьяно.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Оптико-механический прибор для воспроизведения изображения на экране. 2. Промысловая пресноводная рыба. 3. Материковая отмель. 4. Геодезист. 6. Небольшая рыба семейства карповых. 7. Героиня поэмы С. А. Есенина. 10. Тепловая характеристика вещества. 11. Действующее лицо оперы А. Н. Верстовского «Аскольдова могила». 13. Навигационное устройство с определенным местоположением. 14. Полководец, руководитель крупных военных операций. 15. Автономная советская республика. 21. Рассказ А. П. Чехова. 22. Деталь трубопроводной арматуры. 23. Орден, медаль, премия. 24. Центр префектуры в Японии. 27. Приток Оки. 28. Духовой музыкальный инструмент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Попурри. 7. Испания. 9. Неон. 10. Редингот. 11. Сыроежка. 12. «Едут...». 13. Дата. 15. Нона. 17. Трясогузка. 19. Полишинель. 22. Жбан. 25. Капп. 27. Арно. 28. Марганец. 29. Владимир. 30. Илек. 31. Стодоля. 32. Афоризм.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Оптика. 2. Триггер. 3. «Спартак». 4. Интерн. 5. Пьеса. 6. Интенсификация. 7. Инструментовка. 8. Янкан. 14. Треска. 16. Община. 17. Троп. 18. Арль. 20. Одинцов. 21. Ливанов. 23. Брасс. 24. Негрос. 25. Критик. 26. Прием.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Молодость Африки. (См. в номере материал «Единство, нужное как воздух».)

Фото А. Соломонова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ростовские пионеры на экскурсии у Василия Ивановича Дамаскина * Новые разновидности золотых рыбок (См. в номере материал «Золотые рыбки».)

Фото И. Гаврилова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 29.04.83. Подписано к печати 17.05.83. А 00675. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1133. Заказ № 529.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Преданность сабле

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА

В Энциклопедическом словаре по физической культуре и спорту о сабле сообщается коротко и ясно: «Сабля — спортивное колющее и рубящее оружие. Клинок стальной. Вес не более 500 г». Но за несколькими словами скрывается столько красноречивых подробностей о характере и боевой славе этого спортивного оружия, входящего в фехтовальный триумвират, что мы решили не ограничиваться скупой справкой. Сабля достойна этого потому, что именно она уже давно приносит главные победы нашим мушкетерам.

Итак, начнем с фехтовального триумвирата. В него входят рапира, шпага и наша героиня — сабля. Но если рапира, с помощью которой советские фехтовальщики в пятидесятых годах добились первых успехов на международной арене, и шпага, тоже немало потрудившаяся во славу советского клинка, оружие только колющее, то сабля оружие и рубящее и колющее. (Мы решили в отличие от словаря поменять местами эти ее два боевых качества, потому что при фехтовании на саблях из ста ударов на уколы приходится всего десять). И хоть фехтование — единый вид спорта, но различия в его видах настолько велики, что сами фехтовальщики считают, что рапирист даже очень высокого класса, взяв в руки саблю, может выступить в лучшем случае на уровне кандидата в мастера. Сходство между боем на рапирах и саблях такое же, как между хоккеем с мячом и хоккеем с шайбой. Конечно же, есть много общего во всех трех способах фехтования, но бой на саблях самый быстрый, взрывчатый. Именно эти черты сближают саблиста с хоккеистом. По эмоциональному накалу, стремительности тактических решений, качеству силовых приемов у этих столь разных видов спорта в психологическом плане много общего. А после боя, когда саблисты снимают свои доспехи, они походят на хоккеистов и по числу синяков; рубящие удары требуют от саблиста большого самообладания, способности переносить болевые ощущения. И еще одно качество объединяет фехтование, и прежде всего бой на саблях, с хоккеем — быстротечность боевых действий. Здесь сотая секунды на весу — бой продолжается от шести до двенадцати минут. А следить за быстротой и точностью маневров клинком не менее, а может быть, и более трудно, чем за полетом шайбы. Фехтование требует от болельщиков очень высокой квалификации. Но в поединках на рапирах и шпагах момент укола, если вам даже не удалось его заметить, отмечается с помощью электрофиксатора, судейство же в бое на саблях — визуальное, и это придает поединку еще большую стремительность и азарт.

Такова сабля, но, несмотря на всю свою привлекательность, пока она не в руках спортсмена — это всего лишь пятьсот граммов металла. Только человек может ее оживить, насытить динамизмом, и вот я пожимаю руку человека, который тысячи раз держал в руке саблю, провел сотни боев, входил в состав той команды, которая на Олимпийских играх в Мельбурне заложила фундамент будущих успехов советских саблистов, завоевав бронзовую медаль, а еще одну такую же медаль получил он за третье место в личном первенстве, — Льва Кузнецова.

Давно уже сошел Лев Федорович Кузнецов с фехтовальной дорожки, но сабли из руки не выпустил, став главным тренером советской сборной и воспитателем выдающихся фехтовальщиков, в том числе Владимира Назлымова, одного из самых известных фехтовальщиков страны.

— Вы спрашиваете, в чем причина наших непрерывных успехов? — говорит Лев Федорович. — Я думаю, что прежде всего в том, что сабля, как эстафетная палочка, передается у нас из поколения в поколение. Достаточно вспомнить имена предшественников нынешних чемпионов мира и Олимпийских игр — Ивана Манаенко, Давида Тышлера, Якова Рыльского. Эта блистательная тройка виртуозов сабли заложила азы современной тренировки, основанной на большой физической подготовке, на тщательном совершенствовании тактических решений и технических приемов.

Преданность сабле, стремление познать все ее возможности — вот отличительные черты и тех, кто закладывал фундамент наших побед, и тех, кто сейчас продолжает дело, начатое ветеранами. И в первых рядах саблистов, по давней традиции, идут армейские фехтовальщики — их большинство среди призеров и мировых первенств и Олимпиад.

Еще в 1964 году советские мастера впервые завоевали командное первенство на Олимпиаде в Токио, и они же праздновали победу и на мексиканской, и на монреальской, и на московской Олимпиадах. В Монреале в борьбе за личное первенство все три медали завоевали советские спортсмены — Виктор Кровопусков, Владимир Назлымов и Виктор Сидяк. А в Москве в борьбе за личное первенство встретились два советских саблиста: уже прославленный наш фехтовальщик, ученик Марка Ракиты, многократного победителя крупнейших соревнований, — Виктор Кровопусков и молодой спортсмен, тоже ученик Ракиты, — Михаил Бурцев. Их схватка, насыщенная предельным вдохновением, в конце концов закончилась победой Кровопускова со счетом 5:3, но Бурцев доказал, что является первым наследником сабли № 1. Ведь Кровопускову уже тридцать пять лет, и у него четыре золотые олимпийские медали и много побед на самых крупных международных турнирах.

За 20 лет советские спортсмены завоевали 52 золотые медали на чемпионатах мира и 11 — на Олимпийских играх. Но самый большой успех в том, что победная эстафета советских саблистов продолжается. О Михаиле Бурцеве я уже говорил, — напоминает Лев Кузнецов, — а на первенстве мира 1982 года, которое проводилось в Риме, прозвучало имя еще одного молодого саблиста — Андрея Альшана, занявшего вслед за Кровопусковым второе место. Прекрасно выступают такие молодые мастера, как Георгий Погосов, Хусейн Исмаилов, Евгений Цухло, Александр Винник. Все они в разное время были чемпионами мира среди юниоров.

Теперь наши мастера готовятся к очередному чемпионату мира, который состоится в Вене в конце июля, и мы надеемся, что и там нас ждут победы.

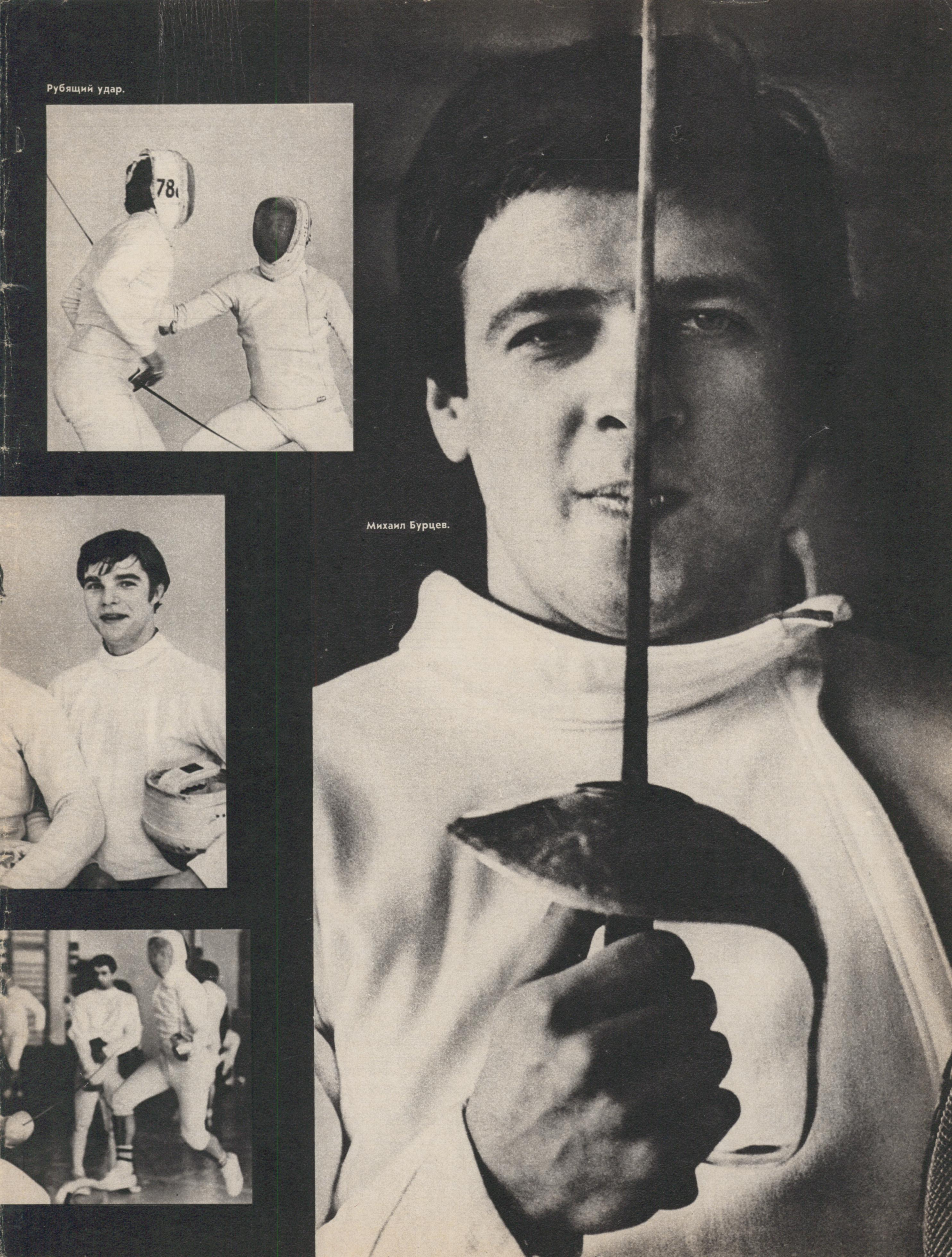

Л. Кузнецов и его ученик В. Назлымов.

В. Кровопусков (в ц е н т р е) и молодые фехтовальщики братья Александр и Сергей Винник.

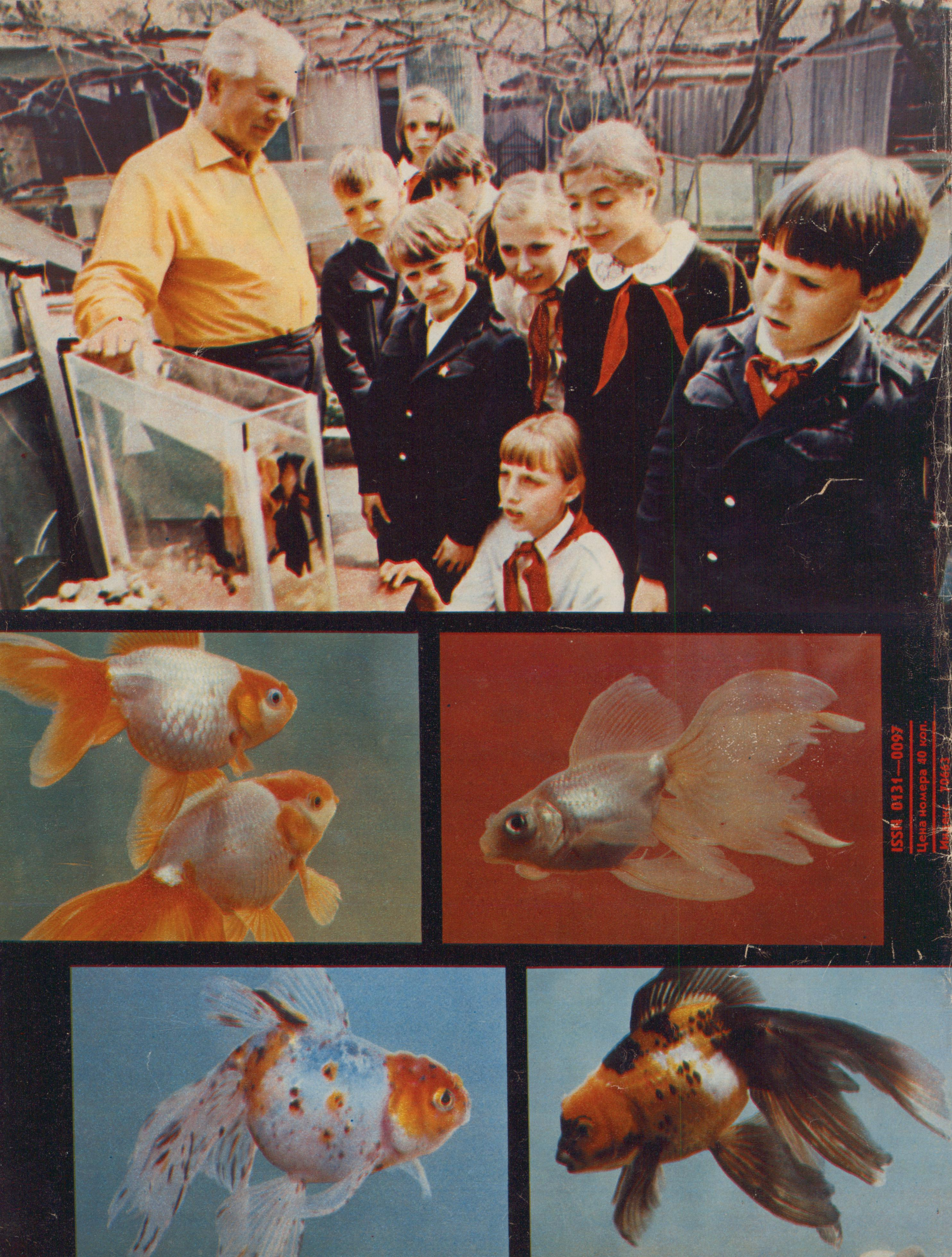
Момент боя.

Саблисты на дорожке.

Рубящий удар.

Михаил Бурцев.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663